

2023. Т. 15. № 2

ISSN 2219-6242 (Print)

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
и право**

ISSN 2219-6242 (Print)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2023. Т. 15. № 2

Scientific Journal
SOCIOLOGY AND LAW

2023. Vol. 15. No. 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

*директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
доктор юридических наук, доцент*

Заместитель главного редактора

А. Б. ЧЕРНЫХ

*доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики, кандидат социологических наук*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

*профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

В. БЕРГМАНН

*член ученого совета Европейской академии наук
и искусств, руководитель рабочей группы «Наука
и образование» форума «Петербургский диалог»
с германской стороны, доктор юридических наук,
профессор (Берлин, Германия)*

А. А. БЕСЧАСНАЯ

*профессор кафедры государственного
и муниципального управления Северо-Западного
института управления Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

В. М. БОЕР

*профессор кафедры гражданского права Института
технологий предпринимательства и права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
юрист РФ, почетный работник высшего
профессионального образования РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

С. С. БРАЗЕВИЧ

*профессор кафедры международных отношений,
медиалогии, политологии и истории
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Н. В. БУГЕЛЬ

*профессор кафедры гражданского и международного
частного права Ленинградского государственного
университета имени А. С. Пушкина, доктор
юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

И. И. ЕЛИСЕЕВА

*заведующий сектором Социологического института
РАН, доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, заслуженный
деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия)*

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

*заведующий кафедрой правового регулирования
градостроительной деятельности и транспорта
Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета, доктор
юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

Е. А. КЕЧИНА

*профессор кафедры социологии Белорусского
государственного университета, доктор
социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)*

В. А. КЛИМЕНКО

*советник департамента гуманитарного
сотрудничества, общеполитических и социальных
проблем Исполнительного комитета СНГ, кандидат
экономических наук, доктор социологических наук,
профессор (Минск, Беларусь)*

С. Ю. КОСАРЕВ

*профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-
технической экспертизы Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого,
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Я. А. МАРГУЛЯН

*профессор кафедры социологии и управления
персоналом Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, доктор
социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

А. А. МАРКОВ

*заведующий кафедрой международных отношений,
медиалогии, политологии и истории
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

*профессор кафедры государственного
и международного права Санкт-Петербургского
государственного морского технического
университета, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

С. М. ОГАНЕСЯН

*профессор кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики, доктор юридических наук,
доцент (Санкт-Петербург, Россия)*

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

*профессор кафедры связей с общественностью
и рекламы Российского государственного
педагогического университета имени А. И. Герцена,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Е. В. СИЛИНА

*профессор кафедры гражданского процессуального
права Российского государственного университета
правосудия, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)*

А. Г. ТЮРИКОВ

*руководитель департамента социологии факультета
социальных наук и массовых коммуникаций
Финансового университета, доктор социологических
наук, профессор (Москва, Россия)*

В. Б. ШАБАНОВ

*заведующий кафедрой криминалистики юридического
факультета Белорусского государственного
университета, доктор юридических наук, профессор
(Минск, Беларусь)*

SOCIOLOGY AND LAW 2023. Vol. 15. No. 2

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Juridical Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. B. CHERNYKH

Associate Professor at the Department of Labor Law and Social Security, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Sociology

EDITORIAL BOARD

G. A. o. AGAEV

Professor at the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

W. BERGMANN

Member of the Senate of the European Academy of Sciences and Arts, Head of the Science and Education task group at the St. Petersburg Dialogue Forum from the German side, Doctor of Law, Professor (Berlin, Germany)

A. A. BESCHASNAYA

Professor at the Department of State and Municipal Administration of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

V. M. BOER

Professor at the Department of Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

S. S. BRAZEVICH

Professor at the Department of International Relations, Media Studies, Political Science, and History of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. V. BUGEL

Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

I. I. ELISEEVA

Sector Manager of the Sociological Institute of the RAS, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

N. N. ZHILSKIY

Head of the Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E. A. KECHINA

Professor at the Department of Sociology of the Belarusian State University, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

V. A. KLIMENKO

Advisor to the Department for Humanitarian Cooperation, General Political and Social Problems of the CIS Executive Committee, PhD in Economics, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

S. Yu. KOSAREV

Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Ya. A. MARGULYAN

Professor at the Department of Sociology and Personnel Management of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. A. MARKOV

Head the Department of International Relations, Media Studies, Political Science, and History of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

Yu. V. MISHALCHENKO

Professor at the Department of State and International Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. M. OGANESYAN

Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

N. N. POKROVSKAIA

Professor at the Department of Public Relations and Advertising of the Herzen University, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

E. V. SILINA

Professor at the Department of Civil Procedure Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. TYURIKOV

Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Social Science, Professor (Moscow, Russia)

V. B. SHABANOV

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Minsk, Belarus)

Редакция

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ О. В. ЯРЦЕВА
Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором),
регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП».
198095, Санкт-Петербург, Розенштейна ул., д. 21

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ

Формат 84×108¹/₁₆.

Дата выхода в свет 21.07.2023.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 10,46. Усл. печ. л. 16,38.

Тираж 67 экз. Заказ № 95.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в международную справочную систему по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Статьи журнала включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека) РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Editorial staff

Head of Publishing and Printing Center O. V. YARTSEVA
Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editorial Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia. Phone (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. III No. ФC77-67818 28 Nov. 2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© All rights reserved.

Web-site: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

LLC "RIGHT PRINT GROUP"
21 Rozenshteyna st., St. Petersburg 198095, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Format 84×108¹/₁₆.

Release date 21.07.2023.

Offset paper.

Published pages: 10,46. Conventional printed pages: 16,38.

Circulation 67 copies. Order No. 95.

Distinguished authors and readers of the magazine!

The journal "Sociology and Law" is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the journal "Sociology and Law" is obligatory.

The information concerning editions and publications is included in the international reference system for periodicals and continuing publications "Ulrich's Periodicals Directory".

The articles of the journal are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Маргулян Я. А., Данилова Н. И.</i> Влияние информационного неравенства на обеспечение социальной безопасности российского общества	168
<i>Тарандо Е. Е., Инь Шаша, Ван Цзинтин.</i> Источники доходов пожилых жителей города и деревни в Китае (по материалам исследований условий жизни)	176
<i>Юмашева И. А., Афанасьева Т. С., Алеманова Г. Д.</i> Проблемы трансформации поведения потребителей как результат негативного влияния технологии <i>deepfakes</i> на современное цифровое общество	185
<i>Оганян К. К., Жуков Д. В.</i> Регуляция как функция управления социальной адаптацией курсанта военной школы	197
<i>Трунов А. А., Тарасов А. С.</i> Базовые ценности современного российского общества в зеркале экспертных мнений	206
<i>Шеболкина Е. П., Красикова Н. В.</i> Оценка феномена «культуры отмены» студенческой молодежью	217

Право в жизни государства и личности

<i>Моисеенко Д. А., Жильский Н. Н.</i> Ограничение конституционного права на проведение публичных мероприятий в условиях режима уровней реагирования	230
<i>Ямзина С. А., Колмогоров М. В., Оганесян С. М.</i> Правовой анализ электронного правительства в Российской Федерации	240
<i>Ильичев Д. А., Трухин М. А.</i> О структуре частной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования	247
<i>Мишальченко Ю. В., Шартава Д. Н., Мишальченко М. Ю.</i> Публичные и международно-правовые аспекты применения законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях	259
<i>Зорина Е. М., Кузьмин А. В.</i> Проблемы формирования и развития навыков будущих юристов в сфере правотворчества	265
<i>Руденко А. А., Макроменко В. Д.</i> Достоинство личности как объект уголовно-правовой охраны	274
<i>Проценко Е. В., Черных А. Б.</i> Оценка эффективности правовой деятельности профсоюзов на современном этапе	285
<i>Кузнецов И. И., Кузнецова А. А.</i> Национальная система правовой регламентации бухгалтерского учета Республики Казахстан	294
<i>Кулаков А. А.</i> Историко-правовой анализ значения и последствий торгового договора между Россией и Германией 1894 г.	302

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Yakov A. Margulyan, Natalya I. Danilova.</i> The impact of information inequality on the social security of Russian society	168
<i>Elena E. Tarando, Yin Shasha, Wang Jingting.</i> Sources of income for urban and rural elderly people in China (based on research on living conditions)	176
<i>Irina A. Yumasheva, Tatyana S. Afanasyeva, Galina D. Alemanova.</i> Problems of consumer behavior transformation as a result of the negative impact of deepfakes technology on modern digital society	185
<i>Karina K. Oganyan, Dmitry V. Zhukov.</i> Regulation as a function of social adaptation management of military school cadet	197
<i>Anatoly A. Trunov, Alexander S. Tarasov.</i> Basic values of contemporary Russian society in the mirror of expert opinions	206
<i>Evgenia P. Shebolkina, Natalia V. Krasikova.</i> Assessment of the phenomenon of “cancellation culture” by student youth	217

The Law in a State and Person Life

<i>Dmitriy A. Moiseenko, Nikolay N. Zhilskiy.</i> Limitation of the constitutional right to hold public events under the regime of response levels	230
<i>Svetlana A. Yamzina, Maksim V. Kolmogorov, Stepan M. Oganessian.</i> Legal analysis of electronic government in the Russian Federation	240
<i>Dmitriy A. Il'ichev, Maksim A. Trukhin.</i> The structure of a private methodology for detecting and disclosing bribery in the field of education	247
<i>Yury V. Mishalchenko, David N. Shartava, Maria Yu. Mishalchenko.</i> Public and international legal aspects of application of the legislation of the Russian Federation on administrative offences	259
<i>Elena M. Zorina, Andrey V. Kuzmin.</i> Problems of formation and development of skills of future lawyers in the field of law-making	265
<i>Artem A. Rudenko, Viktor D. Makromenko.</i> Personal dignity as an object of criminal and legal protection	274
<i>Elena V. Protsenko, Antonina B. Chernykh.</i> Assessment of the effectiveness of legal activities of trade unions at the present stage	285
<i>Ilya I. Kuznetsov, Alyona A. Kuznetsova.</i> National system of judicial accounting of accounting of the Republic of Kazakhstan	294
<i>Aleksey A. Kulakov.</i> Historical and legal analysis of the meaning and consequences of the trade treaty between Russia and Germany in 1894	302

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Научная статья

УДК 316.35

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-168-175

Влияние информационного неравенства на обеспечение социальной безопасности российского общества

Яков Аронович Маргулян¹, Наталья Ильинична Данилова²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ Margulyn@rambler.ru,

² nata7171@list.ru✉

Аннотация. Статья посвящена влиянию информационного неравенства на обеспечение социальной безопасности. Авторами раскрыто понятие информационного неравенства, осуществляется его социологический анализ в качестве одной из форм социального неравенства. Исследованы социальные риски, опасности и угрозы воздействия информационного неравенства на социальную безопасность российского общества. Показаны различия между «информационным» и «цифровым» неравенством. Представлены ведущие направления использования интернет-ресурсов. На основе осуществленного анализа определены варианты преодоления информационного неравенства в стране.

Ключевые слова: информатизация общества, информационное неравенство, цифровое неравенство, социальная безопасность, социальная структура общества, неравенство в цифровых компетенциях

Для цитирования: Маргулян Я. А., Данилова Н. И. Влияние информационного неравенства на обеспечение социальной безопасности российского общества // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 168–175. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-168-175>

Original article

The impact of information inequality on the social security of Russian society

Yakov A. Margulyan¹, Natalya I. Danilova²✉

^{1, 2} St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

¹ Margulyn@rambler.ru,

² nata7171@list.ru✉

Abstract. The article is focused on the influence of information inequality on ensuring of social security. The authors reveals the concept of information inequality, its sociological analysis as a form of social inequality. The article studies social risks, dangers and threats

© Маргулян Я. А., Данилова Н. И., 2023

of the influence of information inequality on the social security of Russian society. The article shows differences between “information” and “digital” inequality. Leading directions in the use of Internet resources are presented. On the basis of the analysis identified options for overcoming information inequality in the country.

Keywords: informatization of society, information inequality, digital inequality, social security, social structure of society, inequality in digital competencies

For citation: Margulyan Ya.A., Danilova N.I. The impact of information inequality on the social security of Russian society. *Sociology and Law. 2023;15(2):168-175.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-168-175>

Введение

Процесс информатизации российского общества осуществляется в условиях значительных структурных трансформаций всех сторон и сфер жизнедеятельности: политических и экономических процессов, правовых норм, социальных институтов, демографических, культурных, экологических преобразований, позволяющих проводить масштабные инновационные изменения экономики, качественно совершенствовать благополучие и уровень жизни граждан. Вместе с тем негативное влияние на информатизацию общества оказывают разнообразные факторы, тормозящие данный процесс и приводящие к усилению информационного неравенства в обществе. В их числе — санкционная политика западных государств, продолжающийся экономический кризис, отсутствие значительных инвестиционных вложений в инновационные отрасли экономики, недостаточная разработанность информационной политики государства, неравномерность регионального развития.

В этих условиях актуализируется потребность в развитии социологической теории, направленной на изучение информационного неравенства и его влияния на обеспечение социальной безопасности российского социума.

Теоретический анализ

Проблема информационного неравенства впервые рассмотрена в Программе развития ООН (1997), где оно определено с точки зрения «бедности по принципу доступа к современным информационным и коммуникационным технологиям» [1, с. 69]. В дальнейшем теоретико-методологические проблемы информационного неравенства получили развитие в работах отечественных и зарубежных социологов: Т. А. Аймалетдинова, П. Бурдые, Э. Гидденса, А. Б. Гофмана, А. В. Елякова, В. С. Игнатова, В. И. Ильина, В. Л. Иноземцева, М. Кастельса, К. К. Колина, Г. Шиллера и др. Сложность и многогранность понятия дают возможность характеризовать его с различных точек зрения, научных направлений и не отталкиваться лишь от возможностей физического доступа к информационно-коммуникационной технике [2].

В наиболее широком аспекте информационное неравенство представляет собой ограничение возможностей доступа населения к современным знаниям и информационным ресурсам, средствам коммуникации и технологиям, обуславливающее социальное расслоение общества и создающее неравенство между различными социальными группами людей и отдельными странами. Следует обратить внимание на то, что в научной литературе зачастую прослеживается отождествление понятий «информационное неравенство» и «цифровое неравенство». По мнению одних авторов, цифровое неравенство представляет собой неравенство в доступе к интернету [3]. Существует иная точка зрения, которая рассматривает диспро-

порции в доступе к современным цифровым технологиям: различные услуги связи, глобальная сеть Интернет. Другие авторы относят к этому понятию наличие определенной несбалансированности в доступе к цифровым технологиям (услугам связи, информационно-коммуникационной сети Интернет и др.) [4, с. 108]. Согласно еще одной позиции, это — «новый вид социальной дифференциации, вытекающий из разных возможностей использования новейших информационных и телекоммуникационных технологий» [5].

Возможно, «информационное неравенство» и «цифровое неравенство» выступают как однопорядковые, но не тождественные понятия. Цифровое неравенство характеризуется как показатель развития информационной инфраструктуры общества или его отдельных социальных групп, связанный с возможностями доступности к цифровым информационным технологиям. Информационное неравенство — более широкое понятие, поскольку к нему относится не только уровень развития информационной инфраструктуры общества с учетом территориальных особенностей, но в нем отражена и степень доступности знаний для самых разных социальных слоев общества, инкорпорированных информационными потребностями людей и их доступностью к современным коммуникационным системам и технологиям, социально-экономическим и социокультурным благам.

Социологический анализ, осуществляемый в работах ученых, позволяет рассматривать информационное неравенство в качестве одной из новейших форм социального неравенства, приводящего к снижению уровня социальной безопасности общества. Социальная безопасность — сложное, многогранное явление, объединяющее «состояние и способность государственной и общественной системы страны обеспечить эффективное функционирование социальной сферы, предотвратить деструктивные явления и процессы, сохранить и развить условия, средства и способы социализации человека, соблюдение в обществе и государстве его образа жизни, благосостояния, неотъемлемых прав и свобод, духовно-нравственных ценностей» [6, с. 18].

В последние годы вследствие процесса глобализации инновационного развития коммуникативного пространства с помощью интернета существенно возрос диапазон социальных рисков, опасностей и угроз безопасности личности, общества и государства. Это в итоге способствует снижению социальной безопасности и проявляется в увеличении социально-стратификационных различий (социально-экономической дифференциации и господствующей системы социальных отношений, ценностей и культурных стандартов), доступности к получению знаний и информации для разных социальных слоев населения, трансформации характера трудовой деятельности, обеспечении возможностей для социальной мобильности, разнообразии использования информационно-компьютерных технологий в обществе.

В целом информатизация общества как сложное, многоплановое явление оказывает разнонаправленное воздействие на обеспечение социальной безопасности российского социума. Новейшие информационные технологии конструктивно влияют на функционирование и развитие важнейших социальных сфер общества: образования, экономики, политики, здравоохранения, качества жизни населения России. Так, например, валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики составили в 2021 г. 4,8 трлн руб., что на 19,3 % выше, чем в 2020 г. В этот период возросло количество домохозяйств с подключением к сети Интернет (с 80 % до 84 %), в том числе 77 % подключены по широкополосному соединению [7].

Цифровыми навыками владеют в стране 82 % населения. В 2021 г. около 25 % от общей численности выпускников получили дипломы о высшем образовании в сфере информационных технологий и в смежных областях, связанных с интен-

сивным использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По направлению «Информатика и вычислительная техника» прошли подготовку практически 15 % из выпускников, а большинство (около 40 %) — по направлению «Экономика и управление». Самый высокий уровень занятых, интенсивно использующих ИКТ, наблюдается в финансовом и страховом секторе (44,8 %), профессиональной, научной и технической деятельности (32 %) [7, с. 332].

Вместе с тем ускоренная информатизация общества способствует увеличению информационного неравенства и сопряжена с многочисленными социальными опасностями, угрозами и рисками. Происходит трансформация социальной структуры общества. М. Кастельс пишет о том, что современное общество, таким образом, превращается в общество сетевых структур, основным, преобладающим признаком которого будет доминирование социальной морфологии над социальным действием [3, с. 494].

В таком обществе усиливается неравенство социальных групп и слоев в получении и использовании разнообразных информационных услуг, овладении цифровыми навыками и знаниевыми ресурсами, на которые высок спрос на рынках труда и услуг. У людей, проживающих за чертой бедности, происходит ограничение навыков и мотивации применения информационных технологий, которые сводятся, как правило, лишь к компьютерным играм, просмотру видео и доступу к социальным сетям.

Информационное неравенство приводит к наличию в определенных социальных группах населения состояния цифровой эксклюзии. К числу таких групп относятся малообеспеченные слои населения, не имеющие средств для покупки компьютерной техники и подключения к интернету, граждане, не владеющие навыками применения ИКТ для работы и образования, люди с хроническими заболеваниями и физическими ограничениями, отдельные социальные группы этнических и языковых меньшинств. Для этой доли населения современный глобальный переход к цифровизации государственных и коммерческих услуг может полностью перекрыть доступ к ним или наоборот, существенно сократить их доступность [8], что снижает шансы их самореализации, образования, нахождения необходимых социальных связей, поиска работы, увеличения дохода. В настоящее время 28 % российских домохозяйств не имеют персонального компьютера, 31 % — доступа к сети Интернет с домашнего компьютера, около 27 % — широкополосного доступа к сети Интернет [9].

Информационное неравенство существует между разными элементами социально-демографической и территориальной структуры общества. Наибольшую активность в пользовании интернет-технологиями проявляют молодые люди 14–23 лет (свыше 90 %), жители 54–63 лет (37 %). У пожилых граждан (старше 64 лет) активность в этом аспекте значительно меньше (13 %). Как показывают исследования, гендерные вопросы использования интернета также прослеживаются. Это связано в большей степени с традиционными гендерными ролями, интересами и ожиданиями. Так, женщины используют социальные сети преимущественно для разных покупок; процесса коммуникации в чатах по интересам; в целях образования (например, если речь идет о детях) или самообразования. Значимым остается то, что женщины также ищут ответы на вопросы о социальной поддержке. Для мужчин социальные сети — это преимущественно получение информации о вопросах карьеры и социально-политической информации [10].

Некоторые различия обнаружены по структуре в семьях с учетом той позиции, что одинокие люди и семьи с детьми чаще пользуются интернетом [11, с. 15]. Одним из показателей является образовательный уровень пользователей, поскольку обладатели высшего образования пользуются возможностями интернета

активнее и в разнообразных целях, в отличие от лиц, имеющих основное общее образование (97,2 % к 75,5 %) [9]. Этот разрыв происходит, в том числе, и за счет существенного разрыва в цифровой грамотности и навыках.

Информатизация общества проявляется в неравенстве использования возможностей интернет-ресурсов городским и сельским населением, усиливающих их социальную дифференциацию. Существующие различия связаны с доступностью сети Интернет, качественными характеристиками ИКТ, наличием или отсутствием оборудования, обеспечивающего функционирование современных средств связи, образовательными возможностями и цифровыми навыками пользователей. Различаются и направления использования интернет-ресурсов городским и сельским населением России, как показано в таблице 1. Так, сельское население активнее использует интернет для поиска работы на разных сайтах компаний и агентств (8,2 % по отношению к 7,7 % городского населения). Вместе с тем сельские жители в меньшей степени обращаются к интернет-ресурсам в целях образования (1,9 % и 3,5 %), профессионального развития (26,5 % и 43,5 %). Это в итоге отрицательно сказывается на уровне профессиональных компетенций работников и их востребованности на рынке труда.

Таблица 1

**Основные направления использования интернет-ресурсов
городским и сельским населением России**

Table 1. Main areas of use of Internet resources by the urban and rural population of Russia

Направления использования	% от численности населения	Городское население	Сельское население
Коммуникации в социальных сетях	77,8	78	77,3
Получение информации о товарах и услугах	54,1	57,2	43,5
Использование интернета для звонков, переговоров	52,6	54,7	45,3
Поиск, просмотр и прослушивание фильмов и музыки	49,2	51,5	41,4
Компьютерные игры и их скачивание	29,8	31,3	24,8
Продажа/покупка товаров и услуг	24,9	27,8	14,7
Получение знаний и справок на любую тему	39,7	43,5	26,5
Поиск вакансий	7,8	7,7	8,2
Дистанционное обучение	3,1	3,5	1,9

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [12].

Неравенство в цифровых компетенциях активно влияет на уровень и качество образования, состояние здоровья работников, способность граждан к активной трудовой деятельности. Это проявляется в степени доступности образования и здравоохранения для богатых и бедных слоев населения, жителей различных регионов страны, объемах финансирования объектов социальной инфраструктуры, качестве и уровне образовательных и медицинских услуг для жителей города и деревни, организации дистанционного образования и телемедицины, оказании помощи и поддержки в получении знаний и медицинских услуг для социально незащищенных групп населения страны.

Информационное неравенство отражается на социально-экономическом статусе работников. Активные пользователи интернета обладают большими шансами при трудоустройстве, поскольку имеют возможности использования разнообразных интернет-сервисов поиска работы, грамотного представления себя потенциальным работодателям, применения своих способностей в работе с интернетом в домашних условиях, сокращая дополнительные инвестиции работодателей. Предприниматели, обладающие большей цифровой компетентностью, имеют большие возможности для получения прибыли при выстраивании работы предприятия, планировании стратегии развития, поиске информации, использовании интернета в профессиональной работе (при создании собственного сайта, социальных сетей). Кроме того, с применением цифровых технологий таким предприятиям проще набирать персонал, а также привлекать новых инвесторов, разнообразные ресурсы. Данные выводы подтверждаются социологическими исследованиями, свидетельствующими об успешности предприятий, использующих интернет для поиска потенциальных партнеров. Аналогично умение пользоваться краудфандинговыми платформами (например, *Kickstarter*) позволяет начинающим предпринимателям быстро привлекать средства географически удаленных инвесторов [13].

Под воздействием ИКТ происходят крупномасштабные трансформации на рынке труда, при этом происходит замена низкотехнологичных сфер занятости высокотехнологичными. Становится меньше рабочих мест, связанных с рутинными, повторяющимися операциями. Это нашло отражение в разных сферах: от сферы физического труда до сферы интеллектуальной деятельности. Сегодня данный процесс отразился на профессиях, при освоении которых всегда были необходимы высококвалифицированные кадры (в частности среди представителей финансовой и юридической областей деятельности). Вместе с тем возрастает спрос на представителей творческих специальностей, для которых основным звеном выступают нерутинные, неповторяющиеся задачи: когнитивные и физические, требующие активного применения новейших технологий в процессе управленческого взаимодействия и социальных коммуникаций персонала.

Выводы

Преодоление информационного неравенства в современном российском обществе предполагает решение ряда ключевых задач:

- повышение качества и уровня жизни граждан, позволяющих удовлетворять потребности доступа к ИКТ широких слоев населения;
- государственное финансирование программ по формированию широких и качественных телекоммуникационных сетей на территории страны в целом;
- создание условий для качественного обслуживания граждан при предоставлении массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде;
- повышение качества и уровня образовательных и медицинских услуг для различных социальных групп населения, организации дистанционного образования и телемедицины;
- организация процесса обучения информационной грамотности различных социальных групп и слоев населения: консультационных центров, компьютерных курсов и др., с помощью которых граждане могли бы повышать индивидуальную информационную грамотность;
- обеспечение социально незащищенных категорий людей бесплатными условиями доступа к современным ИКТ, что поможет им решать большое количество проблем.

Таким образом, цифровизация экономических и социальных условий жизнедеятельности российского социума служит важным фактором, не только позитивно влияющим на качество жизни граждан, но и усиливающим информационное неравенство в обществе по доступу и владению различными слоями населения ИКТ и интернет-ресурсами.

Список источников

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Программа развития ООН / под ред. Ю. Е. Федорова. М.: Интурреклама, 1997. 139 с.
2. Вершинская О. Н. Проблема информационного неравенства и пути ее решения: материалы депутатских слушаний. М.: Институт развития информационного общества, 2001. 47 с.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 492–505.
4. Иванов А. Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2. С. 106–119.
5. Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М.: Институт развития информационного общества, 2009. 160 с.
6. Маргулян Я. А. Основы социальной безопасности населения России: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2018. 146 с.
7. Индикаторы цифровой экономики: статистический сборник / под общ. ред. Л. М. Гохберга, Я. И. Кузьминова, М. В. Паршина, И. Н. Шаповала, Н. С. Яценко. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 332 с.
8. Шепелева О. С. Социальные вызовы технологий // Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий: аналитический доклад // Центр подготовки руководителей цифровой трансформации Высшей школы государственного управления РАНХиГС при Президенте РФ. 2020. 11 марта. URL: http://ethics.cdto.center/6_1 (дата обращения: 30.09.2022).
9. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 10.02.2023).
10. Климовицкий С. В., Осипов Г. В. Цифровое неравенство и его социальные последствия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. С. 47–51. DOI: 10.23672/SAE.2019.2.26689
11. Бродовская Е. В., Шумилова О. Е. Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 5–18.
12. Информационное общество в Российской Федерации. 2019: статистический сборник / М. А. Сабельникова, Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова [и др.]. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. 236 с.
13. Arenius P., Minniti M. Perceptual variables and nascent entrepreneurship // Small Business Economics. 2005. Vol. 24. No. 3. P. 233–247. DOI: 10.1007/s11187-005-1984-x

References

1. Fedorov Yu.E., ed. Report on human development in the Russian Federation. United Nations Development Program. Moscow: Inturreklama; 1997. 139 p. (In Russ.).
2. Vershinskaya O.N. The problem of information inequality and ways to solve it: Materials of parliamentary hearings. Moscow: Institute for the Development of the Information Society; 2001. 47 p. (In Russ.).
3. Castells M. The rise of the network society. Transl. from Eng. In: Inozemtsev V.L., ed. The new post-industrial wave in the West: An anthology. Moscow: Academia; 1999:492-505. (In Russ.).
4. Ivanov A.Yu. Merger review in the digital age: Episode one in discussions on the fifth competition law reform package. *Zakon*. 2018;(2):106-119. (In Russ.).

5. Khokhlov Yu.E., ed. Information society glossary. Moscow: Institute for the Development of the Information Society; 2009. 160 p. (In Russ.).
6. Margulyan Ya.A. Fundamentals of social security of the population of Russia. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2018. 146 p. (In Russ.).
7. Gokhberg L.M., Kuz'minov Ya.I., Parshin M.V., Shapoval I.N., Yatselenko N.S., eds. Digital economy indicators: Statistical compilation. Moscow: NRU HSE; 2023. 332 p. (In Russ.).
8. Shepeleva O.S. Social challenges of technology. In: Ethics and "digit": Ethical problems of digital technologies: Analytical report. Center for Training Leaders in Digital Transformation of the Higher School of Public Administration RANEPa under the President of the Russian Federation. Mar. 11, 2020. URL: http://ethics.cdto.center/6_1 (accessed on 30.09.2022). (In Russ.).
9. Monitoring the development of the information society in the Russian Federation. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (accessed on 10.02.2023). (In Russ.).
10. Klimovitskii S.V., Osipov G.V. The digital divide and its social implications. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2019;(2):47-51. (In Russ.). DOI: 10.23672/SAE.2019.2.26689
11. Brodovskaya E.V., Shumilova O.E. Russian users and non-users: Correlation and basic features. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2013;(3):5-18. (In Russ.).
12. Sabel'nikova M.A., Abdrakhmanova G.I., Gokhberg L.M., Dudorova O.Yu. et al. Information society in the Russian Federation. 2019: Statistical compilation. Moscow: NRU HSE; 2019. 236 p. (In Russ.).
13. Arenius P., Minnitti M. Perceptual variables and nascent entrepreneurship. *Small Business Economics*. 2005;24(3):233-247. DOI: 10.1007/s11187-005-1984-x

Сведения об авторах

Я. А. Маргулян — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления персоналом; 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32а;

Н. И. Данилова — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью; 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32а.

Information about the authors

Ya. A. Margulyan — Doctor of Social Science, Professor, Professor at the Department of Sociology and Human Resources Management; 30-32a Griboedov Canal emb., St. Petersburg 191023, Russia;

N. I. Danilova — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Communication Technologies and Public Relations; 30-32a Griboedov Canal emb., St. Petersburg 191023, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 316.334

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-176-184

Источники доходов пожилых жителей города и деревни в Китае (по материалам исследований условий жизни)

Елена Евгеньевна Тарандо^{1✉}, Инь Шаша², Ван Цзинтин³¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия² Хэбэйский политехнический университет, Тяньцзинь, Китай³ Хэнаньский педагогический университет, Синьсян, Китай¹ elena.tarando@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>² 2021099@hebut.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-0872-3129>³ wangjingting@htu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5503-0843>

Аннотация. В статье на основе анализа статей китайских социологов, материалов Всекитайской переписи и выборочных статистических обследований населения, организованных в разные периоды, представлены ключевые статистические показатели относительно источников доходов пожилых городских и сельских жителей Китая. Проанализированы, в частности, показатели общей численности пожилых людей в городе и деревне, категории таких граждан по источникам доходов и гарантированному доходу в разные периоды проведения Всекитайской переписи и выборочных статистических обследований населения. Приведены данные о предварительных результатах Всекитайской переписи населения 2020 г. Исследуемые в статье статистические данные подтверждают наличие кризиса традиционной модели жизнеобеспечения пожилых людей в Китае и постепенное ее замещение современной моделью, что находит отражение в повышении роли государственного пенсионного обеспечения пожилых в Китае.

Ключевые слова: пожилые люди, источники доходов, государственное пенсионное обеспечение, жизнеобеспечение пожилых людей в Китае

Благодарности: эта статья является результатом поэтапного исследования ежегодного проекта по планированию философии и социальных наук провинции Хэнань на 2022 г. «Исследование по созданию и политической поддержки системы индексации рабочих мест с учетом возрастных характеристик в провинции Хэнань» (номер проекта: 2022CSH037), результатом поэтапного исследования в рамках специального проекта key R&D и продвижения (Soft science) в провинции Хэнань «Исследование на пути к реализации проектов волонтерской службы в практике цивилизации пожилых людей в провинции Хэнань» (номер проекта: 232400410126).

Для цитирования: Тарандо Е. Е., Инь Шаша, Ван Цзинтин. Источники доходов пожилых жителей города и деревни в Китае (по материалам исследований условий жизни) // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 176–184. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-176-184>

Original article

Sources of income for urban and rural elderly people in China (based on research on living conditions)

Elena E. Tarando^{1✉}, Yin Shasha², Wang Jingting³¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia² Hebei University of Technology, Tianjin, China

© Тарандо Е. Е., Инь Шаша, Ван Цзинтин, 2023

³ Henan Normal University, Xinxiang, China

¹ elena.tarando@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>

² 2021099@hebut.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-0872-3129>

³ wangjingting@htu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5503-0843>

Abstract. The article based on the analysis of articles by Chinese sociologists, the materials of the National Census of China and sample statistical surveys of the population, organized in different periods, presents key statistical indicators on the sources of income of elderly urban and rural residents of China. We analyse, in particular, the total number of elderly people in urban and rural areas, categories of such citizens by source of income and guaranteed income in different periods of the All-China Census and sample statistical population surveys. Data on the preliminary results of the 2020 National Population Census are presented. The statistics researched in the article confirm the crisis of the traditional life-support model of the elderly in China and its gradual replacement by the modern model, which is reflected in the increasing role of public pension provision for the elderly in China.

Keywords: elderly people, sources of income, state pension provision, life support for the elderly in China

Acknowledgements: This article is the result of a phased study of the annual Henan Province Philosophy and Social Science Planning Project 2022 “Research on the establishment and policy support of age-appropriate job indexing system in Henan Province” (project number: 2022CSH037), the result of the phased study of the special project key R&D and promotion (soft science) in Henan Province “Research towards the implementation of volunteer service projects in the civilization practice of the elderly in Henan Province” (project number: 232400410126).

For citation: Tarando E.E., Yin Shasha, Wang Jingting. Sources of income for urban and rural elderly people in China (based on research on living conditions). *Sociology and Law*. 2023;15(2):176-184. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-176-184>

Введение

Требованием развития человеческой цивилизации являются обеспечение и забота о пожилых людях. В современном Китае наблюдается кризис традиционной модели такого обеспечения, поэтому в стране происходит институционализация современной модели обеспечения вышедших из трудоспособного возраста граждан. Институционализация протекает медленно и постепенно, опирается на исследования китайских социологов об уровне доходов пожилых людей и их источниках. Очевидной становится ориентация на самые уязвимые группы пожилых людей, выявляемые посредством социологических исследований жизни этой части населения Китая.

Постановка проблемы

Тысячелетиями в Китае взрослые дети были обязаны содержать престарелых родителей. В современном Китае эта модель обеспечения пожилых людей дает существенные сбои. Во-первых, в Китае в течение многих лет проводилась жесткая государственная демографическая политика «Одна семья — один ребенок». В настоящее время нетрудоспособного возраста достигло поколение родителей одного ребенка. Начала складываться ситуация, когда молодая супружеская пара встала перед проблемой содержания четверых пожилых родителей, а также собственных детей, что делает бремя такого содержания непомерно тяжелым. Во-вторых, в сельской местности, в которой политика «Одна семья — один ребенок» существенно смягчена, наблюдается ситуация интенсивной невозвратной

миграции молодой рабочей силы в города, зачастую в другие регионы страны. Очень часто это затрудняет осуществление постоянной материальной помощи уехавших взрослых детей престарелым родителям, оставшимся в родной деревне.

С учетом изложенного очевидна острота проблемной ситуации, связанной с материальным обеспечением пожилых китайских граждан, выход из которой китайские ученые видят в развитии государственного пенсионного обеспечения. Однако это обеспечение развивается медленно. Прослеживается разделение пожилых людей на имеющих городскую прописку, а потому охваченных системой государственного пенсионного обеспечения, и пожилых людей, имеющих сельскую прописку, не получающих в большинстве случаев пенсию. Эта ситуация мыслится в Китае как проблемная.

На современном этапе китайское правительство взяло курс на то, чтобы государственным пенсионным обеспечением охватить всех пожилых страны, в том числе проживающих в деревнях. Политика поголовного охвата государственным пенсионным обеспечением проводится с учетом стратегии постепенного включения в это обеспечение все новых, ранее неохваченных групп пожилых людей. Однако этот процесс происходит медленно, и сегодня можно все еще утверждать, что большинство пожилых, проживающих в деревнях и имеющих сельскую прописку, не включены в систему государственного обеспечения по старости.

Методология исследований доходов пожилых людей в Китае.

Основным методом исследования доходов пожилых китайских граждан китайскими учеными является анализ статистических данных, которые относительно этого аспекта жизни общества в Китае начали собирать с 1994 г., то есть с периода проведения первого общенационального выборочного обследования населения. Исследования также проводятся по данным Всекитайской переписи населения 2000, 2010, 2020 гг. Понимание ситуации, связанной с обеспечением и доходами пожилых китайских граждан, формируется и на основе выборочных социологических исследований, проводимых научными организациями в отдельных провинциях Китая. В статье сопоставлены, систематизированы и обобщены статистические данные, взятые из указанных выше источников. Данные источники опубликованы в Китае на китайском языке, их не переводили ни на русский язык, ни на другие языки мира. Основными научными методами приведенного в статье исследования послужили методы анализа статистических данных и сравнительного анализа, который использован в процессе анализа статистической информации разных лет.

Результаты выборочного обследования 1994 г.

Согласно результатам обследования 1994 г., основным источником дохода стала материальная поддержка детей и других родственников, которую получали 57,13 % всех обследованных пожилых людей. Следующим по значению источником дохода стал трудовой доход, на который жили 24,97 %. Только 15,65 % охваченных обследованием пожилых людей жили на пенсию, прежде всего получаемую от государства [1, с. 21]. При этом для 48,54 % пожилых горожан основным источником дохода стала пенсия, для 34,94 % — поддержка семьи и для 14,3 % — трудовой доход. Для пожилых жителей сельских районов основным источником дохода выступает поддержка семьи (53,1 %), следующий источник по значимости — пенсия (29,81 %), а 14,1 % — живут за счет доходов от трудовой деятельности. В деревне самым значимым источником дохода стала поддержка семьи (64,23 %); 29,18 % обследованных в качестве основного источника дохода указали доходы от трудовой деятельности и только 4,39 % жили на пенсию [2, с. 42].

Можно констатировать, что в период проведения выборочного обследования населения традиционная модель обеспечения пожилых людей все еще сильна,

хотя она уже сдает позиции, в особенности применительно к горожанам. Для селян предусмотрено в этот период пенсионное обеспечение, но система была построена таким образом, что лишь некоторые из числа жителей сельской местности стремились в ней участвовать. Эта система не была государственной в полном смысле этого слова, хотя ее курировало государство. Речь идет о накопительной системе, при которой жители деревень делали регулярные отчисления в соответствующие фонды, а из них затем, по достижении плательщиками пенсионного возраста, осуществляли отчисления этим плательщикам в виде пенсий.

Пятая Всекитайская перепись населения 2000 г.

Результаты этой переписи населения показали, что в стране проживали 129,9 млн граждан 60 лет и старше. Это составило 10,45 % от численности в целом населения страны. Численность указанной социально-демографической группы в городах равна 29,4 млн чел. (10,05 % от численности городского населения), деревнях — 85,4 млн чел. (10,89 % от численности сельского населения), поселках — 15,1 млн чел. (9,01 % от численности населения, проживающего в поселках) [3].

Значимость пенсии в составе основных источников жизнеобеспечения в городах возросла до 58,05 %. Вместе с тем снизилась значимость доходов от трудовой деятельности до 10,1 % и значимость поддержки со стороны семьи до 27,88 %. В поселках вес пенсионного обеспечения остался на таком же уровне, что и в 1994 г., демонстрируя цифры в 29,08 %. Снижена зависимость от других членов семьи (46,1 %), повышена значимость доходов от трудовой деятельности (19,72 %). В деревнях вес пенсий в составе источников доходов пожилых людей также остался практически без изменений и составил 4,76 %. Между тем повысился вес доходов от трудовой деятельности до 43,15 %. Это повышение сопровождалось снижением материальной зависимости от других членов семьи до 48,9 % [2, с. 42].

Произошедшие изменения стали результатом последовательного совершенствования пенсионной системы, которая изначально выборочно охватывала лишь граждан страны, имеющих городскую прописку. Не все пожилые люди, проживающие в городах, имели право на получение пенсии от государства. В этот период система государственного пенсионного обеспечения развивалась, и развивалась она в направлении включения в это обеспечение все новых социальных групп пожилых людей, работавших и проживающих в городах. Повышение значимости пенсий как источника жизнеобеспечения пожилых людей, проживающих в городах, связано именно с расширением охвата пенсионным обеспечением представителей этой социальной группы в указанный период.

Предполагалось, что и сельские жители также имеют доступ к пенсионному обеспечению, но этот доступ предусматривал в качестве своей основы добровольные взносы в соответствующие страховые фонды. Такие взносы осуществляли единицы китайских граждан, проживающих в деревнях. В указанный период деревенские пожилые жители Китая оказались вне фокуса внимания правительства страны относительно их охвата государственным пенсионным обеспечением.

49 % работающих пожилых людей в деревнях составляли граждане 60–64 лет, то есть так называемые молодые пожилые люди, которые вступили в этот возраст в период с 1996 по 2000 г. [2, с. 41]. В целом китайские социологи обратили внимание на снижение в указанный отрезок времени экономической зависимости пожилых людей от материальной помощи со стороны детей и других членов семьи, что означало отклонение от традиционной модели жизнеобеспечения пожилых людей, углубление кризиса этой модели. Между тем кризис сам по себе не рассматривается китайскими социологами как проблемная ситуация.

Проблемным вопросом представляется отсутствие поголовного охвата пенсионным обеспечением от государства пожилых жителей Китая, независимо от их прописки (городской или сельской).

По данным Всекитайской пятой переписи рассчитан показатель гарантированного дохода пожилых людей, под которым подразумевался прежде всего доход от социального обеспечения, — 14,3 % [4].

Выборочное обследование населения 2004 г.

В 2004 г. в рамках проведения выборочного обследования опрошено 152 055 человек в возрасте 60 лет и старше. Результаты этого обследования показали, что 45,0 % опрошенных получают помощь от детей и других родственников в качестве основного источника жизнеобеспечения. Вторым по значимости источником дохода стала пенсия (31,5 %). На третьем месте — трудовой доход, на который жили 19,3 % опрошенных. Доля пожилых, использовавших эти три формы дохода в качестве основных источников жизни, составила 96 % от всех опрошенных [1, с. 21].

Наибольшие изменения по сравнению с 1994 г. произошли в городе: возросла доля пожилых людей, живущих на пенсию. Эта часть оказалась наиболее высокой среди мужчин, составив 73,6 %. Одновременно в сельской местности доля пенсионеров среди пожилого населения возросла незначительно — от 4,4 % до 6,1 % [1, с. 23].

Данные обследования отражают результаты продолжения политики развития пенсионной системы страны, которая способствовала расширению масштабов пенсионного обеспечения, но только по отношению к пожилым жителям городов. Последние не только имели городскую прописку, но и работали в течение многих лет в городах. Пожилые в сельской местности все еще находятся в стороне от пенсионных реформ.

Шестая Всекитайская перепись населения 2010 г.

Результаты шестой переписи населения показали развертывание процессов старения. В 2010 г. в стране проживали 177,5 млн человек в возрасте 60 лет и старше, что составило 13,31 % от численности населения в целом. 46,2 млн китайских граждан указанного возраста проживали в городах (речь идет о 11,48 % от населения городов в целом), 99,2 млн — в деревнях (14,86 % от населения деревень в целом), 32,1 млн — в поселках (12 % от населения поселков) [5].

В 2000–2010 гг. наиболее интенсивный процесс старения населения наблюдается в деревнях. Это стало результатом массовой невозвратной миграции молодых людей в города. Тем не менее в городах также прослеживаются процессы старения населения, несмотря на большое количество прибывающих на постоянное проживание молодых граждан страны, прежде всего из сельской местности.

С учетом общей ситуации в стране поддержка семьи стала основным источником дохода для 40,7 % пожилых граждан. Для 29,1 % таким источником выступил трудовой доход. Пенсия, в свою очередь, оказалась главным источником жизнеобеспечения для 24,1 % людей 60 лет и старше [6, с. 5]. Уровень занятости пожилых стал ниже, в то время как общая численность занятых этой социальной группы возросла. Численность работающих пожилых людей составила 53,74 млн человек, что на 10,83 млн человек больше, чем в 2000 г. Одновременно в относительном выражении занятость пожилых людей снизилась на 2,8 % по сравнению с 2000 г., составив 30,25 % [7, с. 13].

При этом в городах поддержка семьи оказалась значимой для 31,4 % пожилых, на пенсию жили 50,1 % людей из этой социальной группы. Трудовые доходы служили главным источником жизнеобеспечения для 12,9 %. В деревнях самым важным источником жизнеобеспечения среди пожилых выступила под-

держка семьи (47,7 %). Следующим по значимости источником дохода стала трудовая деятельность (41,2 %), на пенсию надеялись и располагали ею лишь 4,6 % пожилых людей [6, с. 6].

В 2010 г. в стране насчитывается 401 млн домохозяйств, из них в 123 млн проживали пожилые. Домохозяйства с одним пожилым человеком составили 58,91 % от общего количества домохозяйств, с двумя пожилыми — 40,13 %, в остальных проживали три и более пожилых граждан [7, с. 15].

Ввиду активизации процессов старения населения и экономического развития страны стали раздвигаться фактические границы трудоспособного возраста, в том числе произошло увеличение верхней границы фактического трудоспособного возраста. С одной стороны, прогресс во многих сторонах жизни людей, в том числе в отношении здравоохранения, поддержания здорового образа жизни, качества жизни, качества условий труда и его содержания, способствовал сохранению трудоспособности в преклонном возрасте. С другой стороны, технологический прогресс, в том числе в отношении условий и содержания труда, определил появление и увеличение количества рабочих мест с такими трудовыми обязанностями, которые оказались под силу пожилым. Следствием этого стало повышение значимости трудового дохода в жизнеобеспечении пожилых людей, и это повышение произошло прежде всего в городах страны.

Кроме того, продолжалась пенсионная реформа по включению в пенсионное обеспечение все новых групп пожилого населения, но этот процесс все еще не вышел за рамки городов.

Выборочное исследование условий жизни пожилых людей 2014 г. Данные исследования показали, что средний доход пожилых в городах в 2014 г. составлял 23 930 юаней в год, что в 3,24 раза больше, чем в 2000 г. в сопоставимых ценах. Рассчитан показатель среднегодового реального темпа роста доходов пожилых людей в городах в сопоставимых ценах. Этот показатель составил 5,86 % в год. Для деревни также рассчитаны указанные показатели. Средний доход людей 60 лет и старше — 7 521 юань в год, что в 4,62 раза выше среднего дохода представителя этой социальной группы в 2000 г. Среднегодовой реальный темп роста в сопоставимых ценах — 9,06 % в год [4].

В городах для пожилых основным источником дохода являлась пенсия (71 %). Помощь семьи в качестве главного источника дохода рассматривали 9,9 % пожилых людей в городе, на доход от трудовой деятельности приходилось 7,6 %. Для 25 % пожилых, проживающих в деревнях, основным источником дохода стала помощь семьи, на пенсию жили 24,1 %, на трудовой доход от сельскохозяйственных работ — 16,9 %, от несельскохозяйственных работ — 17 % [8, с. 16].

В 2014 г. средний доход пожилых горожан соответствовал 41,7 % от средней заработной платы городских рабочих и служащих. Показатели гарантированного дохода составили 79,4 % для города и 36 % для деревни. Продолжалось уменьшение разрыва в уровне доходов между городом и деревней. В 2014 г. пожилые в городе получали доход в 3,14 раза больше, чем пожилые в деревне. В 2004 г. этот показатель составил 3,76 раз, в 2000 г. — 4,8 раз [4]. Уменьшение разницы в уровне доходов пожилых между городом и деревней происходило за счет повышения уровня доходов в деревне. В городах доходы пожилых людей также росли.

К этому периоду начался и в течение некоторого времени продолжался новый этап пенсионной реформы, связанный с началом включения в государственное пенсионное обеспечение социальных групп пожилых людей, постоянно проживающих в деревнях и имеющих сельскую прописку. Статистические данные свидетельствуют об увеличении социальной группы пожилых, проживающих в сельской местности, которые получают гарантированную пенсию от государства.

Более того, продолжающаяся до сих пор пенсионная реформа предполагает в качестве одной из своих целей рост доходов пожилых граждан, в том числе проживающих в деревнях.

Седьмая Всекитайская перепись населения 2020 г.

Данные, полученные в ходе седьмой переписи населения, в настоящее время находятся в процессе обработки, опубликованы лишь общие показатели. По состоянию на 2020 г. в стране проживали 264,01 млн человек 60 лет и старше, что составило 18,7 % от населения в целом, и это на 5,39 % больше, чем в 2010 г. Доля лиц 65 лет и старше — 190,6 млн человек, то есть 13,5 % от населения страны в целом. Это на 4,63 % больше, чем в 2010 г. [9].

В соответствии с предварительными итогами седьмой переписи населения становится очевидным, что в стране продолжается процесс старения населения. Ожидается, что численность лиц 60 лет и старше достигнет 412 млн человек к 2035 г. и 480 млн человек к 2050 г. По прогнозам экспертов, в середине XXI в. Китаю предстоит по меньшей мере 30 лет, в течение которых будут сочетаться отрицательный прирост населения и старение населения [10, с. 108]. Многие эксперты уверены, что такая ситуация является закономерным результатом проведения государственной демографической политики «Одна семья — один ребенок». Полученный результат указанной политики был ожидаем китайскими демографами, но на начальном этапе ее проведения для китайского государства были слишком важны краткосрочные ее результаты. Долгосрочные результаты, о которых было заранее известно, что они превратятся в проблемы, было решено оставить на откуп поколениям, которые столкнутся с ними. Логика принятия данного решения заключается в том, что если такую демографическую политику не ввести, то страну ожидают еще более суровые вызовы, с которыми будет гораздо сложнее справиться.

Выводы

Суть главной проблемы, вокруг которой разворачиваются рассуждения китайских социологов, сводится к тому, что все пожилые люди без исключения должны быть охвачены государственным пенсионным обеспечением. Несмотря на то, что в последние несколько лет система этого обеспечения в значительной степени развита, далеко не у всех пожилых появилось право на получение государственной пенсии. Таким правом обладает большинство пожилых граждан, имеющих городскую прописку. Вместе с тем большинство пожилых, имеющих сельскую прописку, до сих пор оказываются вне системы государственного пенсионного обеспечения. С одной стороны, пенсионные реформы проводятся в направлении расширения охвата пожилых людей государственными пенсиями путем включения все новых социальных групп, проживающих в деревнях. С другой стороны, правительство Китая в настоящее время реформирует систему прописки, внедряя институт общей прописки гражданина Китая взамен ее деления на городскую и сельскую. Предполагается, что через институт общей прописки все граждане Китая будут иметь равные права, независимо от того, проживают ли они в городе или в деревне, в том числе и равные права на государственное пенсионное обеспечение по старости.

Кроме того, китайские социологи обращают внимание на проблему замещения трудового дохода и помощи семье пенсией. Практически все китайские исследователи придерживаются мнения о том, что пенсия должна быть основным источником дохода для большинства пожилых людей, поскольку этот вид дохода является гарантированным. Пожилые не должны зависеть от желания или не-

желания детей помогать им, причем очень часто нежелание связано именно с невозможностью осуществлять соответствующую помощь. Ратование за государственное пенсионное обеспечение для пожилых людей как гарантию жизнеобеспечения имеет под собой еще цель снижения нагрузки на семьи с детьми, где родителям приходится содержать и пожилых родителей, так как каждый из них является единственным ребенком в семье.

Изложенные проблемы сопряжены с кризисом традиционной модели жизнеобеспечения пожилых людей. Данная модель в настоящее время замещается современной моделью, связанной с повышением значимости общественных институтов распределения и жизнеобеспечения в обществе, а также различных социальных групп, в том числе пожилых граждан.

Список источников

1. Ду Пэн, Ву Чао. Изменения в основных источниках жизни пожилых людей в Китае с 1994 по 2004 г. // Исследование населения. 2006. № 2. С. 20–24. (на китайском языке; 杜鹏, 武超. 1994~2004年中国老年人主要生活来源的变化[J]. 人口研究, 2006;(02):20-24). DOI: 10.3969/j.issn.1000-6087.2006.02.003
2. Ду Пэн. Текущая ситуация и изменения основных источников жизни пожилых людей в Китае // Исследование населения. 2003. № 6. С. 37–43. (на китайском языке; 杜鹏. 中国老年人主要生活来源的现状与变化[J]. 人口研究, 2003;(6):37-43). DOI: 10.3969/j.issn.1000-6087.2003.06.010
3. Tabulation on the 2000 population census of the People's Republic of China // National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 27.08.2022).
4. Survey report on the living conditions of China's urban and rural older persons. 2018 // Raduga.com. URL: <http://www.raduga.com> (дата обращения: 03.09.2022).
5. Tabulation on the 2010 population census of the People's Republic of China // National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 10.09.2022).
6. Ду Пэн, Се Лили. Когортный анализ основных источников жизни пожилых людей в Китае // Население и экономика. 2014. № 6. С. 3–11. (на китайском языке; 杜鹏, 谢立黎. 中国老年人主要生活来源的队列分析[J]. 人口与经济, 2014;(6):3-11). DOI: 10.3969/j.issn.1000-4149.2014.06.001
7. Ду Пэн. Статус-кво и изменения старения населения Китая // Социальное обеспечение Китая. 2013. № 11. С. 14–16. (на китайском языке; 杜鹏. 中国人口老龄化现状与变化[J]. 中国社会保障, 2013;(11):14-16). DOI: 10.3969/j.issn.1008-4304.2013.11.004
8. Ли Цзюнь, Ван Лиминь. Состояние доходов пожилых людей в стране — основано на анализе данных четвертого выборочного обследования условий жизни пожилых людей в городских и сельских районах Китая // Научные Исследования о старении. 2018. № 6. С. 5–19. (на китайском языке; 李军, 王丽民. 我国老年人的收入状况 — 基于第四次中国城乡老年人生活状况抽样调查数据的分析[J]. 老龄科学研究, 2018;(6):5-19). DOI: 10.3969/j.issn.2095-5898.2018.06.001
9. Bulletin of the Seventh National Census 2020. No. 5 // National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 21.09.2022).
10. Ду Пэн, Ли Лонг. Прогноз долгосрочной тенденции старения населения Китая в новую эпоху // Журнал Китайского народного университета. 2021. № 1. С. 96–109. (на китайском языке; 杜鹏, 李龙. 新时代中国人口老龄化长期趋势预测[J]. 中国人民大学学, 2021;35(1):96-109). DOI: 10.3969/j.issn.1000-5420.2021.01.010

References

1. Du Peng, Wu Chao. Changes in the main sources of life for older people in China from 1994 to 2004. *Ren kou yan jiu*. 2006;(2):20-24. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1000-6087.2006.02.003
2. Du Peng. Current situation and changes in the main sources of life of the elderly in China. *Ren kou yan jiu*. 2003;(6):37-43. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1000-6087.2003.06.010

3. Tabulation on the 2000 population census of the People's Republic of China. National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn> (accessed on 27.08.2022).
4. Survey report on the living conditions of China's urban and rural older persons. 2018. Raduga.com. URL: <http://www.raduga.com> (accessed on 03.09.2022).
5. Tabulation on the 2010 population census of the People's Republic of China. National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn> (accessed on 10.09.2022).
6. Du Peng, Xie Lili. Cohort analysis of the main sources of life of older people in China. *Ren kou yan jiu*. 2014;(6):3-11. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1000-4149.2014.06.001
7. Du Peng. Status quo and changes in China's aging population. *Zhongguo she hui bao zhang*. 2013;(11):14-16. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1008-4304.2013.11.004
8. Li Jung, Wang Liming. The income status of the elderly in the country: Based on the analysis of data from the fourth sample survey of the living conditions of the elderly in urban and rural areas of China. *Lao ling ke xue yan jiu*. 2018;(6):5-19. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.2095-5898.2018.06.001
9. Bulletin of the Seventh National Census 2020. No. 5. National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn> (accessed on 21.09.2022).
10. Du Peng, Li Long. Forecast of China's long-term population aging trend in the new era. *Zhongguo ren min da xue xue bao*. 2021;(1):96-109. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1000-5420. 2021.01.010

Информация об авторах

Е. Е. Тарандо — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической социологии; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9;

Инь Шаша — кандидат социологических наук, преподаватель марксистского факультета; Тяньцзинь, Китай;

Ван Цзинтин — кандидат социологических наук, преподаватель факультета — колледжа социальных связей; Синьсян, Китай.

Information about the authors

E. E. Tarando — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Economic Sociology; 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russia;

Yin Shasha — PhD in Sociology, teacher of the School of Marxism; Tianjin, China;

Wang Jingting — PhD in Sociology, teacher of the Social Affairs College Relations; Xinxiang, China.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 32.019.51

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-185-196

Проблемы трансформации поведения потребителей как результат негативного влияния технологии *deepfakes* на современное цифровое общество

Ирина Александровна Юмашева^{1✉}, Татьяна Сергеевна Афанасьева²,
Галина Дмитриевна Алеманова³

¹ Северо-Западный институт управления образования РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

³ Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия

¹ irma8715@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1746-0164>

² tafanasy@yandex.ru

³ galina.alemanova@bk.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современные цифровые технологии оказывают негативное влияние на поведение потребителей и затрудняют различие в восприятии между настоящими и фейковыми медиа. Последние, в свою очередь, губительны для общества. Одним из событий, способствующих возникновению институциональных проблем в сфере медиа, стало появление *deepfakes*, представляющих собой гиперреалистичные видеоролики «ложного содержания», в которых используется искусственный интеллект. В сочетании с охватом и скоростью социальных сетей убедительные *deepfakes* в сжатые сроки становятся достижимыми для миллионов людей и оказывают негативное влияние на наше общество. В статье проведен анализ технологии создания и применения *deepfakes*, описаны результаты ее влияния на поведение потребителей, выявлены типы *deepfakes* и группы их производителей, определены преимущества и угрозы указанной технологии.

Ключевые слова: *deepfakes*, новые цифровые технологии, продукт приложений искусственного интеллекта, предотвращение дипфейков

Для цитирования: Юмашева И. А., Афанасьева Т. С., Алеманова Г. Д. Проблемы трансформации поведения потребителей как результат негативного влияния технологии *deepfakes* на современное цифровое общество // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 185–196. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-185-196>

Original article

Problems of consumer behavior transformation as a result of the negative impact of deepfakes technology on modern digital society

Irina A. Yumasheva^{1✉}, Tatyana S. Afanasyeva², Galina D. Alemanova³

¹ North-West Institute of Education Management RANEPa, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

³ Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia

© Юмашева И. А., Афанасьева Т. С., Алеманова Г. Д., 2023

¹ irma8715@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1746-0164>

² tafanasy@yandex.ru

³ galina.alemanova@bk.ru

Abstract. The relevance of the topic of the study stems from the fact that modern digital technology has a negative impact on consumer behaviour and makes it difficult to distinguish between real and fake media. The latter, in turn, are detrimental to society. One of the developments contributing to institutional media problems has been the emergence of deepfakes, which are hyper-realistic “fake content” videos that use artificial intelligence. Combined with the reach and speed of social media, persuasive deepfakes are reaching millions of people in a short period of time and have a negative impact on our society. The paper analyzes the technology of creating and using deepfakes, describes the results of its impact on consumer behaviour, identifies types of deepfakes and groups of producers, and identifies advantages and threats of this technology.

Keywords: deepfakes, new digital technologies, artificial intelligence application product, deepfakes prevention

For citation: Yumasheva I.A., Afanasyeva T.S., Alemanova G.D. Problems of consumer behavior transformation as a result of the negative impact of deepfakes technology on modern digital society. *Sociology and Law*. 2023;15(2):185-196. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-185-196>

Введение

В последние несколько лет фейковые новости стали существенной угрозой для общественного дискурса, общества и демократии. Под фальшивыми новостями понимается контент в стиле вымышленных новостей, сфабрикованных с целью обмана общественности [1].

Распространение ложной информации осуществляется прежде всего через социальные сети как наиболее популярный сегодня тип онлайн-медиа, способствующий в сжатые сроки оказывать значительное влияние на миллионы пользователей. В настоящее время каждый пятый интернет-пользователь получает новости через онлайн-платформу *YouTube*, по популярности на современном этапе развития онлайн-медиа несколько уступающую социальным сетям «Телеграм», «ВКонтакте» и ряду других [2]. Рост популярности видеоплатформ в формате онлайн подчеркивает необходимость создания и развития инструментов подтверждения подлинности медийного новостного контента. С учетом простоты получения и распространения дезинформации через социальные сети, в режиме онлайн и на видеоплатформах, пользователям становится все труднее определить достоверность поступающего новостного контента, что приводит к негативным последствиям развития цифрового общества.

Действительно, современные условия общественной жизни получили негласное наименование «эра постправды», которая характеризуется цифровой дезинформацией, информационными войнами, возглавляемыми злоумышленниками, ведущими ложные информационные кампании по манипулированию общественным мнением. Последние достижения в сфере информационных технологий обеспечили условия возникновения явления *deepfake*, в результате которого создаются гиперреалистичные видео с заменой лиц, оставляющих малое количество следов манипуляции, незаметных для пользователей видеоплатформ в формате онлайн и социальных сетей [1].

Теория

Дипфейки представляют собой продукт приложений искусственного интеллекта, позволяющих объединять, заменять и накладывать друг на друга изображения, видеоклипы для создания фальшивых видеороликов, которые выглядят аутентичными. Технология *deepfakes* может генерировать, например, юмористическое, порнографическое или политическое видео человека с использованием полностью его образа и голоса, но при этом в реальности не существовало и не существует ни содержания информации, ни ситуации, представленной в контексте видео [3].

Масштаб распространения *deepfakes* и доступность технологии свидетельствуют о том, что практически любой человек, имеющий навыки уверенного пользователя компьютера, может сфабриковать фальшивые видеоролики, которые практически неотличимы от аутентичных медиа. Ранние примеры *deepfakes* сосредоточены на политических лидерах, актрисах, комиках и других медийных лицах. На современном этапе развития цифровых технологий *deepfakes* используют не только в целях привлечения внимания и мести, но и в целях доказательства в суде с помощью фейковых видео, политического саботажа, террористической пропаганды, шантажа, манипулирования рынком и подделки новостей [1].

Перед тем, как сформулировать действенные методы борьбы с *deepfakes*, нам нужно понимать причины их существования и технологии, лежащие в их основе. В настоящем исследовании нами рассмотрены вопросы типологии *deepfakes*, определены группы их производителей, выявлены преимущества и угрозы исследуемой технологии дипфейков, представлены способы борьбы с ними.

В целях понимания сути технологии создания важно отметить, что *deepfakes* полагаются на нейронные информационные сети, которые анализируют большие наборы выборок данных, при этом имитируя выражение лица человека, его манеры, голос и интонации. Процесс создания *deepfakes* включает в себя загрузку видеозаписей двух людей в цифровой алгоритм «глубокого обучения», чтобы научить его изменять лица. Иными словами, *deepfakes* используют *3D-mapping* в отношении лиц, что является аудиовизуализацией, и *3D*-проекцию на физический объект окружающей среды с учетом его геометрии и местоположения в пространстве. Технологии *3D-mapping* и искусственного интеллекта позволяют заменять лица людей в видеоформате, в результате происходит полная подмена личности как объекта видеоролика [3].

Deepfakes стали известны общественности в 2017 г., когда на *Reddit* были размещены пользователями видео, в которых знаменитости компрометируются ложными сексуальными ситуациями. Нельзя не обратить внимание на то, что *deepfakes* трудно обнаружить, поскольку они используют реальные кадры, могут иметь аутентичный звук, а также могут быть оптимизированы для высокоскоростного распространения в социальных сетях и на видеоплатформах в формате онлайн. В результате сочетания разнонаправленных цифровых возможностей большинство зрителей предполагают, что просматриваемое видео является подлинным. *Deepfakes* нацелены на платформы социальных сетей, где легко распространяются заговоры, слухи и дезинформация, поскольку пользователи склонны «идти с толпой».

Вместе с тем продолжающийся так называемый инфопокалипсис подталкивает людей думать, что они не могут доверять информации, если она исходит не из социальных сетей, которыми они пользуются. К тому же для современного общества характерным является то, что мнение членов семьи, близких друзей или родственников получает меньшую степень доверия, чем социальные сети,

блогеры, видеоплатформы с форматом онлайн [4]. «Дешевые фейки», представляющие собой некачественные ролики с наличием «слегка подделанного» реального контента, распространены во всех сферах современного общества, особенно в сфере цифровых коммуникаций. Данная ситуация обусловлена тем, что при их создании используются недорогое оборудование и доступные цифровые графические технологии обработки видеообъектов. Кроме того, в условиях развития цифровых коммуникационных технологий софт для создания качественных, реалистичных *deepfakes* в целях дезинформации становится все более доступным как открытый исходный код, что позволяет пользователям с начальными техническими навыками редактировать видео, изменять лица и их выражения, синтезировать речь [5].

Относительно возникновения технологии *deepfakes* укажем, что это — всецело продукт генеративных состязательных сетей (GAN), когда две искусственные нейронные сети работают вместе, чтобы создать реалистичные СМИ. При возникновении *deepfakes* используемые искусственные нейронные сети называли «генератором» и «дискриминатором», обучающимися имитировать такой же набор данных, который представлен на изображении, в том числе и видеоданных, и звуковых данных. «Генератор» создает новые имитированные хорошие образцы, а «дискриминатор» работает на определение того, насколько объекты и видео вновь созданных медиа являются настоящими. GAN может просмотреть тысячи фотографий человека и создать новый портрет. В ближайшее время генеративные состязательные сети будут «обучены» при наличии меньшей по объему информации производить «замену» не только лица объекта, но и полностью тела и голоса. *Deepfakes* обычно требует большого количества изображений для создания реалистичных подделок. Но исследователями уже разработан метод создания поддельного видео с помощью предоставления генеративным состязательным сетям только единичных фотографий (например, селфи [1]).

Результаты и обсуждение

Проведенные исследования показали, что в 2019–2020 гг. количество *deepfakes* возросло на 84 %, как видно на рисунке 1. Это свидетельствует об экспоненциальном росте их количества.

По заключению экспертов, введение законодательного запрета на создание и распространение *deepfakes* лишь усугубит проблему. В качестве примера, подтверждающего правомочность данного утверждения, специалисты указывают на Китай, где в 2019 г. поддельные видео объявлены незаконными. Это позволило китайскому правительству отнести любое «неудобное фото или видео» к категории подделок.

В процессе исследования нами поставлены следующие вопросы:

1. Какие существуют преимущества и угрозы применения технологии *deepfakes* в современных медиа?
2. Насколько российские потребители умеют распознавать технологии *deepfakes* в современных СМИ?
3. Из каких медиа аудитория чаще всего получает информацию и по каким критериям определяют ее достоверность?
4. Какие существуют методы борьбы с технологиями *deepfakes* в современном обществе?

Цель исследования заключается в анализе механизма создания и применения технологии *deepfakes*, выявлении ее преимуществ и угрозы для современных медиа и общества, анализе восприятия фейковых медиа онлайн-пользователями

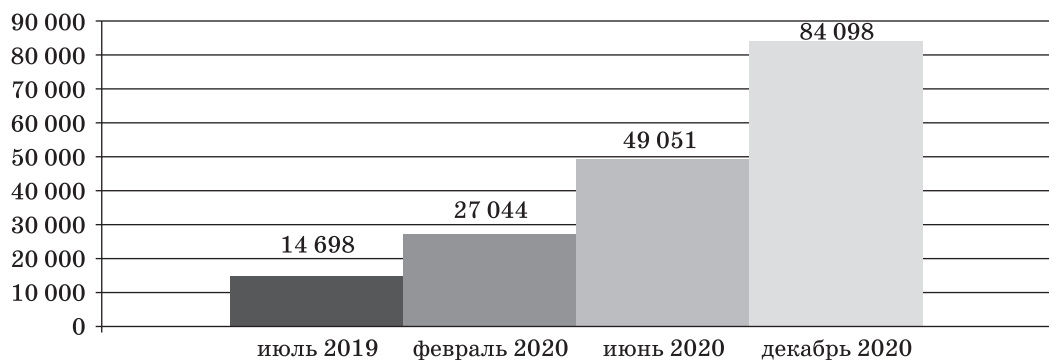
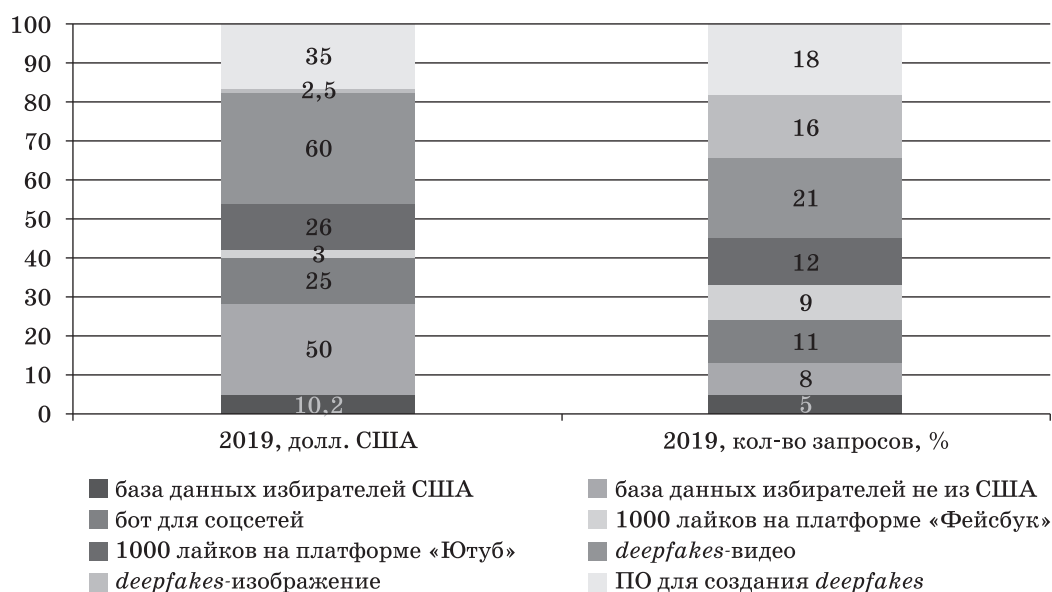
Рис. 1. Количество *deepfakes* в 2019–2020 гг., шт.Fig. 1. Number of *deepfakes* in 2019–2020, pcs.

Рис. 2. Уровень спроса на «нелегальные данные и информационные продукты» на черном рынке, 2019 г.

Fig. 2. Level of demand for “illegal data and information products” in the black market, 2019

и выработке рекомендаций о методах борьбы с такой технологией. По данным компании *TrendMicro*, являющейся мировым лидером в решении вопросов о защите корпоративных данных и кибербезопасности, в 2019 г. на «черном рынке» наибольшим спросом пользовались именно технологии *deepfakes*, о чем свидетельствуют цены на продукты такого рода, как видно на рисунке 2.

Ученые из лаборатории *SAND Lab* при Чикагском университете, которые проанализировали статистические данные, утверждают, что общие денежные потери мирового бизнеса из-за *deepfakes* приблизились к отметке \$250 млн в 2019 г. В 2018 г. подобные потери составили \$176 млн. Напомним, что технология *deepfakes* впервые воплощена в практику в 2017 г., как показано на рисунке 3.

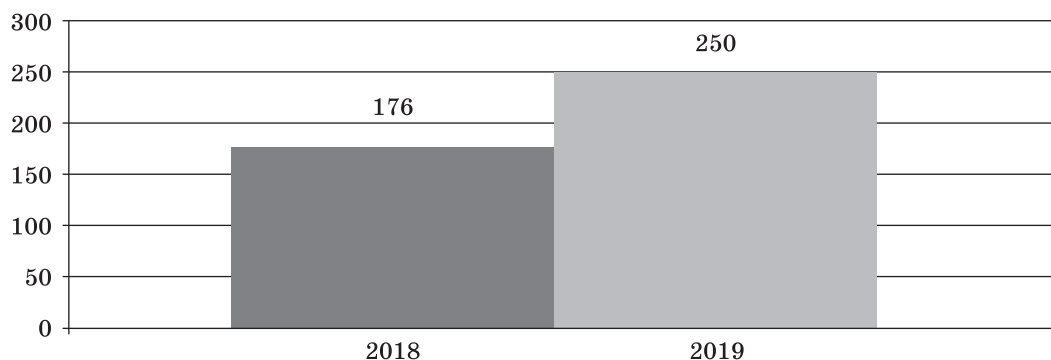

Рис. 3. Общие денежные потери мирового бизнеса вследствие использования *deepfakes* в 2018–2019 гг., млн долл. США

Fig. 3. Total monetary loss of global business due to the use of *deepfakes* in 2018–2019, mln USD

Нельзя отрицать тот факт, что технология *deepfakes* имеет положительную практику применения во многих отраслях, включая кинематографию, образовательные СМИ и цифровые коммуникации, игры и развлечения, социальные сети, здравоохранение, материаловедение, различные области бизнеса, в том числе моду и электронную коммерцию. Киноиндустрия может извлечь выгоду из технологии *deepfakes* разными способами. Например, *deepfakes*-технология в кинематографии позволяет создавать цифровые голоса для актеров, потерявших голос вследствие болезни, или обеспечивает обновление материала фильма вместо его повторной съемки. Кинематографисты, применяя *deepfakes*, могут воссоздать классические сцены фильмов, создать новые фильмы с участием давно умерших актеров, используя спецэффекты, расширенное редактирование лиц в постпродакшене и улучшение любительского видео в профессиональном качестве.

Технология *deepfakes* позволяет автоматически и качественно производить озвучивание разных по типу видеообъектов на любом языке, что дает возможность аудитории разных стран беспрепятственно смотреть иностранные фильмы и пользоваться иностранными образовательными СМИ. В 2019 г. в рамках информационной кампании о малярии с участием Дэвида Бекхэма решен вопрос языковых барьеров для зрительской аудитории с помощью размещения образовательных объявлений, в которых использованы визуальные технологии и технологии изменения голоса в целях получения функции «многоязычности».

Примером положительного применения технологии *deepfakes* служит преодоление языковых барьеров на международных видеоконференциях с синхронным переводом речи и одновременным изменением движений лица и рта с целью повышения качества зрительного контакта, получения эффекта участников «говорящих на одном языке». Технология, лежащая в основе *deepfakes*, позволяет играть в мультиплеерные игры и формировать миры виртуального чата с увеличенным телеприсутствием, создавая естественное звучание и виды «умных цифровых» помощников и цифровых двойников людей, что качественно улучшает человеческие отношения и интерактивное взаимодействие на больших расстояниях.

Технологии *deepfakes* могут быть применены в социальных и медицинских областях. *Deepfakes* способны помочь людям справиться с потерей близких путем визуализации умершего в цифровом виде и тем самым потенциально помочь скорбящим людям преодолеть боль потери, постепенно адаптироваться к ситуации. Кроме того, данная технология может в цифровом формате воссоздать коленность инвалида или даже помогать людям с болезнью Альцгеймера.

В условиях глобального развития цифровых технологий исследователи изучают возможность использования *GAN* для обнаружения аномалии в рентгеновских лучах и их потенциал при создании виртуальных химических молекул для ускорения. Коммерческие мировые компании заинтересованы в потенциале технологии *deepfakes* применительно к брендам, поскольку она может существенно и качественно изменить электронную коммерцию и рекламу [6].

На современном этапе цифровизации общества выделяют четыре основных типа производителей *deepfakes*:

- 1) сообщества любителей дипфейков;
- 2) политические игроки, такие как иностранные правительства, и различные активисты;
- 3) недоброжелатели и преступные сообщества, такие как мошенники;
- 4) законные субъекты, в том числе телевидение, медиакомпании и др.

В целом любители видеоконтента склонны рассматривать ролики и продукты, созданные искусственным интеллектом, в качестве новой формы онлайн-юмора и вклада в развитие таких технологий, как решение интеллектуальной головоломки, а не как способ обмануть или запугать людей. В данном случае зрительской аудиторией будут рассмотрены развлекательные, юмористические, сатирико-политические *deepfakes*. Некоторая часть зрительской аудитории ищет определенную личную выгоду, в частности повышение осведомленности о потенциале *deepfakes* для получения высокооплачиваемой работы (например, связанной с музыкальными клипами или телешоу). Таким образом, и любители, и законные участники (например, телекомпании) могут сотрудничать друг с другом в процессе использования *deepfakes* в различных целях.

В то время как «мемоподобные» *deepfakes* от любителей могут развлечь интернет-пользователей, в процесс применения данной технологии вовлечены и злоумышленники. Различные политические игроки, в том числе политические агитаторы, активисты, террористы, могут использовать *deepfakes* в кампаниях по дезинформации с целью манипулирования общественным мнением, для подрыва доверия к тому или иному учреждению страны и т. д.

Следовательно, сегодня, кроме положительного применения, *deepfakes* выступает оружием дезинформации, направленной на вмешательство в выборы, разжигание гражданских беспорядков, национальной розни и других негативных глобальных явлений. К тому же *deepfakes* все чаще используются мошенниками с целью проведения рыночных и биржевых манипуляций, иных финансовых преступлений. Известны случаи, в которых преступники использовали созданные искусственным интеллектом фальшивые аудиозаписи, чтобы выдать себя за руководителя (например, в разговоре по телефону, обращаясь с просьбой о срочном денежном переводе). В ближайшем будущем будут доступны *deepfakes*-видеозвонки в преступных целях (в случаях мошенничества, финансовых преступлений и др.), которые станут возможными в режиме реального времени. Так, сегодня технология *deepfakes* уже может использовать визуальное и звуковое олицетворение руководителей (например, из доступных в случае *TED Talk* видеороликов на *YouTube*).

В рамках исследования проведен опрос более 200 специалистов в области PR, маркетинга, рекламы и журналистики. Установлено, что большая часть опрошенных (41 %) получает информацию через онлайн-медиа и на информационных сайтах, вторыми по популярности оказались социальные сети (37 %). Более половины опрошенных респондентов (58 %) доверяют информационному контенту. Около 43 % опрошенных сомневаются в информации, представленной в роликах, они ищут дополнительные факты и первоисточники новостей. Таким образом,

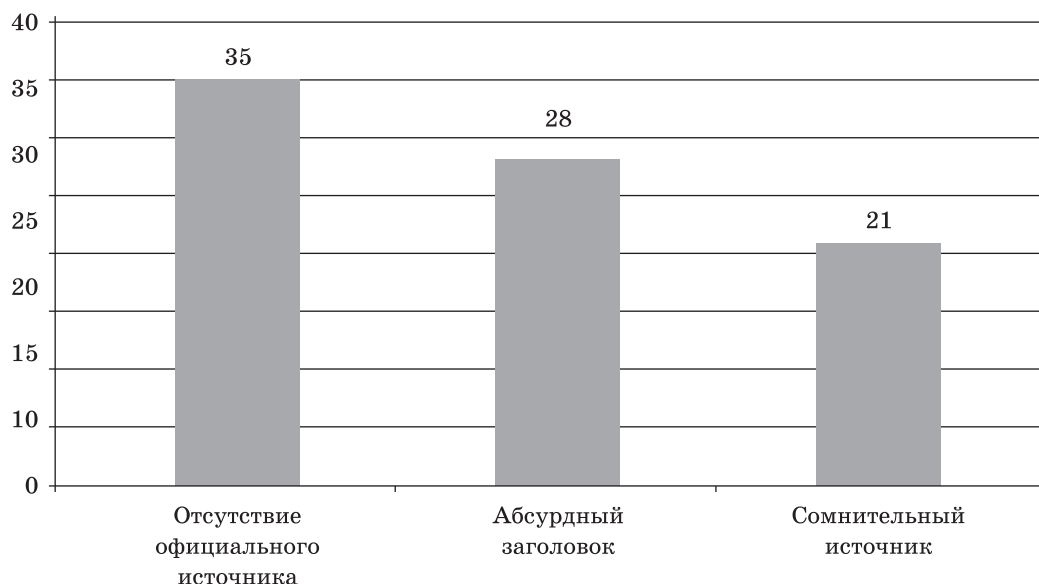

Рис. 4. Основные признаки недостоверности информационных роликов, по мнению онлайн-аудитории, опрошенной в процессе исследования в 2021 г., %

Fig. 4. Key signs of misleading infomercials, according to the online audience surveyed in 2021, %

среди российских онлайн-пользователей все больше людей начинают задумываться над достоверностью информационного контента.

К вызывающим наибольшее сомнение у онлайн-аудитории, как видно на рисунке 4, относятся ролики со следующими признаками: при отсутствии официального источника, в случае абсурдного заголовка или при сомнительном источнике.

Кроме приведенных выше критериев, сомнение вызывает информация, которая пропагандирует навязывание определенной точки зрения и демонстрирует наличие сомнительных фактов, а также оказывает давление на негативные эмоции и направлена на драматизацию.

Выводы

Анализ практики правовых методов борьбы с негативными эффектами и последствиями *deepfakes* свидетельствует о том, что сегодня сформировались четыре основных метода:

- 1) законодательное регулирование;
- 2) корпоративная политика и добровольные действия коммерческих и некоммерческих организаций, направленные на противодействие негативному *deepfakes*;
- 3) цифровое образование и обучение, повышение цифровой грамотности общества;
- 4) технология обнаружения и предотвращения распространения *deepfakes*, аутентификация контента.

Законодательство и регулирование — очевидные средства, направленные против негативных *deepfakes*. В настоящее время *deepfakes* не всегда рассматривают в гражданском или уголовном законодательстве, хотя эксперты в области мирового права и предложили адаптировать существующие законы в

противовес клевете, дезинформации, мошенничеству с личными данными или выдаче себя за государственных служащих с помощью фейков. Так, закон штата Вирджиния США против порно из мести недавно законодательно утвердил ответственность за распространение «ложно созданных» изображений и видеозаписей, признав их в качестве правонарушения. Тем не менее динамичное развитие и повышение уровня сложности технологий искусственного интеллекта требуют новых типов законов и нормативно-правовой базы в сфере регулирования практики *deepfakes*. Например, подделки вызывают тревогу относительно конфиденциальности и авторского права, поскольку визуальные изображения людей на видеороликах *deepfakes* не являются точными копиями какого-либо существующего материала, и это, скорее, можно трактовать как новые изображения, созданные искусственным интеллектом. Таким образом, регулирующим органам приходится ориентироваться в сложном юридическом ландшафте вокруг законов о свободе слова и собственности, чтобы регулировать использование технологии *deepfakes*.

Вместе с тем надлежащее правовое решение проблемы распространения негативных *deepfakes* не должно являться полным запретом на эту технологию. Сегодня фирмы, работающие в социальных сетях, широко пользуются инструментами применения контента, размещаемого пользователями на их сайтах. Одним из вариантов законодательного регулирования может служить отмена юридического иммунитета компаний социальных сетей в отношении контента, который размещают их пользователи, тем самым сделав не только пользователей, но и платформы более ответственными за размещенные материалы. Современное право оказывает, как минимум, недостаточное влияние на «злонамеренных субъектов», таких как террористы, которые могут проводить массовые кампании дезинформации против других государств, национальностей и наций, человеческих ценностей в социальных сетях и на видеоплатформах в формате онлайн.

Корпоративная политика и добровольные действия коммерческих и некоммерческих организаций в процессе противодействия негативному *deepfakes* могут стать более эффективным инструментом против «фальшивок». Например, политики и руководители топ-менеджмента мировых гигантов бизнеса способны взять на себя обязательство не использовать незаконно цифровые коммуникационные возможности, коммерческие и некоммерческие организации при противодействии негативной *deepfakes*-тактике в избирательных, информационных, рыночных кампаниях. С точки зрения работы с социальными медиа коммерческим компаниям необходимо обеспечить соблюдение этических норм и отказаться от размещения в верхней части контента видеоматериалов, которые вызывают глобальные разногласия на мировом рынке.

Сегодня немногие социальные сети имеют политику в отношении противодействия негативным *deepfakes*. Но, на наш взгляд, именно социальные сети должны сотрудничать для предотвращения использования коммерческих и некоммерческих организаций в процессе противодействия негативному *deepfakes* в качестве оружия для дезинформации, активно внедрять прозрачные, общие политические идеи для блокирования и удаления глубоких подделок. В настоящее время многие компании не удаляют спорный контент, а лишь понижают его рейтинг, чтобы затруднить его поиск, сделав менее заметным в новостных лентах пользователей.

Увеличение количества вражды, фейковых новостей и дезинформации, загрязняющих цифровые платформы, привело к тому, что некоторые компании стали предпринимать более активные действия. В частности, речь идет о приостановке пользовательских аккаунтов и инвестировании в технологии быстрого обнаружения. Например, *Facebook** отсекает любой контент, признанный ложным

или вводящим в заблуждение сторонними организациями по проверке фактов, не позволяет размещать рекламу коммерческих и некоммерческих организаций при противодействии негативному *deepfakes*. Алгоритмы *Instagram** не будут рекомендовать людям просматривать контент, отмеченный в качестве ложного организациями по проверке фактов. Среди новостных медиакомпаний *Wall Street Journal* и *Reuters* сформировали корпоративные команды, чтобы помогать и обучать своих репортеров выявлять фальшивый контент.

Для создания экологичного медиапространства на основе совершенствования взаимодействия актуальных технологий цифровых СМИ, отвечающих потребностям современного общества, необходимо учитывать следующие моменты:

1. Анализировать технологии создания и применения фейковых новостей, которые угрожают ментальному и физическому здоровью людей, вызывают беспорядки в обществе; особое внимание уделить технологии *deepfakes*.
2. Выявлять основные типы *deepfakes* и группы их производителей, анализировать их цели, задачи и области применения для дальнейшей нейтрализации.
3. Продолжить поиск эффективных и полезных для современных медиа и общества путей положительного применения технологий *deepfakes*.
4. Анализировать онлайн-пользователей цифровых медиа, повышать информационную безопасность цифрового контента.
5. Активно внедрять в цифровые медиа методы борьбы с технологиями *deepfakes*, в том числе законодательное регулирование, разработку технологий для обнаружения *deepfakes* и аутентификации контента, цифровые методы предотвращения распространения *deepfakes*.

Современное медиапространство характеризуется такими тенденциями, как манипулятивность и своего рода шокирование целевой аудитории; динамичность; разрозненность; мультимедийность; трансформационность; несимметричность; симулятивность; обилие фейков.

Достижения последних лет в сфере информационных технологий обеспечили условия возникновения явления *deepfakes*, в результате которого создают гиперреалистичные видео с заменой лиц, оставляющих малое количество следов манипуляции, незаметных для пользователей видеоплатформ и социальных сетей. *Deepfakes* представляют собой продукт приложений искусственного интеллекта, позволяющих объединять, заменять и накладывать друг на друга изображения, видеоклипы для создания фальшивых видеороликов, которые выглядят достоверными.

Негативное влияние *deepfakes* на современное общество заключается в фабрикации фальшивых видеороликов, которые используются не только для привлечения внимания и мести, а также в суде, в качестве доказательства, в целях политического саботажа, террористической пропаганды, шантажа и др. Технологии создания реалистичных *deepfakes* активно применяют и в целях дезинформации, что имеет тяжелые социально-политические и экономические последствия.

Кроме того, в ходе проведенного анализа результатов влияния *deepfakes* на поведение пользователей онлайн-медиа выявлены положительные тенденции реализации исследуемой технологии. Среди них — эффективное решение вопроса языковых барьеров для зрительской аудитории путем обеспечения «одновремен-

* Социальная сеть, продукт компании *Meta Platforms Inc.*, признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации (Social media service, part of *Meta Platforms Inc.*, added to the register of extremist organizations and banned in the Russian Federation).

ной многоязычности» контента видеороликов; преодоление языковых барьеров на международных видеоконференциях с синхронным переводом речи и одновременным изменением движений лица и рта с целью повышения качества зрительного контакта и получения эффекта участников, «говорящих на одном языке»; применение в социальных и медицинских областях и др.

В процессе исследования нами разработаны рекомендации по предотвращению негативного влияния технологии *deepfakes*, которые основаны на активном внедрении в цифровые медиа методов борьбы с указанными технологиями. В числе этих методов — законодательное регулирование, разработка технологий для обнаружения *deepfakes*, аутентификация контента и цифровые методы недопущения распространения *deepfakes*.

Список источников

1. Durodolu O. O., Chisita C. T., Dube T. V. Flattening the curve of fake news in the epoch of infodemic: An epistemic challenge // Deep fakes, fake news, and misinformation in online teaching and learning technologies / ed. R. J. Blankenship. Hershey, PA: IGI Global, 2021. P. 143–161. (Advances in Educational Technologies and Instructional Design). DOI: 10.4018/978-1-7998-6474-5.ch007
2. Fetisova G. V., Ilyina I. A., Afanasyeva T. S. Publicity of non-profit projects as an element of sustainable territorial development // Conference: MTSDT 2019 — Modern tools for sustainable development of territories. Special topic: Project management in the regions of Russia. (Velikiy Novgorod, December 4–5, 2019). London: Future Academy, 2019. P. 565–573. (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 77). DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.05.70
3. Vizoso A., Vaz-Álvarez M., López-García X. Fighting deepfakes: Media and internet giants' converging and diverging strategies against hi-tech misinformation // Media and Communication. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 291–300. DOI: 10.17645/mac.v9i1.3494
4. Westerlund M. The emergence of deepfake technology: A review // Technology Innovation Management Review. 2019. Vol. 9. No. 11. P. 39–52. DOI: 10.22215/timreview/1282
5. Барабанщиков В. А., Маринова М. М., Абрамов А. Д. Виртуальная личность тэтчеризированного лица в статике и динамике // Экспериментальная психология в социальных практиках / отв. ред. В. А. Барабанщиков, В. В. Селиванов. М.: Универсум, 2020. С. 7–16.
6. Юмашева И. А. Массовые медиакommunikации и их влияние на молодежь // Социология и право. 2021. № 4 (54). С. 24–32. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-24-32

References

1. Durodolu O.O., Chisita C.T., Dube T.V. Flattening the curve of fake news in the epoch of infodemic: An epistemic challenge. In: Blankenship R.J., ed. Deep fakes, fake news, and misinformation in online teaching and learning technologies. Hershey, PA: IGI Global; 2021:143-161. (Advances in Educational Technologies and Instructional Design). DOI: 10.4018/978-1-7998-6474-5.ch007
2. Fetisova G.V., Ilyina I.A., Afanasyeva T.S. Publicity of non-profit projects as an element of sustainable territorial development. In: Modern tools for sustainable development of territories. Special topic: Project management in the regions of Russia (MTSDT 2019). (Velikiy Novgorod, December 4-5, 2019). London: Future Academy; 2019:565-573. (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 77). DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.05.70
3. Vizoso A., Vaz-Álvarez M., López-García X. Fighting deepfakes: Media and internet giants' converging and diverging strategies against hi-tech misinformation. *Media and Communication*. 2021;9(1):291-300. DOI: 10.17645/mac.v9i1.3494
4. Westerlund M. The emergence of deepfake technology: A review. *Technology Innovation Management Review*. 2019;9(11):39-52. DOI: 10.22215/timreview/1282

5. Barabanshchikov V.A., Marinova M.M., Abramov A.D. Virtual personality of Thatcherized person in statics and dynamics. In: Barabanshchikov V.A., Selivanov V.V., eds. Experimental psychology in social practices. Moscow: Universum; 2020:7-16. (In Russ.).
6. Yumasheva I.A. Mass media communications and their impact on young people. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2021;(4):24-32. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-24-32

Информация об авторах

И. А. Юмашева — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций; 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43;

Т. С. Афанасьева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления социально-экономическими системами; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Г. Д. Алеманова — доктор медицинских наук, доцент, доцент кафедры детских болезней; 460000, Оренбург, Советская ул., д. 6.

Information about the authors

I. A. Yumasheva — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Journalism and Media Communications; 57/43 Sredniy Ave. V. O., St. Petersburg 199178, Russia;

T. S. Afanasyeva — PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economics and Management of Social and Economic Sciences; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

G. D. Alemanova — Doctor of Medicine, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Children's Diseases; 6 Sovetskaya st., Orenburg 460000, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-197-205

Регуляция как функция управления социальной адаптацией курсанта военной школы

Карина Каджиковна Оганян^{1✉}, Дмитрий Владимирович Жуков²

¹ Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия

² Военный университет радиоэлектроники, Череповец, Россия

¹ karina_oganyan@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-9514-7002>

² dem0n86@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыта такая важная функция управления социальной адаптацией курсанта военного вуза, как регулирование (регуляция). Она выполняет ведущую роль в коррекции других функций — целеполагания, информации, планирования, организации, мотивации и стимулирования, контроля и анализа. Утверждается, что регуляция управления социальной адаптацией курсанта — тип профессиональной деятельности, представляющий собой способ поддержания единства любой системы, ее развития. Особенно значимы отношения регуляции в многочисленных армейских организациях, а также в обществе в целом, в котором социальные регуляторы приобретают все большее значение, будучи государственными ориентирами.

Ключевые слова: управление социальной адаптацией, регуляция, цель, информация, планирование, организация, мотивация, стимулирование, контроль, анализ

Для цитирования: Оганян К. К., Жуков Д. В. Регуляция как функция управления социальной адаптацией курсанта военной школы // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 197–205. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-197-205>

Original article

Regulation as a function of social adaptation management of military school cadet

Karina K. Oganyan^{1✉}, Dmitry V. Zhukov²

¹ Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg, Russia

² Military Order of Zhukov University of Radio Electronics, Cherepovets, Russia

¹ karina_oganyan@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-9514-7002>

² dem0n86@mail.ru

Abstract. The article reveals such an important function of management of social adaptation of a military school cadet as regulation (regulation). It plays a leading role in correction of other functions — goal-setting, information, planning, organization, motivation and stimulation, control and analysis. It is argued that the regulation of the management of social adaptation of the cadet is a type of professional activity, which represents a way of maintaining the unity of any system, its development. Particularly significant is the relationship of regulation in numerous army organizations, as well as in society as a whole, in which social regulators are becoming increasingly important as state guidelines.

Keywords: social adaptation management, regulation, purpose, information, planning, organization, motivation, stimulation, control, analysis

For citation: Oganyan K.K., Zhukov D.V. Regulation as a function of social adaptation management of military school cadet. *Sociology and Law*. 2023;15(2):197-205. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-197-205>

Введение

Жизнедеятельность любого человека происходит в социальной среде, представляющей собой социальные общности и объединения, экономические, политические, социальные, материальные и духовные отношения и условия в той мере, в какой они стихийно или целенаправленно, прямо или косвенно воздействуют на сознание и поведение личности [1].

Социальная среда оказывает определяющее влияние на человека, поскольку включает в себя интеракции людей, их материальный и социальный уровень, психологический климат, здоровье, общекультурные ценности и нормы и т. д. Она, будучи полем деятельности людей, объединенных в различные социальные общности, действуя как фактор ограничения, опосредуется многими средами, и наоборот, опосредует их [2]. Она, обеспечивая воспроизводство жизнедеятельности членов общества, включает в себя экономические, политические, военные, образовательные, культурные и другие институты, в которые вовлечен человек с момента его появления на свет, и посредством которых осуществляется его социализация.

Теория

Под социализацией понимается процесс накопления личностью опыта и социальных установок, соответствующих определенным социальным статусам и ролям при достижении ею социальной зрелости. Социализация личности курсанта включает в себя множество процессов адаптации к социальной среде армии и общества в целом [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Рассматривая социализацию как сложный процесс адаптации, идентификации, интериоризации и рефлексии, необходимо выделить адаптацию человека как приспособление к изменениям окружающей среды, а также его адаптивное поведение как начальный этап социализации и как результат адаптации.

Значимая роль в обучении в военном вузе отведена именно социальной адаптации курсанта. Этот процесс характеризуется социальной активностью личности, увеличением роли взаимодействия с людьми.

Адаптационные процессы выражены в двух формах, характеризующихся различным соотношением стихийных и сознательных приспособительных механизмов [10]. Можно утверждать, что стихийная социальная адаптация проявляется инстинктивно, на уровне подсознания, как рефлексия на вызов социальной среды. Сознательная форма адаптации реализуется в практике социальной работы на уровне управления и регуляции адаптивных процессов в стационарных социальных институтах.

Управление социальной адаптацией курсантов можно определить как целенаправленное воздействие на их личности, курсантские объединения, армейское сообщество в целом, осуществляемое для достижения адаптированности, соответствующей требованиям содержания культуры военного специалиста [11]. Управление и регуляция социальной адаптации находятся в логической связи родовидовых отношений. Управление социальной адаптацией курсантов пред-

ставляет собой систему координации элементов управления: цель — информация — планирование — организация — мотивация — контроль — регулирование. В этой системе завершающим элементом служит регуляция.

Результаты и обсуждение

Регулирующая функция управления социальной адаптацией заключается в уточнении и корректировке других функций.

1. Целеполагание [12; 13]

Цель — идеальный или реальный предмет сознательного стремления актора, результат этапа адаптации, на который преднамеренно направлен процесс регуляции.

Цели работы по управлению социальной адаптацией курсантов:

- ускорение процесса ввода курсанта в процесс жизнедеятельности военного вуза, ознакомление его со служебными и учебными задачами;
- устранение или снижение уровня текучести курсантов в военном вузе;
- мотивация курсантов на заинтересованность в результатах учебы, настрой на более эффективное исполнение служебных обязанностей;
- повышение результатов учебы;
- оздоровление психологического климата в курсантских коллективах;
- снижение расходов на содержание ресурсов;
- экономия времени субъектов, адаптация по различным подразделениям военного вуза и организация взаимодействия;
- повышение уровня активности курсантов в службе, учебе, сфере быта;
- умножение степени удовлетворенности своей деятельностью у курсанта.

Регуляция целей предполагает три этапа.

Этап 1. Анализ выполнения поставленных целей. Если акторы не справились с поставленными задачами, необходимо определить причину этого и попытаться ее устранить в следующем периоде.

Этап 2. Анализ обстоятельств, которые повлияли или могут оказать влияние на выполнение целей. Если возникли внешние или внутренние обстоятельства, которые могут или помешать, или способствовать выполнению целей, то необходимо подкорректировать собственные цели и задачи акторов адаптации в ту или иную сторону.

Этап 3. Анализ изменения жизненных приоритетов адаптантов. Естественно, на этом этапе потребуются массовая корректировка целей и задач.

Следует учитывать опыт зарубежных компаний при определении требований к целям в использовании метода *SMART*.

2. Информация [14; 15]

Мы живем в информационно-техническом мире, пронизанном потоками разнообразной информации. Регуляция информационной системы управления социальной адаптацией курсантов должна включать в себя полезные сигналы.

Регуляция функции управления информацией должна мониторить информационные потоки с целью оптимизации их характеристик, нейтрализации ложной информации о состоянии дел. Важнейшей из них является *достоверность*. Принято отождествлять достоверность информации с надежностью. Эту характеристику называют инструментальной, соответствующей программно-техническому комплексу, отвечающему за ввод данных и подготовку информации.

Важным качеством информации является *доступность* — наличие возможности беспрепятственного доступа для получения информации всеми субъектами управления социальной адаптацией курсантов. Особое значение в современной военной сфере имеет оперативность информации. Тесно связана с оперативностью *актуальность* информации. Имеется в виду именно социальная актуальность, то есть значимость информации как для армии в целом, так и для решения любой задачи в управлении социальной адаптацией курсантов.

Создание развивающейся образовательной информационной среды на основе широкого диапазона ресурсов образовательных систем выявляет новые возможности для решения задач регуляции управления.

3. Планирование [16; 17; 18; 19; 20]

Планирование управления социальной адаптацией курсантов — это вид управленческой деятельности по определению будущего процесса. Оно связано с целеполаганием, определением путей и способов достижения целей и решения задач, разработкой на этой основе плановых заданий по лестнице иерархий организации вуза, распределением необходимых заданий, ресурсов и ответственности подразделений.

Основные задачи планирования:

- обеспечение целенаправленности действий;
- создание оргструктуры управленческих актов;
- разработка и координация усилий всех членов структурных подразделений вуза;
- выработка оптимального варианта управленческих решений;
- определение системы конкретных показателей.

Корректировка (регуляция) планирования — процесс изменения планов управления социальной адаптацией курсантов, заключающийся в перестройке планов в соответствии с изменяющимися условиями их реализации. Коррекция (регуляция) плана — это обнаружение и устранение выявленных текущих несоответствий.

Стандарт *ISO* предлагает следующую организацию процесса регуляции планирования [21; 22]:

1. Определение проблемы: убеждение, что проблема существует объективно, что суть не в субъективном ее восприятии. В этом можно использовать бинарную оппозицию: существующее сегодня положение вещей («как есть») и требование («как должно быть»).

2. Выяснение масштаба проблемы, убеждение в том, что ясен истинный масштаб проблемы. Необходимо узнать, в чем прослеживается несоответствие и, что еще более важно, в чем его однозначно нет.

3. Первоначальные действия по локализации проблемы: внедрение коррекции, чтобы продолжить работу в обычном режиме, и наличие времени для поиска и устранения коренных причин проблемы. Применение проверочных мероприятий для обеспечения времени на поиск коренных причин и устранения их.

4. Поиск коренных причин — наиболее сложный этап получения уверенности в том, что главную причину, вызвавшую проблему, обнаружили. Если анализ корневых причин завершен, необходимо проверить, не увеличился ли масштаб проблемы по сравнению с тем, который выявлен в начале корректирующих действий.

5. Планирование корректирующих актов и определение затрат по устранению найденной корневой причины, метода ее устранения и субъектов реализации.

6. Внедрение корректирующих действий, воплощение на практике скорректированного плана, покупка и установка средств для реализации последнего.

7. Контроль результатов работы обновленного плана, проверка в целях установления возможного рецидива проблемы, извлечение уроков с учетом того, чтобы не повторять ошибок при дальнейшем планировании.

4. Организация управления [23; 24]

Регуляция организации процесса управления социальной адаптацией курсантов предполагает улучшение организационной структуры управления адаптацией.

Система организации управления социальной адаптацией курсантов вуза включает в себя совокупность всех служб организации, всех подсистем и коммуникаций между ними, а также процессов, обеспечивающих заданное функционирование. Управление социальной адаптацией курсантов — непрерывный процесс влияния на личность курсанта с целью формирования военного профессионала, защитника Родины, патриота. Процесс управления социальной адаптацией курсантов предусматривает организацию согласованных действий, которые и обеспечивают осуществление общей цели, стоящей перед организацией.

Управляемая часть системы социальной адаптации — это учебные и функциональные подразделения, занятые обеспечением управления процессом социальной адаптации курсантов. Выходом служит информация о состоянии учебы курсантов, их социального статуса, компетентности и компетенций, готовности к исполнению социальных ролей «курсант-учащийся», «курсант-военнослужащий», «курсант-коллега».

Наиболее четко задачи управления организацией сформулировал Г. Файоль в начале XX в. [25]. Однако в функционировании организаций произошли значительные изменения: усложнилась структура, научно-технические разработки по возникновению новых сложных информационных технологий, постоянно усложняются условия управления организациями. Это приводит к необходимости регуляции процессов управления организациями и социальной адаптацией курсантов. Можно интерпретировать задачи управления организацией, разработанные Файолем, применительно к регуляции управления социальной адаптацией курсантов.

5. Мотивация

Формирование мотивации и стимулирования курсанта — одна из важных функций процесса управления его социальной адаптацией, поскольку она мобилизует его внутренние силы на активное освоение действительности, способность эффективно реализовать потребности вращаясь в военную среду.

Создание стабильной позитивной мотивационной структуры личности курсанта необходимо для побуждения его к активной деятельности в ролях «курсант-учащийся», «курсант-служивый» и «курсант-коллега». Мотивирование — процесс воздействия на курсанта с целью побуждения его к определенным действиям путем активизации в нем определенных потребностей.

Регуляция этой функции управления адаптацией предусматривает два основных типа мотивирования: *первый*, при котором акторы регуляции путем внешних воздействий на курсанта вызывают к действию ролевые потребности; *второй*, при котором в качестве основной задачи выступает формирование структуры потребностей курсанта, способной развить и усилить желательные для актора управления мотивы действий курсанта.

Регуляция *усилий* предполагает мотивацию курсанта на проявление творчества в реализации задач учебной и военно-служебной деятельности. Курсанта следует материально и морально заинтересовать в *старании* к повышению военной квалификации, совершенствованию способностей работать и взаимодействовать с организационным окружением.

6. Контроль и анализ

Важными направлениями регуляции функций управления адаптацией курсантов являются *повышение качества контроля адаптационной ситуации и доработка системы анализа адаптации* как динамичные и часто ускользающие от внимания сотрудников стороны адаптационного процесса [26]. Необходимо оценить три аспекта результатов адаптации курсанта: психофизиологический, социально-психологический и профессиональный.

Выводы

Для оценки результатов *психофизиологической стороны адаптации* можно использовать сравнение производственных показателей курсанта (физической и строевой подготовки, энергозатрат) и сравнение показателей его здоровья при выполнении типичных служебных операций с зафиксированными в начале процесса адаптации показателями. Для выяснения результатов *социально-психологической стороны* адаптации нужно исследовать уровень удовлетворенности курсанта новой военной средой, характер взаимоотношения с коллегами, его удовлетворенность новыми статусами и новыми возможностями. Для оценки результатов *профессиональной стороны адаптации* используют сравнение служебно-профессиональных показателей курсанта со средними показателями, сложившимися на курсе и в учебной группе, такими как средние оценки выполнения служебных и учебных заданий, состояние дисциплины и др.

Сравнение полученных результатов с запланированными позволит осуществлять регуляцию управления процессом адаптации курсанта. В процессе деятельности, осуществляемой в организационных отношениях вуза, происходит интеракция акторов и объектов с коллективами. Особенно значим фактор неформальных коллективных отношений в крупных социальных организациях и обществе в целом, в котором социальные регуляторы имеют все большее значение, становясь государственными ориентирами.

Список источников

1. Лоптева Е. Управление сотрудниками: выигрышные стратегии и эффективные методы // Энвибокс. 2020. 24 сентября. URL: <https://envybox.io/blog/upravlenie-sotrudnikami/> (дата обращения: 23.04.2023).
2. Семь шагов корректирующих и предупреждающих действий, на которые опираются постоянные улучшения в ISO 9001:2008 // Единый Стандарт. 2017. 28 октября. URL: <https://1cert.ru/stati/sem-shagov-korrektiruyushchikh-i-preduprezhdayushchikh-deystviy?ysclid=lid6la1xd3891929555> (дата обращения: 20.04.2023).
3. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
4. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1956. 481 с.
5. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1960. 500 с.
6. Гальперин П. Я. К учению об интериоризации // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 25–33.
7. Леонтьев А. Н. Об историческом подходе в изучении психики человека // Психологическая наука в СССР: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. С. 9–44.
8. Изменение целей со временем // StudFiles. URL: <https://studfile.net/preview/8343687/page:4/> (дата обращения: 18.04.2023).
9. Заец А. А. Информация как социальный феномен // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 344–349.

10. Международная организация по стандартизации // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1030976?ysclid=lid6ju8zt186816312> (дата обращения: 20.04.2023).
11. Рогожин С. В., Рогожина Т. В. Организации и управление // Теория организации: учебник. М.: Экзамен, 2002. С. 47–74.
12. Осипов Г. В. Социология и социализм. М.: Вече, 2008. 363 с.
13. Рейхерт Е. С. Социальное управление как особая разновидность управления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13. С. 338–342.
14. Щанина Е. В., Карамышева Е. Ю. Социальная адаптация в условиях нестабильности современного российского общества // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2. С. 100–107. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-11
15. Егорова Н. А., Михайлова А. В. Планирование как функция управления организацией // Инновационная наука. 2015. Т. 1. № 6. С. 71–73.
16. Среда социальная // Академик. URL: https://human_ecology.academic.ru/1781/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0_%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F (дата обращения: 25.04.2023).
17. Волгушева А. А. Социальная среда // Центр управления финансами. URL: <https://center-yf.ru>data/stat/sotsialnaya-sreda.php> (дата обращения: 25.04.2023).
18. Полеева Ю. Адаптация новых сотрудников: 3 подхода // ПланФакт. 2019. 17 декабря. URL: <https://planfact.io/blog/posts/snachala-bolno-potom-priyatno-adaptaciya-novyh-sotrudnikov-3-podhoda?ysclid=lid60ysk5n404455116> (дата обращения: 20.04.2023).
19. Трудовая адаптация персонала // Ассистентус. URL: <https://assistentus.ru/sotrudniki/adaptaciya-personala/?ysclid=lid63ut0b8699725433> (дата обращения: 20.04.2023).
20. Теория административного управления Ф. Файоля // Psyera.ru. 2016. 2 февраля. URL: https://psyera.ru/teoriya-administrativnogo-upravleniya-fayolya_9422.htm?ysclid=lid6y0vl7x606001514 (дата обращения: 24.04.2023).
21. Корректировка целей и задач // Финансовый блог. 2019. 28 января. URL: <http://gdevzyatkredit.ru/voprosy-i-otvety/korrektirovka-celej-i-zadach.html?ysclid=lid5orzhdz396741497> (дата обращения: 18.04.2023).
22. Пушкарев Н. В. Стратегическое планирование и бизнес-план // Студенческий научный форум — 2017: IX Междунар. студ. науч. конф. URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2017/40621.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).
23. Редькина Л. Что такое целеполагание и зачем оно нужно: методики + примеры из жизни // Блог Павла Бутора. 2020. 17 ноября. URL: levelself.ru/navyki/chto-takoe-celepolaganie.html (дата обращения: 18.04.2023).
24. Яценко В. Составляем программу по адаптации персонала // Госучетник. 2019. 26 сентября. URL: <https://gosuchetnik.ru/kadry/sostavlyаем-programmu-po-adaptatsii-personala?ysclid=lid6fv936d79209388> (дата обращения: 20.04.2023).
25. Оценка результатов и управление адаптацией // Правильные ответы. 2021. 25 апреля. URL: <https://imccenter.ru/otsenka-rezul-tatov-i-upravleniye-adaptatsiyey/?ysclid=lid71qwud9914243570> (дата обращения: 19.01.2023).
26. Волосков И. В. Роль средств массовой информации в социализации молодежи // Ceteris Paribus. 2022. № 12. С. 191–194.

References

1. Lopteva E. Employee management: Winning strategies and effective techniques. Envybox. Sep. 24, 2020. URL: <https://envybox.io/blog/upravlenie-sotrudnikami/> (accessed on 23.04.2023). (In Russ.).
2. Seven steps of corrective and preventive action on which continual improvement in ISO 9001:2008 is based. Edinyi Standart. Oct. 28, 2017. URL: <https://1cert.ru/stati/sem-shagov-korrektiruyushchikh-i-preduprezhdayushchikh-deystviy?ysclid=lid6la1xd3891929555> (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
3. Anan'ev B.G. Man as an object of knowledge. St. Petersburg: Piter; 2001. 288 p. (In Russ.).
4. Vygotskii L.S. Selected psychological studies. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ.; 1956. 481 p. (In Russ.).
5. Vygotskii L.S. Development of higher mental functions. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences Publ.; 1960. 500 p. (In Russ.).

6. Gal'perin P.Ya. On the doctrine of interiorization. *Voprosy psikhologii*. 1966;(6):25-33. (In Russ.).
7. Leont'ev A.N. On the historical approach to the study of the human psyche. In: Psychological science in the USSR (in 2 vols.). Vol. 1. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ.; 1959:9-44. (In Russ.).
8. Changing goals over time. StudFiles. URL: <https://studfile.net/preview/8343687/page:4/> (accessed on 18.04.2023). (In Russ.).
9. Zaets A.A. Some features of concept "information" in modern philosophy. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2016;(2):344-349. (In Russ.).
10. International Organization for Standardization. Akademik. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1030976?ysclid=lid6ju8ztl86816312> (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
11. Rogozhin S.V., Rogozhina T.V. Organizations and management. In: Theory of organization. Moscow: Ekzamen; 2002:47-74. (In Russ.).
12. Osipov G.V. Sociology and socialism. Moscow: Veche; 2008. 363 p. (In Russ.).
13. Reikherth E.S. Social management as a special kind of management. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2006;(13):338-342. (In Russ.).
14. Shchanina E.V., Karamysheva E.Yu. Social adaptation in the transforming conditions of modern society. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2022;10(2): 100-107. (In Russ.). DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-11
15. Egorova N.A., Mikhailova A.V. Planning as a function of organization management. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*. 2015;1(6):71-73. (In Russ.).
16. Social environment. Akademik. URL: https://human_ecology.academic.ru/1781/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0_%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F (accessed on 25.04.2023). (In Russ.).
17. Volgusheva A.A. Social environment. Financial Management Center. URL: <https://center-fy.ru/data/stat/sotsialnaya-sreda.php> (accessed on 25.04.2023). (In Russ.).
18. Poleeva Yu. Adaptation of new employees: 3 approaches. PlanFact. Dec. 17, 2019. URL: <https://planfact.io/blog/posts/snachala-bolno-potom-priyatno-adaptaciya-novyh-sotrudnikov-3-podhoda?ysclid=lid60ysk5n404455116> (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
19. Labor adaptation of personnel. Assistentus. URL: <https://assistentus.ru/sotrudniki/adaptaciya-personala/?ysclid=lid63ut0b8699725433> (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
20. Fayol's theory of administrative management. Psyera.ru. Feb. 02, 2016. URL: https://psyera.ru/teoriya-administrativnogo-upravleniya-fayolya_9422.htm?ysclid=lid6y0vl7x606001514 (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
21. Adjustment of goals and objectives. Financial blog. Jan. 28, 2019. URL: <http://gde-vzyatcredit.ru/voprosy-i-otvety/korrektirovka-celej-i-zadach.html?ysclid=lid5orzhdz396741497> (accessed on 18.04.2023). (In Russ.).
22. Pushkarev N.V. Strategic planning and business plan. In: Student sci. forum — 2017: Proc. 9th student sci. conf. URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2017/40621.pdf> (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
23. Red'kina L. What is goal setting and why it is needed: Methods + examples from life. Paul Butor Blog. Nov. 17, 2020. URL: levelself.ru/navyki/chto-takoe-celepolaganie.html (accessed on 18.04.2023). (In Russ.).
24. Yatsenko V. Drawing up a program for the adaptation of personnel. Gosuchetnik. Sep. 26, 2019. URL: <https://gosuchetnik.ru/kadry/sostavlyaem-programmu-po-adaptatsii-personala?ysclid=lid6fv936d79209388> (accessed on 20.04.2023). (In Russ.).
25. Evaluation of results and adaptation management. Pravil'nye otvety. Apr. 25, 2021. URL: <https://imcccenter.ru/otsenka-rezul-tatov-i-upravleniye-adaptatsiyey/?ysclid=lid71qwud9914243570> (accessed on 19.01.2023). (In Russ.).
26. Voloskov I.V. The role of the media in the socialization of youth. *Ceteris Paribus*. 2022;(12):191-194. (In Russ.).

Сведения об авторах

К. К. Оганян — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин имени В. У. Агеевца; 190121, Санкт-Петербург, Декабристов ул., д. 35;

Д. В. Жуков — соискатель; 162622 Вологодская обл., Череповец, Советский пр., д. 126.

Information about the authors

K. K. Oganyan — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines named after V. U. Ageevts; 35 Dekabristov st., St. Petersburg 190121, Russia;

D. V. Zhukov — applicant; 126 Sovetskiy Ave., Cherepovets, Vologda region, 162622, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 316.752

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-206-216

Базовые ценности современного российского общества в зеркале экспертных мнений

Анатолий Анатольевич Трунов^{1✉}, Александр Сергеевич Тарасов²

^{1, 2} Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

¹ trunovv2013@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5669-8514>

² aleksandr.pr31@gmail.com

Аннотация. В статье проведен анализ базовых ценностей российского общества. Методологической основой настоящего исследования выступают философско-антропологический, исторический, аксиологический и социологический подходы. Культура характеризуется как процесс целенаправленного возделывания человеческого в человеке и одновременно как сложная самоорганизующаяся система, создающая, транслирующая и сохраняющая базовые ценности человеческого бытия. Под базовыми ценностями авторы понимают социально значимые артефакты культуры, которые оказывают существенное воздействие на функционирование и продуктивную жизнедеятельность не только индивидов и социальных групп, но и общества в целом. Утверждается, что восприятие людьми социальной действительности происходит не произвольно, а на основе сформировавшейся в их головах системы базовых ценностей, позволяющей различать добро и зло, красивое и безобразное, истинное и ложное, полезное и вредное, свое и чужое. Базовые ценности идеальны и объективны. Но их восприятие всегда субъективно. На основании серии глубинных интервью с экспертами, проведенных авторами в январе и феврале 2023 г., сделаны выводы о том, что: 1) аксиосфера российского общества заполнена мифологическими и медийными конструктами, религиозными и секулярными смыслами, нарративами и дискурсами классических и неклассических идеологий; 2) существенное воздействие на ее актуальное состояние оказывает как спонтанное циркулирование традиционных базовых ценностей, так и целенаправленная деятельность различных субъектов, вовлеченных в процессы духовного производства; 3) базовыми ценностями россиян, согласно систематизации ответов экспертов, являются патриотизм и семья.

Ключевые слова: ценности, культура, российское общество, глубинные интервью, эксперты, аксиосфера, идеологии

Для цитирования: Трунов А. А., Тарасов А. С. Базовые ценности современного российского общества в зеркале экспертных мнений // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 206–216. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-206-216>

Original article

Basic values of contemporary Russian society in the mirror of expert opinions

Anatoly A. Trunov^{1✉}, Alexander S. Tarasov²

^{1, 2} Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

¹ trunovv2013@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5669-8514>

² aleksandr.pr31@gmail.com

Abstract. The article analyzes the basic values of the Russian society. The methodological basis of the present study is the philosophical-anthropological, historical, axiological and so-

© Трунов А. А., Тарасов А. С., 2023

ciological approaches. Culture is characterized as a process of purposeful cultivation of humanity in man and simultaneously as a complex self-organizing system that creates, transmits and preserves the basic values of human existence. By basic values the authors understand the socially significant artifacts of culture, which have a significant impact on the functioning and productive activities of not only individuals and social groups, but also society as a whole. It is argued that people's perception of social reality is not arbitrary, but based on the system of basic values formed in their heads, allowing them to distinguish between good and evil, beautiful and ugly, true and false, useful and harmful, their own and others'. Basic values are ideal and objective. But their perception is always subjective. Based on a series of in-depth interviews with experts conducted by the authors in January and February 2023, conclusions are drawn that: 1) the axiosphere of Russian society is filled with mythological and media constructs, religious and secular meanings, narratives and discourses of classical and non-classical ideologies; 2) both spontaneous circulation of traditional basic values and purposeful activities of various actors involved in spiritual production processes have a significant impact on its current state; 3) the basic values of Russians, according to the systematization of experts' answers, are patriotism and family.

Keywords: values, culture, Russian society, in-depth interviews, experts, axiosphere, ideologies

For citation: Trunov A.A., Tarasov A.S. Basic values of contemporary Russian society in the mirror of expert opinions. *Sociology and Law. 2023;15(2):206-216*. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-206-216>

Введение

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена тем, что феномен базовых ценностей, выступающих в качестве эффективных регуляторов не только поведения индивидов и социальных групп, но и общественных отношений в целом, практически всегда интересовал мыслящих людей. Обоснование проблемы смысла жизни, поиск критериев различения красивого и безобразного, доброго и злого, истинного и ложного можно обнаружить во многих религиозных и философских учениях о человеке.

Эти проблемы не утратили значимости и в условиях фактически состоявшегося перехода к информационному обществу. Сегодня, как и во многие другие исторические эпохи, «человек живет в окружении ценностей» [1, с. 3], с учетом которых определяет полезное и вредное, желаемое и действительное, возможное и невозможное, свое и чужое. Только делает он это не столько на основе жестких социальных предписаний, сколько на основе собственного экзистенциального выбора. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается специфика функционирования современной аксиосферы, которая создается людьми в процессе духовного производства и оказывает существенное воздействие на их представления о других, самих себе, природе, обществе, экономике, политике, религии, цивилизации и культуре.

В публикациях зарубежных и отечественных исследователей рассмотрены различные аспекты взаимодействия человека, ценностей, общества и культуры [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Постепенно сформировалась аксиология как особая наука о ценностях. Объектом ее изучения выступает сущность и морфология культуры, которые показаны сквозь призму характеристики базовых ценностей, присущих тому или иному типу общества. Это позволяет выявить сходства и различия между ценностями и истинами, ценностями и художественными образами, ценностями и нормами, ценностями и смыслами практической деятельности людей. В процессе социализации индивид осуществляет освоение и присвоение существующих базовых ценностей. Так, абстрактные принципы стано-

ваются моральными фреймами и императивами практической деятельности. Сформировавшись как личность, он их транслирует через свою деятельность, влияет с их помощью на других людей, а в ряде случаев создает и новые ценности, которые, благодаря развитию информационных и коммуникационных технологий, становятся достоянием широких слоев общественности.

Не менее значима задача, состоящая в том, чтобы раскрыть роль ценностей в исторической динамике различных типов архаической, традиционной, современной и постмодерной культуры, которая характеризуется экспансией виртуального, отрывом означающего от означаемого, цифровизацией, размытостью представлений об индивидуальном и общественном благе, появлением новых императивов и стратегий социализации, а также новых идентичностей и способов выражения себя. Культура, которая сформировалась в эпоху модерна, имеет проектный характер. И в этом заключается ее принципиальное отличие от архаичных или традиционных культур, построенных на охране и трансляции ценностей, онтологический статус которых практически не ставили под сомнение. Новое в них с огромным трудом вытесняло старое, дискредитировавшее или изжившее себя. Механизмами социальной трансляции базовых ценностей выступали религиозные обряды и светские ритуалы, благодаря которым формировались лояльные социальной системе индивиды и сообщества, воспринимавшие передаваемые им ценности как естественную данность.

В большей степени все ранее существовавшие архаические и традиционные культуры обращены в прошлое. Именно из него они черпали базовые ценности и смыслы. В эпоху модерна ситуация радикально изменилась, сформировалась креативная и проектная культура, рассчитанная на позитивный характер происходящих в обществе изменений, устремленная уже не в прошлое, а в настоящее и будущее [2]. В пришедшую ей на смену эпоху постмодерна базовые ценности культуры, как и отношение к прошлому, настоящему или будущему, принято рассматривать в качестве проблемы. Из этого вытекают цинизм и ирония как выражение экзистенциального недоверия постмодернистов к метанарративам и дискурсам традиционной и современной аксиологии, рассмотрение их как особых разновидностей репрессивного социального контроля над человеком и обществом [3].

В целом же исследовательская оптика модерна и постмодерна оказались сфокусированными сначала на проблеме формирования личности как исторического субъекта, способного путем экзистенциального ценностного ориентированного выбора определенным образом трансформировать общество, цивилизацию и культуру, а затем — на гораздо более скромной задаче обеспечения бесперебойных коммуникаций и поисках общественного согласия по наиболее актуальным вопросам человеческого общежития в имманентно конфликтном социуме, оторванном от трансцендентных основ. Исходя из этого, ценностями стали называть артефакты культуры, которые люди признают важными, имеющими существенное значение для их функционирования и продуктивной жизнедеятельности. При этом под воздействием новых информационных и социальных технологий кардинально изменился и характер системы духовного производства в целом. Его основным механизмом стала описанная М. Хоркхаймером и Т. Адорно культуриндустрия, ориентированная на формирование массового человека, отчужденного от полноценного бытия и имеющего стереотипный набор потребностей, ценностей и интересов [4, с. 149]. Если следовать аргументации М. Хоркхаймера и Т. Адорно, то становится очевидным, что существующая культуриндустрия производит не гармонически развитую личность, на которую ориентировались мыслители эпохи Возрождения, а более или менее

квалифицированного потребителя. Его восприятие реальности носит стереотипный и утилитарный характер.

Безусловно, воздействие культуры на эмоции, мышление и поведение людей является существенным, но далеко не единственным определяющим фактором. Человек — это не константа, а процесс. Человек — это усилие, преодоление, поступок. На современном этапе развития культура как универсум ценностей и смыслов оказывает существенное влияние на формирование «уникальной рационально-ориентированной творческой личности» [5, с. 50], способной осуществлять волевой и осознанный выбор между добром и злом, красивым и безобразным, истинным и ложным.

Именно эта способность к осуществлению осознанного, целесообразного, волевого, уникального и одновременно социально значимого выбора и дает многим из нас возможность оставаться людьми, обладающими огромным потенциалом к развитию, которые не превращаются лишь в потребителей (в терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари — «желающие машины» [6, с. 13–82]) и не растворяются в постоянно расширяющемся пространстве виртуальных коммуникаций, множащих разнообразные девиации и зависимости. К тому же восприятие людьми социальной действительности происходит не произвольно, а на базе сформировавшейся в их головах системы базовых ценностей как своеобразного регулятора основных направлений человеческой деятельности. Но каковы эти ценности? Чтобы разобраться в данном вопросе, требуется провести глубокие научные изыскания, поскольку базовые ценности личности далеко не всегда совпадают с базовыми ценностями общества. Поэтому социологический анализ базовых ценностей российского общества является ключевой целью настоящей статьи.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступают философско-антропологический, исторический, аксиологический и социологический подходы. Опираясь на них, мы предлагаем рассматривать культуру как *процесс целенаправленного возделывания человеческого в человеке*. Исходя из этого, производство культуры можно рассматривать как «целесообразную, волевою, уникальную, социально значимую и конкретную форму осуществления человеческой субъективности» [5, с. 37]. Мы исходим из предположения о том, что культура — это квинтэссенция человеческой деятельности, наиболее зримое воплощение творчества как родовой сущности человека.

Рассмотренная нами интерпретация культуры позволяет вплотную приблизиться к социологическому изучению базовых ценностей. Приведем в этой связи важнейший фрагмент одной из работ классика социологии П. А. Сорокина: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность» [7, с. 429]. Обратим внимание на то, что для социолога ценности важны не столько сами по себе, сколько потому, как они влияют на состояние индивидов и социальных групп, воздействуют на общество в целом, выступая в качестве регуляторов человеческих отношений.

Ценности объективны, но их восприятие субъективно. По сути, окружающий мир мы воспринимаем с ценностных позиций. На протяжении человеческой жизни такие позиции могут изменяться. Это относится и к культуре как сложной

самоорганизующейся системе, создающей, транслирующей и сохраняющей базовые ценности человеческого бытия. Исходя из характеристики базовых ценностей культуры, можно различать архаические, традиционные, современные и постмодерновые типы обществ.

Отталкиваясь от существующих концепций философско-антропологической, исторической и социологической интерпретации ценностей, попытаемся установить, какие ценности являются базовыми для современного российского общества, переживающего период бурных социальных трансформаций, динамика которых во многом задана ростом патриотических настроений, наблюдающимся с конца февраля 2022 г. В исследовании мы исходим из того, что российское общество неоднородно, дифференцировано, функционирует в различных темпоральных режимах. Одна сторона — сверхскоростная жизнь мегаполисов, другая — спокойная и размеренная жизнь малых городов или поселений сельского типа. Представители каждого из сегментов российского общества имеют далеко не во всем совпадающие взгляды на должное и сущее, правильное и неправильное, подлинное и фальшивое, свое и чужое. Фактически речь идет о сложноорганизованном обществе, в котором существует не только различное восприятие актуальных социальных процессов, но и различное понимание базовых ценностей.

С учетом этого в январе — феврале 2023 г. нами проведена серия глубинных интервью, в процессе которых происходил поиск ответа на вопрос о том, какие ценности являются базовыми для современного российского общества. При выборе экспертов мы руководствовались следующими критериями: 1) наличием у них специальных знаний, позволяющих анализировать специфику современного духовного производства и осуществлять диагностику культуриндустрии как системы, которая занимается производством и распространением смыслов; 2) деятельность экспертов должна быть так или иначе связана с производством и трансляцией ценностей культуры в публичном пространстве.

Дистанционно нами опрошено 12 экспертов (шесть мужчин и шесть женщин). Все они имеют высшее образование и ведут страницы в социальной сети «ВКонтакте», активно откликаясь на происходящие в стране события. Из них: 1 — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой известного государственного университета; 1 — доктор философских наук, профессор государственного университета из областного центра; 1 — доктор философских наук, профессор негосударственного университета из мегаполиса, киновед; 1 — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник крупного исследовательского центра; 1 — кандидат философских наук, доцент крупного государственного университета; 1 — кандидат философских наук, доцент негосударственного университета; 1 — кандидат социологических наук, профессор государственного университета, заведующий лабораторией социологических исследований религии; 1 — кандидат экономических наук, доцент негосударственного университета; 1 — искусствовед, журналист, член Союза композиторов России, директор негосударственного музыкального колледжа; три респондента — лидеры общественного мнения и блогеры, которые активно занимаются освещением вопросов об общественном развитии и культуре, имеют постоянный выход на массовую аудиторию.

Опрошенные нами эксперты проживают в разных городах России (Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Екатеринбурге, Краснодаре, Белгороде, Каменске-Шахтинском). Возраст респондентов — от 28 до 68 лет. Вопросы глубинного интервью носили открытый характер. Каждый из экспертов свободно высказывал свои мысли, без какого-либо воздействия со стороны интервьюера. Смысл глубинных интервью заключался в том, чтобы составить своеобразную палитру экс-

пертных мнений о базовых ценностях российского общества, чтобы в дальнейшем осуществить более точное картографирование аксиосферы.

Результаты

Далее мы приводим значимые для настоящей статьи фрагменты интервью, в которых отражена проблема базовых ценностей как регуляторов поведения индивидов и социальных групп. Для удобства восприятия оригинальные ответы экспертов нами выделены курсивом и заключены в кавычки.

Чтобы облегчить задачу систематизации полученных данных, мы попросили экспертов перечислить несколько базовых ценностей современного российского общества. Чаще всего указывали слово «патриотизм». Но были и иные ответы. В частности, эксперт-политолог из Екатеринбурга высказал такую точку зрения: *«Не могу отвечать за все российское общество. Думаю, что оно мало чем отличается от всех других. Потому и ценности обычные: семья, дружба, любовь»*. Эксперт-социолог из Белгорода предложил следующий ответ: *«Справедливость. Семья. Мечта»*. Блогер из Краснодара, освещающая вопросы культуры в социальной сети «ВКонтакте», попыталась выстроить тезаурус базовых ценностей российского общества: *«Патриотизм. Справедливость. Милосердие. Семья. Уважение к старшим. Традиционные религии. Уважение к труду. Духовность»*. Блогер и лидер общественного мнения из города Каменска-Шахтинского, также раскрывающая в своих постах проблемы эстетики и культурной политики, в качестве базовых ценностей предложила понятия *«патриотизм, коллективизм, крепкую семью»*. Правозащитница и блогер из Самары утверждает, что *«такие ценности еще не сформировались»*. По ее мнению, специальная военная операция способствовала более четкому артикулированию традиционных ценностей российского общества, которые не только транслируются на уровне массового сознания, но и стали значимыми составляющими государственной информационной политики. Ценности глобализации, открытого общества и либерализма она расценивает как *«инородные»* или *«утратившие свою актуальность»*.

Еще один белгородский эксперт, кандидат философских наук, доцент,ложил свою позицию следующим образом: *«Российское общество сильно поляризовано. При этом каждый из его слоев имеет свои представления о благе. Базовые ценности россиян пытается сконструировать и транслировать официоз, делая акцент на пропаганде патриотизма. В то время как в действительности мы имеем дело с обществом, в котором доминируют потребительские ценности»*.

Все это актуализирует задачу разработки адекватного методологического инструментария, позволяющего исследовать реальное состояние аксиосферы. Без него мы можем оказаться в когнитивной ловушке конструктивизма, суть которой состоит в отрыве от реальности и принятии желаемого за действительное. Подобная ситуация наблюдалась в позднем СССР, когда официально декларировали коммунистические ценности и смыслы, а массы и элиты были носителями мещанских и потребительских ценностей.

Легче всего вопрос о базовых ценностях дается экспертам с консервативными и просоветскими убеждениями. Среди базовых ценностей современного российского общества искусствовед, журналист, композитор из Санкт-Петербурга назвал патриотизм как *«безотчетную любовь к родной земле, к ее ландшафтам, к ее климатическим условиям, к ее просторам, стремление к ее сохранению»*. Он также выделил *«религиозность мышления, полагающую коллективное более значимым, чем индивидуальное, идущее от общего к частному, рассматривающее*

глобальные вопросы в приоритете перед локальными». Среди ценностей, которые мешают процессам модернизации российского общества, он указал *«высокую степень фатализма, нашедшего отражение в пословицах и поговорках (“Семь бед — один ответ”, “Двум смертям не бывать, а одной не миновать”, “Перемерется — мука будет”, “Сколько веревочке ни вейся, а конец найдется”, “Человек предполагает, а Бог располагает”, “Всему свой срок”), а также в сказках (“Колобок”, “Курилка Ряба”, “Снегурочка”)*». По его мнению, далеко не все традиционные ценности можно рассматривать как нечто положительное и конструктивное. Что-то таковым является, а что-то нет. Проблема заключается в том, что традиционное в массовом сознании нередко смешивается с архаическим.

Похожие мысли, но в лапидарной форме высказаны экспертом из Белгорода, доктором философских наук, профессором: *«Семья, вера, Родина»*. Однако это не тезаурус базовых ценностей, а, скорее, его личное понимание того, что когда-то называли *«национальной идеей»*. О содержании последней можно и нужно спорить. Действительно, семья играет в жизни многих людей огромную роль. Именно в семье формируются важнейшие представления о добре и зле, красивом и безобразном, полезном и вредном. Вера может существовать как в религиозной, так и в нерелигиозной формах (например, вера в Бога или вера в светлое будущее). Родина для большинства опрошенных нами экспертов также является базовой ценностью.

Некоторые эксперты, в частности, кандидат экономических наук, доцент из Белгорода, обратили внимание на связь базовых ценностей культуры и религии: *«На мой взгляд, сегодня, как и во все времена, российскому обществу (я здесь имею в виду простых людей) присущи такие ценности, как милосердие, любовь к ближнему, семья, патриотизм. Это наши базовые ценности. Может, мы иногда и ошибаемся, гоняясь за “призраками”, но любовь и человечность наших людей помогает нам приобрести верный ориентир на жизненном пути»*. Характерным является то, что приведенные ценности разделены представителями большинства народов, проживающих на территории России. Милосердие, любовь к ближнему, сострадание можно рассматривать как моральные фреймы экзистенциального выбора личности и одновременно как образцы социально одобряемого поведения, зафиксированные в религиозных установлениях и этических кодексах. Указанный выше эксперт дополнил, что базовые ценности не нужно конструировать или изобретать. Они уже представлены в монотеистических религиях и артикулированы в виде заповедей.

Перечислены и такие ценности, как *«правовое государство; ценность человеческой жизни, прав человека; соборность»*. Однако в ответах подобного типа заметен крен в сторону отождествления российских и общечеловеческих ценностей. Являются ли эти ценности моральными фреймами, на которые ориентируются в поступках индивиды и социальные группы, представляющие российское общество? Из ответов экспертов это остается неясным. Не исключено, что на указанные ценности ориентируются эксперты или их референтные группы.

Кроме того, представители академических кругов в отношении базовых ценностей современного российского общества высказывают определенные сомнения, провоцирующие на дальнейшие дискуссии. Приведена мысль доктора философских наук, киноведа из Санкт-Петербурга о том, что *«нынешнее российское общество для себя и для социологов, политологов, философов — сущая загадка. Так что, то, какими ценностями, кроме первобытных (например, ценность кровнородственной связи, приоритет семейного интереса над общественным),*

оно объединяется — вопрос открытый. Гуманизм, права человека и гражданина, свобода, равенство, братство — это российские ценности? В любом случае это базовые человеческие ценности».

Не вызывает сомнений тот факт, что российское общество впитало и восприняло многие общечеловеческие ценности, в том числе ценности гуманизма, свободы, справедливости, прогресса, идею гармонически развитой личности. Многие из них в России наполнились новыми смыслами и получили вторую жизнь. В то же время представления о «нормальности» (например, толерантность к перверсиям и всевозможным субкультурным девиациям), которые насаждались в 90-е гг. прошлого века и были характерны для стран Европейского союза и США, в России не прижились. Вопрос о том, насколько эти «ценности» являются сконструированными и способствующими благому восхождению человека, остается открытым.

На противоречия в интерпретации ценностей обратил внимание и другой эксперт из Санкт-Петербурга, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой, который зафиксировал важную закономерность, показав связь между ценностями и идеологиями: *«Стремление к спокойной и безопасной жизни и стремление получать бесплатные блага, независимо от усилий, находят свое выражение в поддержке разных классических идеологий. Для одних россиян — это социализм/коммунизм, для других — либерализм, для третьих — национал-консерватизм. Но эти идеологии выступают как разные формы выражения одних и тех же базовых ценностей для разных социально-экономических и культурно-демографических групп»*. Дополним, что, действительно, ценности можно рассматривать как аксиологические паттерны идеологий. Идеи и концепты, находящиеся в основе классических идеологий, чаще всего воспринимаются людьми именно с ценностных позиций. Если идеологии перестают вызывать эмоционально окрашенный ценностный отклик, то они превращаются в наукообразную разновидность ложного сознания.

Далее нами выявлено, насколько эксперты вовлечены в процессы трансляции базовых ценностей. Пытаются ли они донести до людей эти ценности или нет? Мнения участников интервью разделились. Одни, как, например, блогер из Краснодара, ответили, что трансляция базовых ценностей — *«это личное дело каждого человека»*. Другие эксперты (политолог из Екатеринбурга) утверждали, что *«это неизбежно»* для каждого индивида, который осуществляет культурную деятельность. Социолог из Белгорода указал: *«Безусловно, пытаюсь, в доступных мне масштабах»*. Правозащитница, блогер из Самары ответила: *«Пытаюсь? Нет, не пытаюсь, я их активно транслирую через межличностное общение и социальные сети»*. Композитор из Санкт-Петербурга указал: *«Только этим, по большому счету, и занимаюсь»*. Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой из Санкт-Петербурга обосновала свою точку зрения следующим образом: *«Своими научными публикациями я вольно или невольно оказываю воздействие на представления части научного сообщества о социальной реальности и тенденциях ее трансформации. Мои идеи иногда используются в идеологических целях, утрачивая тот смысл, который в них вкладывал я сам, и приобретая новые смыслы, нужные и удобные их интерпретаторам и трансляторам. Идеологическая утилизация научных идей — естественный процесс диффузии академического знания в социальные практики»*. Доктор философских наук, профессор, киновед из Санкт-Петербурга сообщила: *«Держу с друзьями свой участок культурного фронта. Много лет делаем разные бескорыстные просветительские проекты»*.

Обсуждение

Итак, по результатам глубинных интервью нами получены содержательные ответы, позволяющие хотя бы в первом приближении картографировать аксиосферу современного российского общества, а также выявить теоретические и методологические проблемы ее исследования в дальнейшем. Систематизация ответов экспертов дает возможность выстроить своеобразный тезаурус ценностей, которые выступают регуляторами морального выбора людей, реально живущих в условиях современного российского общества.

Представления опрошенных нами экспертов о базовых ценностях россиян существенно расходятся. Так, эксперты, проживающие в мегаполисах, склоняются к релятивизму базовых ценностей, отмечают их утилитарный и зачастую декларативный характер. Эксперты, проживающие в менее крупных городах, склонны полагать, что российскому обществу присущи, скорее, традиционные ценности. При этом «традиционное» в ответах экспертов нередко отождествляется не только с русским, дореволюционным, но и с советским.

Полученные нами научные результаты имеют предварительный характер. Не до конца понятно, какие ценности действительно присущи российскому обществу, насколько они типичны и распространены, а какие являются смысловыми конструктами, существующими лишь в головах экспертов, предоставивших свои оценки. Для достижения валидности полученных данных требуется проведение массового опроса, а также гибкое сочетание качественных и количественных методов исследования. Тем не менее проведенные нами глубинные интервью позволяют существенно продвинуться в этом направлении.

Выводы

Подводя общий итог, сформулируем главные выводы.

1. Аксиосфера российского общества заполнена мифологическими и медийными конструктами, религиозными и секулярными смыслами, нарративами и дискурсами классических и неклассических идеологий.

2. Существенное воздействие на ее актуальное состояние оказывает как спонтанное циркулирование традиционных базовых ценностей, так и целенаправленная деятельность различных субъектов, вовлеченных в процессы духовного производства, начиная от лидеров мнений и заканчивая существующими институтами культуриндустрии.

3. Базовые ценности российского общества идеальны и объективны. Но их восприятие всегда субъективно, поскольку именно индивиды и социальные группы решают, что для них значимо, а что нет. Базовыми ценностями россиян, согласно систематизации ответов экспертов, являются патриотизм и семья.

Список источников

1. *Леиашвили П. Р.* Ценность как категория марксистской аксиологии. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1990. 81 с.
2. *Трунов А. А.* Конструирование смыслов: идеология в обществах модерна и постмодерна. Белгород: Изд-во Белгородского университета кооперации, экономики и права, 2019. 320 с.
3. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Ю. Кралечкина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
4. *Хоркхаймер М., Адорно Т. В.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. 321 с.

5. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с франц. Д. Ю. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецова. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
8. Баева Л. В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей. Астрахань: Астраханский ун-т, 2008. 216 с.
9. Ефимов И. С. Влияние массмедиа на формирование моделей поведения молодежи // Социология и право. 2017. № 4. С. 73–78.
10. Кagan М. С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 204 с.
11. Кузнецов И. М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0
12. Мареева С. В. Ценностная палитра современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 50–65. DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.03

References

1. Leishvili P.R. Value as a category of Marxist axiology. Tbilisi: Tbilisi University Publ.; 1990. 81 p. (In Russ.).
2. Trunov A.A. Constructing meanings: Ideology in modern and postmodern societies. Belgorod: Belgorod University of Cooperation, Economics and Law Publ.; 2019. 320 p. (In Russ.).
3. Jameson F. Postmodernism, or, The cultural logic of late capitalism. Durham, NC: Duke University Press; 1992. 460 p. (Russ. ed.: Jameson F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma. Moscow: Gaydar Institute Publ.; 2019. 808 p.).
4. Horkheimer M., Adorno T.W. Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Jena: Gustav Fischer Verlag; 1988. 288 p. (Russ. ed.: Horkheimer M., Adorno T.W. Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. Moscow: Medium; St. Petersburg: Yuventa; 1997. 321 p.).
5. Dokuchaev I.I. Value and existence. Fundamentals of the historical axiology of culture. St. Petersburg: Nauka; 2009. 595 p. (In Russ.).
6. Deleuze G., Guattari F. L'Anti-Oedipus: Capitalisme et schizophrénie. Paris: Les Éditions de Minuit; 1972. 493 p. (Russ. ed.: Deleuze G., Guattari F. Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2008. 672 p.).
7. Sorokin P. Society, culture, and personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology. New York, London: Harper & Brothers; 1947. 742 p. (Russ. ed.: Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. Moscow: Politizdat; 1992. 542 p.).
8. Baeva L.V. The information age: Metamorphoses of classical values. Astrakhan: Astrakhan University; 2008. 216 p. (In Russ.).
9. Efimov I.S. Mass media influence on the formation of the youth behavior patterns. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2017;(4):73-78. (In Russ.).
10. Kagan M.S. Philosophical theory of values. St. Petersburg: Petropolis; 1997. 204 p. (In Russ.).
11. Kuznetsov I.M. Foundations of Russians' value consolidation: Traditionalism and renewal. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021;(8):93-102. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250014161-0
12. Mareeva S.V. Values in modern Russian society. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2015;(4):50-65. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.03

Сведения об авторах

А. А. Трунов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; 308023, Белгород, Садовая ул., д. 116а;

А. С. Тарасов — аспирант гуманитарных и социальных дисциплин; 308023, Белгород, Садовая ул., д. 116а.

Information about the authors

A. A. Trunov — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences; 116A Sadovaya st., Belgorod 308023, Russia;

A. S. Tarasov — postgraduate student at the Department of Humanities and Social Sciences; 116A Sadovaya st., Belgorod 308023, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 316.733

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-217-229

Оценка феномена «культуры отмены» студенческой молодежью

Евгения Петровна Шеболкина¹, Наталья Владимировна Красикова²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ e.p.shebolkina@mail.ru

² december12@list.ru✉

Аннотация. В статье представлены итоги социологического исследования об отношении студентов Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики к актуальному феномену «культуры отмены» (*cancel culture*), канселлингу в целом и оценке «отмены российской культуры» на Западе в связи с началом специальной военной операции (СВО). Цель исследования — выявить особенности восприятия феномена молодежной аудиторией, в том числе влияние этого явления на выбор студентами миграционной стратегии. Результаты исследования показали, что молодые люди понимают суть термина «культура отмены», выражают готовность думать и говорить о проблеме. В оценке возможных негативных последствий так называемой «отмены России» респонденты оказались в целом оптимистичнее разновозрастной аудитории Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ): большинство опрошенных считает, что «отмена» будет способствовать укреплению позиций России. Кроме того, молодые люди обращают внимание на изменение мотивации в связи с этим явлением в части миграционной стратегии: теперь они серьезнее, чем раньше, взвесили бы все «за» и «против» решения о жизни и работе за рубежом.

Ключевые слова: культура отмены, канселлинг, медиаканалы, медиаконтент, мотивационные факторы, регуляция поведения

Для цитирования: Шеболкина Е. П., Красикова Н. В. Оценка феномена «культуры отмены» студенческой молодежью // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 217–229. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-217-229>

Original article

Assessment of the phenomenon of “cancellation culture” by student youth

Evgenia P. Shebolkina¹, Natalia V. Krasikova²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ e.p.shebolkina@mail.ru

² december12@list.ru✉

Abstract. The article presents the results of the sociological research on the attitude of students of Saint-Petersburg University of Management and Economics Technologies to the actual phenomenon of “cancellation culture” (cancel culture), kanselling in general, and the assessment of the cancellation of Russian culture in the West in connection with the beginning of a special military operation (SSO). The aim of the research was to reveal the peculiarities of perception of the phenomenon by the youth audience, including

the influence of this phenomenon on the students' choice of a line of behavior in the future (to emigrate or to wait). The results of the study showed that young people understand the essence of the term "culture of cancellation", express their willingness to think and talk about the problem. In their assessment of the possible negative consequences of the so-called abolition of Russia, respondents were on the whole more optimistic than the different-aged audience of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM): the majority of respondents believed that "abolition" would only contribute to the strengthening of Russia's position in the West. In addition, young people pay attention to the change in motivation in connection with this phenomenon: now they would weigh more seriously than before all the pros and cons of the decision to live and work abroad.

Keywords: cancellation culture, cancellation, media channels, media content, motivational factors, behavioral regulation

For citation: Shebolkina E.P., Krasikova N.V. Assessment of the phenomenon of "cancellation culture" by student youth. *Sociology and Law*. 2023;15(2):217-229. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-217-229>

Введение

Феномен «культуры отмены» — социально-культурное явление, имеющее множество причин и способов проявления в социуме. Канселлинг, или «культура отмены» (*cancel culture*), представляет собой форму общественного бойкота, при котором человек (группа людей) исключается из социальных и профессиональных кругов в качестве порицания действий или высказываний. Круг лиц, на которых может распространяться «отмена», практически не ограничен: под ее действие могут подпадать как любое частное лицо, так и организации или бренды, общественные движения и целые страны. В последнем случае подобный вид психологического воздействия часто становится дополнением к санкционным мерам, направленным на ослабление экономики и дестабилизацию политического режима [1].

Активные общественные кампании по «травле» человека, организации, общественные страты или явления сопровождали человечество с древнейших времен, иногда принимая формы общественной истерии, приводящей к многочисленным человеческим жертвам. В качестве примера вспомним об известной «охоте на ведьм» (на наш взгляд, это еще одно синонимическое определение «культуры отмены») или о таком чудовищном преступлении, как физическое истребление евреев и цыган по одному национальному признаку в годы Второй мировой войны. Упомянутые исторические катастрофы — крайнее выражение канселлинга.

В конце февраля — начале марта 2022 г. впервые в истории применена «культура исключения» в отношении государства в целом — Российской Федерации [2]. На примере положения современной России в системе международных отношений можно выделить целый ряд аспектов, задействованных для реализации этой цели:

- политический канселлинг, включающий в себя высылку послов, объявление дипломатов персонами нон грата, исключение России из международных организаций или создание стимулов для ее самостоятельного выхода и т. д.;
- экономический канселлинг, проявляющийся, в том числе, в отключении России от *SWIFT*, прекращении поддержки *Visa* и *MasterCard* российских банков, отказе от импорта российских товаров, включая энергоносители, в уходе с рынка многих иностранных компаний;

- культурный канселлинг, подразумевающий отмену российских концертов и спектаклей, удаление музыки с иностранных сервисов, разрыв контракта с деятелями искусства, имеющими российские корни;
- спортивный канселлинг, в результате которого российские спортсмены оказались отстраненными от международных соревнований и подверглись давлению со стороны западного общества, настаивающего на их отказе от российского гражданства [1].

С точки зрения национальной безопасности «культура отмены» предстает «внекультурной» и «антикультурной» политической технологией, инструментом информационной войны. Специфика этого феномена заключается в сочетании организационно-технических характеристик (использовании глобальных информационных платформ, социальных сетей) и имитационной общественности (сочетании коллективной анонимности и скрытых центров управления) [3].

Феномен «отмены России» нуждается в осмыслении. Поэтому ВЦИОМ в апреле и декабре 2022 г. провел замеры общественного мнения в аспекте отношения наших сограждан к происходящему. На сайте ведомства опубликовано два аналитических обзора: «Отмена России и как с ней бороться» [4], «Снова об отмене России» [5].

Методика данных опросов — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ без учета возраста респондентов. Вопросы предполагали узнать, какой процент россиян знает о феномене «отмены России» в социокультурном пространстве западного мира, как граждане РФ относятся к этому явлению и его возможным последствиям.

Нами проведено собственное исследование проблемы с учетом выбора иной целевой аудитории и расширенного перечня вопросов о «культуре отмены». В настоящей публикации речь идет об отношении студенческой молодежи к данному явлению: об оценке «отмены российской культуры» студентами института гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Методы и материалы

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что молодые люди имеют отличающееся от взрослой аудитории представление как о феномене «культуры отмены», так и об «отмене российской культуры». Иными словами, молодежь в большей степени осведомлена об этих явлениях ввиду большей медийной вовлеченности. Еще одно предположение связано с фактором значимости для молодежи внешней оценки страны в мире, возможным формированием тревожных настроений относительно складывающейся внешней отверженности, изоляции России и, как следствие, обострением миграционных настроений.

Отметим, что ранее мы работали с данной целевой аудиторией в контексте исследования изменения трендов и мотивационных факторов медийного потребления за год, прошедший с начала СВО. Исследование состояло из двух взаимосвязанных блоков, методологически обоснованных группой исследователей [6] и включало в себя анкетирование (анонимный закрытый онлайн-опрос студентов дневного обучения университета), дополненное глубинными интервью. Вопросы анкеты были составлены так, что давали возможность респондентам определить предпочтения в выборе актуальных информационных каналов, отразить характер изменения своих медиапредпочтений за минувший год, назвать авторитетные для них медиаперсоны.

Это исследование дало интересные результаты. В частности, выявлено противоречие между фактом о том, что медиапотребление за год существенно не изменилось (таковы данные количественного опроса), и фактом значительного изменения отношения к потребляемой информации, по данным глубинных интервью (независимо от отношения к СВО, все опрошенные так или иначе осознали себя в поле пропаганды, они учатся защищаться и вырабатывать критическое отношение к информации) [7].

При изучении оценки молодыми людьми феномена «культуры отмены» в целом и «отмены российской культуры» в современных геополитических реалиях в частности использована модель количественного анонимного опроса без сопровождающего блока глубинных интервью. Вопросы при этом составлены так, чтобы студенты могли дать именно оценку происходящих событий. Девять вопросов предполагали выбор из вариантов, но предусматривали возможность собственного ответа. Один открытый вопрос предполагал формулировку собственного определения понятия «культура отмены».

В исследовании (май 2023 г.) принял участие 91 респондент 18–23 лет из числа студентов института гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. Опрос заинтересовал молодых людей: из 91 респондента окончания опроса достигли 90 его участников.

Обсуждение

1. Осведомленность о предмете исследования

По данным ВЦИОМ, в старшей возрастной группе о «культуре отмены» и попытках «отмены российской культуры» слышали 43 % (против 25 % в апреле 2022 г.). Наиболее осведомленной социальной группой оказались молодые люди 18–24 лет (61 %). Всего 10 % опрошенных ВЦИОМ среди молодежи связали это понятие с «отменой российской культуры» (в старшей возрастной группе — 21 %) [5].

По данным проведенного нами опроса, нацеленного на исследование именно отношения к «отмене отечественной культуры», 84,6 % опрошенных студентов дали положительные ответы на вопрос «После начала СВО в некоторых странах Запада в качестве санкций происходят попытки так называемой “отмены российской культуры”: расторгают контракты со звездами сцены, отменяют концерты и спектакли российских исполнителей, выставки, в том числе по произведениям русских классиков. Слышали ли Вы о подобных санкциях, знаете ли о явлении?»

2. Оценка личной вовлеченности в процесс

На вопрос о том, задевают (тревожат) ли респондентов попытки отменить и убрать из публичного пространства Россию и русских на Западе, получены следующие ответы:

- 1) 44 % — скорее задевают, чем нет;
- 2) 34 % — очень задевают;
- 3) 22 % — не задевают совершенно.

3. Оценка эффективности явления

С оценкой эффективности этого вида санкций опрошенные оказались в целом оптимистичнее, чем разновозрастные респонденты, по данным опроса ВЦИОМ. 61,5 % ответивших нам считают, что попытки «отмены русской культуры» неэффективны и приведут к обратному эффекту. 18,7 % решили, что, напротив, такие меры наносят существенный ущерб международным позициям России и,

к сожалению, работают. Остальные 19,8 % дали собственные ответы, распределившиеся от короткого «я не знаю» к эмоциональному «возможно эффективно, но это неправильно» и рациональному «имеет двойственный эффект». Были и такие мнения: «Я вижу это как экстраполяцию небольшого количества мнений в интернете на все население коллективного Запада, “отмены культуры” не прослеживаю, давление оказывается экономическими путями»; «Это является обоюдовредоносным для сторон и ведет лишь к закреплению общественного мнения по данному вопросу, своеобразное напоминание и визуализация серьезности намерений, с этой точки зрения, — это относительно эффективный и безопасный для действующей стороны метод».

4. Оценка возможных последствий «культуры отмены»

Ответы на уточняющий вопрос «Нанесет ли вред российской культуре, позициям России на Западе “культура отмены”?» распределились следующим образом:

- практически 42 % опрошенных считают, что ущерб будет незначительным;
- 28,6 % выразили опасения относительно того, что это существенно подорвет позиции российской культуры;
- 15,4 % решили, что ничего не изменится;
- около 10 % ушли от ответа, выбрав позицию «не знаю, я не политолог».

Приведем один из глубоких ответов: «Из опыта общения с иностранными друзьями и знакомыми могу сказать, что это все касается лишь политических деятелей и особенно активных в политике граждан. Большая часть граждан тех стран, что продвигают такую политику, либо видят причины и вынуждены лишь мириться с последствиями, либо не до конца понимают причины, но с подобной политикой не согласны, как с политикой, приводящей к эскалации конфликта. Считаю, что влияние будет заметно лишь до момента стабилизации отношений политиков противоборствующих альянсов».

ВЦИОМ ответы на подобный вопрос описывает следующим образом: «Более трети россиян считают, что подобная тенденция в той или иной степени нанесет вред российской культуре (37 %), это мнение чаще высказывает молодежь 18–24 лет (49 %). Треть россиян полагают, что культурные санкции на российскую культуру не повлияют — “ничего не изменится” (33 %), а 23 % считают, что такая ситуация пойдет на пользу отечественной культуре» [4].

Иными словами, в сфере опасений за последствия «отмены российской культуры» данные нашего опроса коррелируют с ВЦИОМ, но отчасти. Это можно объяснить как временем проведения исследования (опрос ВЦИОМ состоялся намного раньше), так и значительно более узкой выборкой (мы работали только со студентами-гуманитариями).

5. Оценка необходимости контрмер

Далее мы сравнили ответы на вопрос о необходимости контрмер со стороны России: «Нужно ли в России предпринимать подобные шаги по “отмене культуры” коллективного Запада?»

Студенческая молодежь высказалась в данном случае единодушно. Ответы «Нельзя этого делать» и «Скорее, не нужно» выбрали 81,3 % опрошенных. 11 % указали позицию «Скорее, нужно, чем нет». И еще 2 % выбрали более жесткий вариант: «Да, это необходимо».

Аудитория ВЦИОМ при ответе на этот вопрос распределилась так: «Три четверти россиян считают, что вводить зеркальные меры в ответ и “отменять” западную культуру в нашей стране не нужно (73 %). Это мнение в большей степе-

ни характерно для граждан с высшим образованием (80 %) и жителей Москвы и Санкт-Петербурга (80 %). Считает, что нужно ввести санкции против западной культуры, каждый пятый (22 %)» [4].

6. Оценка противостояния явлению

Отвечая на вопрос о том, как нужно бороться с «отменой русской культуры» и как защитить права русскоязычного населения на Западе (можно было выбрать более одного варианта ответа) в качестве эффективных инструментов влияния:

- 53,3 % респондентов ожидаемо выбрали работу со СМИ;
- 42,2 % указали, что нужно привлекать известных людей;
- 30 % привели позицию, согласно которой следует обращаться в суды с исками о защите прав;
- 30 % убеждены в том, что нужно создавать общественные объединения;
- 25,6 % выбрали вариант «не делать ничего».

Интересны позиции о том, что «пройдет время и Западу будет плевать на проблемы СНГ, “культура отмены” не имеет перманентного эффекта, если им будет выгодно вновь восстановить отношения с Россией, западные авторитеты найдут слова для изменения мнения, а это рано или поздно произойдет»; «вопрос решится лишь при стабилизации отношений на политической арене, ведь причина “культуры отмены” такого масштаба — именно политические распри, и ответственные за все подобные конфликты лишь политики».

С данными ВЦИОМ ответы, полученные нами при проведении опроса среди студентов, снова коррелируют отчасти. Так, свои права в культурной сфере необходимо, по мнению респондентов опроса ВЦИОМ, защищать следующим образом: привлекать внимание в СМИ (30 %) и западных лидеров общественного мнения к защите российской культуры (20 %), создавать объединения в защиту российской культуры (16 %), проводить информационные кампании (14 %). В меньшей степени эффективными россиянам видятся петиции (9 %) и обращения с исками в суды (12 %). Иными словами, изменить политику «отмены культуры», по мнению граждан, можно с помощью общественного резонанса и публичного обсуждения проблемы западным обществом» [4].

Мы задали студентам и вопросы, не отраженные в исследованиях, проведенных ВЦИОМ, и не обнаруженные нами в других источниках.

7. Оценка действий значимых персон

В частности, мы уточнили, изменится ли отношение опрашиваемых студентов к авторитетной для них персоне, участвующей в антироссийском канселлинге? Ответы получены следующие:

- 45,1 % постараются разделить политику и творчество;
- 22 % ответили, что сильно будут разочарованы в былом кумире;
- 19,8 % выбрали ответ «ничего не изменится»;
- 5,5 % будут больше интересоваться обладателем подобной позиции.

Остальные ответы — это единичные формулировки разной эмоциональной полярности: от «нет таких личностей, которые бы меня интересовали» и «не знаю, я не политолог» до «не делю личность и творчество, русофобская позиция автора обесценит и его произведения».

8. Оценка миграционных настроений

Второй любопытный и, как нам представляется, актуальный в контексте проектирования жизненных сценариев вопрос обусловлен еще одним аспектом канселлинга, связанного с формированием миграционных настроений: «Оцените,

до какой степени политика «культуры отмены» может повлиять на Ваше решение о жизни или работе за рубежом, если такая возможность Вам представится?»

Ответы распределились следующим образом:

- 42,2 % опрошенных указали, что «более обстоятельно, чем раньше, взвесят все «за» и «против» такого решения»;
- 30 % сообщили, что «политика отмены не повлияет на их решение об отъезде»;
- 13,3 % указали, что «скорее, откажутся от жизни и работы за рубежом в ближайшее время»;
- 8,9 % ответили, что «обязательно воспользуются возможностью уехать из страны из страха изоляции».

Остальные единичные ответы более эмоциональны или рефлексивны. От «не знаю, у меня нет таких планов на эту жизнь» и «ни в коем случае не планировала уезжать из страны» до «общественное мнение — зеркало политики и чужих интересов, а я всегда опираюсь на личное, и если такой выбор возникнет, я сделаю его, исходя из личных обстоятельств».

9. Оценка медийных стереотипов

Интерес представляло для нас отношение студенческой молодежи к некоторым навязываемым обществу медийным стереотипам. Опрошенным, в частности, задан вопрос: «В медийном поле попытки отмены российской культуры на Западе часто объясняют нарративом о коллективной вине всех русских людей за СВО и «имперским характером» русской культуры. Вы готовы принять такое обоснование этих действий?»

На этот вопрос получены такие ответы:

- 57,1 % указали, что «это неправомерно и дико»;
- 12,1 % согласны с тем, что «да, в какой-то степени это имеет смысл»;
- 30,8 % считают, что «причины этой вариации «культуры отмены» другие».

10. Собственные определения явления

В заключение представим самостоятельные определения понятия «культура отмены», предложенные студентами. 75 человек из 91 опрошенного поделились своими определениями указанного понятия. Остальные воздержались. Итак, по мнению 75 опрошенных студентов, «культура отмены» — это:

1. Действия общества, которые хотят показать кого-либо или что-либо в плохом свете.
2. Ненависть к определенному человеку.
3. Бойкотирование ценностей и идей какого-либо народа/общества/персоны. Также может быть отказ от сотрудничества с крупными компаниями.
4. Культура отмены — способ общества не допускать деструктивных деятелей до общественного пространства и лишить их возможностей.
5. Культура отмены — уничтожение сложившейся культуры России в целях нанести ущерб правительству и стране.
6. Не понимаю.
7. Массовый призыв прекращения взаимодействия с личностями, которые по каким-то причинам не угодили другому государству.
8. Процесс, при котором бойкотируют граждан определенной страны.
9. Игнорирование, отрицание, удаление из культуры, массмедиа.
10. Намеренное игнорирование какого-либо объекта и призыв к этому действию.

11. Бойкот и отрицание известных личностей, игнорирование и русофобия, если это по отношению к России. Также данный термин применим и ко многим западным личностям.
12. Феномен порицания кого-либо/чего-либо под давлением отрицательного общественного мнения.
13. Определяю это понятие как социальные санкции.
14. Общепринятое мнение о некорректности поведения, образа или мыслей медийной личности и, как следствие, потеря репутации.
15. Культура «затыкания» людей (каких-либо известных, медийных личностей), не несущая за собой реальных последствий, не вызывающая у отмененного человека чувства необходимости пересмотреть свои действия и сделать выводы.
16. Культура отмены не равна санкциям.
17. Тотальное игнорирование культуры и истории РФ, что в современном мире является кощунством.
18. Национализм.
19. Публичные действия, нацеленные на порицание личности или группы лиц, совершаемые наиболее властной группой лиц в соответствии с заявленной ими публично позицией (важно, ведь культура отмены связана именно с публичными высказываниями, а не с реальной позицией).
20. Страшное явление.
21. Бойкотирование человека или группы людей в какой-либо сфере в качестве санкций за неподобающее поведение.
22. Процесс, когда по общественным и этическим убеждениям идет игнорирование и отмена культуры.
23. Запрет кого-то или чего-то из-за «неправильных» взглядов.
24. Коллективный призыв к отказу от взаимодействия с брендами или персонами.
25. Полное игнорирование СМИ/социумом человека/события, возможно, негативное отношение.
26. Расторжение любых деловых или иных видов соглашений, связанных с лицом, которое подверглось действию «культуры отмены».
27. Непринятие человека обществом из-за его нестандартных, порицаемых современным обществом взглядов.
28. Осуждение обществом человека или группы людей.
29. Это публичное общественное осуждение медийной персоны и открытый отказ компаний сотрудничать с ней из-за несогласия с выражаемыми этой персоне взглядами или ее неблагоприятными поступками, ставшими достоянием гласности.
30. Возникший в США и Европе социально-политический термин; современная форма остракизма, при которой человек или определенная группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах, как в онлайн-среде и социальных медиа, так и в реальном мире.
31. Массовое отрицательное отношение к чему-то или кому-то.
32. Общее исключение из медиапространства отдельной личности, группы лиц и т. д.
33. Ответная реакция на резко отрицательные действия публичной личности; конфликт общества и селебрити, возникший на фоне неприятия определенных действий и высказываний личности, выраженный в форме бойкота.

34. Бойкотирование какого-либо лица или явления.
35. Отмена концертов и спектаклей российских исполнителей, выставок, в том числе по произведениям русских классиков.
36. Отмена культурных ценностей.
37. Отказ от какого-либо направления в какой бы то ни было области другой страны.
38. Когда из-за слухов люди могут подвергнуться общественному порицанию.
39. Современная форма остракизма, при которой человек или определенная группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению.
40. Культура, в которой люди способны раскрыть «злодеяния» популярных публичных лиц, что приводит к разрушению их репутации (часто, несмотря на то, правдивы ли обвинения против них или нет).
41. Игнорирование.
42. Запрет.
43. Никак.
44. Попытки максимально исключить ненужный сегмент информации по принадлежности к социальной группе путем бойкота, игнорирования, искажения фактов и табуирования любого проявления.
45. Запрет на свободу творчества.
46. Санкции по отношению к людям, которые поступили неправильно, вопреки общественности, закону, морали.
47. Действия, направленные на ограничение влияния или полное его истребление.
48. Современная форма остракизма, культурный бойкот.
49. Глупость.
50. Запрет всего связанного с Россией.
51. Затрудняюсь ответить.
52. Массовое ужесточение культурно-просветительской деятельности творческих людей (артистов).
53. Привлечение к ответственности за нарушение.
54. Полное отторжение культуры любой страны.
55. Практика, при которой какой-либо человек или группа лишаются поддержки со стороны общества.
56. Намеренное игнорирование ценностей определенного народа или народа как такового, а также его культуры, обычаев и традиций.
57. Осуждение человека за культуру.
58. Лишение поддержки и подтверждение осуждения в социальных или профессиональных сообществах как в онлайн-среде и социальных медиа, так и в реальном мире.
59. Культура отмены подразумевает под собой явление, при котором человек или определенная группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах как в онлайн-среде и в социальных медиа, так и в реальном мире.
60. Бойкотирование определенных личностей, которые придерживаются экстремистских убеждений, с целью лишить их заработка и, как следствие, продвижения их точки зрения.
61. Расизм, фашизм.
62. Осуждение публичных людей обществом.
63. Процесс отвержения людей по признаку принадлежности к определенной стране.
64. Бойкот какой-либо персоны или игнорирование какого-либо феномена/явления/народа и его «производных».

65. В Америке, где зародилось понятие *cancel culture*, термин имеет отрицательную коннотацию. Это массовый хейтрейд/буллинг в отношении публичного человека / группы людей. Такие кампании по отмене в основном проводятся в *Твиттере**, самой токсичной социальной сети. Термин произошел и может быть использован только в контексте интернет-культуры, где он и появился. Невозможно отменить страну, культуру и т. п. В России термин очень часто используется неверно. Отменить можно и по ряду острых причин, которые негативно влияют на общество и моральные ориентиры. Многих блогеров отменяли за использование уничижительных терминов в отношении темнокожих, представителей ЛГБТ+ и прочих меньшинств. Последним громким кейсом отмены стал Эндрю Тейт за распространение мизогинии. Его аккаунты навсегда заблокировала платформа *Meta***, *YouTube* и др. С приходом Илона Маска в «Твиттер» его аккаунт восстановлен только в сети «Твиттер». Также отменили главного создателя сериала «Рик и Морти» за старые переписки с девочками подросткового возраста в «Фейсбуке»***. Сериал будет по-прежнему выходить, таким образом, отменить можно только человека за конкретные плохие деяния. Против хейтрейдов борется система фильтрации социальных сетей и фанаты публичных фигур, такие рейды не несут за собой потерь рекламных контрактов или каких-либо других санкций, помимо потраченных нервов.
66. Феномен непринятия чужого мнения.
67. Культура отмены — это явление, при котором человека, совершившего ряд поступков, которые негативно повлияли на общество, перестают продвигать в медийной сфере.
68. Санкции против нашей культуры, против наших песен и музыки.
69. Безответственность и безобразие.
70. Когда все отворачиваются от определенного человека, появляется много неодобрения в его сторону, не разрешают продолжать заниматься своей деятельностью.
71. Средневековый суд. Инквизиция.
72. Игнорирование культуры России.
73. Возникший в США и Европе социально-политический термин; современная форма остракизма, при которой человек или определенная группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах как в онлайн-среде и социальных медиа, так и в реальном мире.
74. Это явление, при котором медийную личность «отменяют», то есть перестают поддерживать ее творчество, говорить о ней, игнорируют за ее аморальное поведение и неуважение других людей.
75. Форма, при которой человек или определенная группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах как в онлайн-среде и социальных медиа, так и в реальном мире.

* Американский сервис микроблогов и социальная сеть. 4 марта 2022 г. Роскомнадзор заблокировал «Твиттер» на территории Российской Федерации за ограничение доступа к российским СМИ и распространение ложной информации о вторжении России на Украину.

** Признана в Российской Федерации экстремистской организацией и запрещена.

*** Социальная сеть, продукт компании *Meta Platforms Inc.*, признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации.

Ответы чрезвычайно комплиментарны к участникам опроса: большинство ответивших молодых людей относятся к проблеме всерьез, многие пытаются разобраться в причинах и оценить последствия социокультурного феномена «культуры отмены».

Результаты

Опрос показал, что молодые люди понимают суть термина «культура отмены» и относятся к явлению серьезно, выражают готовность думать и говорить о проблеме. Таким образом, гипотеза относительно большей осведомленности студенческой молодежи о явлениях «культуры отмены» в целом и «отмены российской культуры» в частности ввиду большей медийной вовлеченности молодежи нашла подтверждение.

Оценка нашими респондентами «отмены российской культуры» коррелирует с данными опросов, проведенных ВЦИОМ [4; 5], отчасти. Это объясняется, на наш взгляд, как возрастом респондентов, так и более монолитной выборкой (студенты-гуманитарии). По подобным вопросам результаты проведенного нами опроса совпадают с результатами опросов, организованных ВЦИОМ, в сегментах «респонденты с высшим образованием», «жители Москвы и Петербурга», «моложе 24 лет».

В первую очередь это относится к вопросу об общей информированности о «культуре отмены» и «отмене российской культуры», о необходимости (или отсутствии необходимости) ответных мер со стороны России. В оценке же возможных негативных последствий студенты института гуманитарных и социальных наук в целом оптимистичнее разновозрастной аудитории ВЦИОМ: большинство из них считают, что российская культура не только не «пострадает», но и, напротив, этот вид санкций приведет к обратному эффекту.

Другая гипотеза связана с большей значимостью для молодежи внешней оценки страны в мире, формированием тревожных настроений относительно складывающейся внешней отверженности, изоляции России и, как следствие, обострением миграционных настроений. Эта гипотеза подтвердилась частично: большинство (78 %) респондентов задевают (тревожат) попытки отменить и убрать из публичного пространства Россию и русских на Западе. При этом незначительное меньшинство воспользовались бы любой возможностью для переезда из страха изоляции, большинство же опрошенных серьезнее, чем раньше, взвесили бы все «за» и «против» решения о жизни и работе за рубежом, а часть участников опроса отказалась бы от жизни и работы за рубежом в ближайшее время.

Выводы

Второе исследование оценок текущих медийных процессов вновь показывает необходимость более глубокого исследования мотивационных факторов и их эволюции в контексте наблюдающихся трендов и явлений, одним из которых является «культура отмены» в целом и «отмена российской культуры» в частности. Ответы на вопросы говорят о том, что необходимы глубинные исследования этой проблемы. Более того, респонденты готовы говорить о проблеме, она задевает их и уже регулирует поведение.

Полагаем, стоит глубже изучить вопрос об оценке с позиции студенческой молодежи «отмены российской культуры» в контексте регуляции поведения и дальнейшего выбора жизненной стратегии, а также выявить базовые поведенческие паттерны.

Список источников

1. Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 3–4 (17). С. 40–44.
2. Попова Е. А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 6. С. 40–45. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-40-45
3. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
4. «Отмена» России и как с ней бороться: аналитический обзор // ВЦИОМ. 2022. 6 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmena-rossii-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 24.04.2023).
5. И снова об «отмене России»: аналитический обзор // ВЦИОМ. 2022. 28 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/i-snova-ob-otmene-rossii> (дата обращения: 24.04.2023).
6. Дунас Д. В., Вартамов С. А., Кульчицкая Д. Ю. и др. Мотивационные факторы медиапотребления «цифровой молодежи» в России: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 2. С. 3–27. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.327
7. Шеболкина Е. П., Красикова Н. В. Тренды и мотивационные факторы медиапотребления студентов Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики в 2022–2023 гг.: результаты пилотного социологического исследования // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 70–78. DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-70-78

References

1. Kuznetsov G., Stupko M. Cancel culture: Past and present. *Sotsiodigger*. 2022;3(3-4):40-44. (In Russ.).
2. Popova E.A. “Cancellation culture” as a manifestation of Western Russophobia. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):40-45. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-40-45
3. Bylevskiy P.G., Tsatskina E.P. Phenomenological analysis of the notion “Cancel culture”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022;(2):162-169. (In Russ.). DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
4. “Cancellation” of Russia and how to deal with it: An analytical review. VCIOM. Jun. 06, 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmena-rossii-i-kak-s-nei-borotsja> (accessed on 24.04.2023). (In Russ.).
5. And again about the “cancellation of Russia”: An analytical review. VCIOM. Dec. 28, 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/i-snova-ob-otmene-rossii> (accessed on 24.04.2023). (In Russ.).
6. Dunas D.V., Vartanov S.A., Kulchitskaya D.Yu. et al. Motivation factors of media consumption of “digital youth” in Russia: Results of a pilot study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2020;(2):3-27. (In Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.327
7. Shebolkina E.P., Krasikova N.V. Trends and motivational factors of media consumption of students of the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies in 2022-2023: Results of a pilot sociological study. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2023;15(1):70-78. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-70-78

Информация об авторах

Е. П. Шеболкина — кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. В. Красикова — аспирант 1-го курса направления «Социология управления», начальник управления рекламы и информационного продвижения; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. P. Shebolkina — PhD in Philology, Associate Professor of PR and Advertising Department; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

N. V. Krasikova — postgraduate in Management Sociology, Head of PR and Advertising; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 11.06.2023; accepted for publication 10.07.2023.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 342.729

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-230-239

Ограничение конституционного права на проведение публичных мероприятий в условиях режима уровней реагирования

Дмитрий Алексеевич Моисеенко^{1✉}, Николай Николаевич Жильский²

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ dimos97ss@gmail.com ✉

² zilskiy.@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-1620>

Аннотация. В настоящем исследовании авторами рассмотрена возможность ограничения конституционного права на проведение публичных мероприятий ввиду режима уровней реагирования с фактической и юридической точки зрения. Дана оценка возможности ограничения права на публичные мероприятия в условиях военного положения и производного от него режима уровня реагирования в контексте соответствия нормам Конституции РФ. Установлены основания, при которых ограничение рассматриваемого права может быть признано допустимым. Охарактеризована юридическая возможность ограничения права на публичные мероприятия. Сделан вывод о наличии фактических оснований для применения ограничительных мер в отношении свободы публичных мероприятий в условиях среднего уровня реагирования и при отсутствии законодательной базы для этого.

Ключевые слова: публичные мероприятия, военное положение, режим уровня реагирования, ограничение прав, конституционное право

Для цитирования: Моисеенко Д. А., Жильский Н. Н. Ограничение конституционного права на проведение публичных мероприятий в условиях режима уровней реагирования // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 230–239. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-230-239>

Original article

Limitation of the constitutional right to hold public events under the regime of response levels

Dmitriy A. Moiseenko^{1✉}, Nikolay N. Zhilskiy²

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

© Моисеенко Д. А., Жильский Н. Н., 2023

² St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
St. Petersburg, Russia

¹ dimos97ss@gmail.com✉

² zilskiy.@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-1620>

Abstract. In this study, the authors examined the possibility of limiting the constitutional right to hold public events in view of the response levels regime from a factual and legal point of view. The possibility of restricting the right to public events under martial law and the response level regime derived from it in the context of compliance with the norms of the Constitution of the Russian Federation is assessed. Established the grounds on which the restriction of the right in question may be recognized admissible. The legal possibility of restricting the right to public events is characterized. The conclusion is made about the presence of actual grounds for the use of restrictive measures in respect of freedom of public events in the conditions of the average level of response and in the absence of legislative basis for this.

Keywords: public events, martial law, response level regime, restriction of rights, constitutional law

For citation: Moiseenko D.A., Zhilskiy N.N. Limitation of the constitutional right to hold public events under the regime of response levels. *Sociology and Law. 2023;15(2):230-239.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-230-239>

Введение

В ст. 31 Конституции Российской Федерации (РФ) закреплено, что граждане России вправе собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (далее — публичные мероприятия) [1].

Данное право по своей правовой природе является основным и конституционным. Отнесение его к таковым означает, что право на проведение публичных мероприятий выступает в качестве базового для нормального развития и функционирования общества, государства и человека. В связи с этим такое право наделено особыми юридическими свойствами. К их числу можно отнести неотчуждаемость, принадлежность данного права от рождения, прямое действие, высшую юридическую силу. В теории все они должны способствовать беспрепятственной реализации этого права гражданами, свести ограничения для реализации к минимуму.

Однако такое право не является абсолютным, как отмечают исследователи, оно «может ограничиваться в целях безопасности других людей, общества и государства» [2, с. 68]. В частности, п. 9 ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее — ФКЗ № 1) установлено, что запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий допускается на основании указов Президента РФ на территории, на которой введено военное положение [3].

В настоящее время Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 введено военное положение на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей [4]. Издан и Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» (далее — Указ № 757), согласно которому в иных субъектах РФ вводятся уровни реагирования, направленные в первую очередь на обеспечение нужд воинских формирований и защиту населения

от чрезвычайных ситуаций. Согласно Указу № 757 действие уровней реагирования предусматривает возможность ограничения ряда конституционных прав и свобод граждан [5].

В связи с указанным представляется актуальным рассмотрение вопроса о фактической и юридической обоснованности возможного ограничения права на проведение публичных мероприятий в период действия уровней реагирования ввиду того, что Указ № 757 продолжает действовать и период такого действия не ограничен во времени. Исчерпывающий перечень ограничений, которые могут быть применены во исполнение данного Указа, не установлен. Подобная неопределенность может привести к практике систематического отказа в согласовании проведения публичных мероприятий со стороны органов государственной власти субъектов РФ, а также привлечения участников таких публичных мероприятий к административной и уголовной ответственности.

Материалы и методы

В целях анализа указанной проблематики нами использованы общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование) и специальные юридические (формально-юридический, юридического конструирования, технико-юридического анализа, формально-логический).

Итоги

При изучении данного вопроса мы столкнулись со следующей проблемой. В частности, нормативно-правовыми актами (законодательными и подзаконными) правовой статус режима уровней реагирования фактически не урегулирован, особенности его функционирования не определены. Между тем рассматриваемый нами режим имеет четыре разновидности (максимальный, средний, повышенный и базовый уровни реагирования). Указом № 757, по сути, установлены лишь полномочия (меры), которые могут реализовывать высшие должностные лица (органы исполнительной власти) субъектов в рамках уровней реагирования.

С учетом максимального уровня реагирования из п. 1 Указа № 757 следует, что на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей могут применяться меры, предусмотренные ФКЗ № 1 [5]. Это представляется вполне логичным и обоснованным ввиду того, что на указанных территориях введено военное положение. Соответственно, при максимальном уровне реагирования напрямую предусмотрена возможность ограничения права на публичные мероприятия.

На территориях, на которых предусмотрены средний, повышенный и базовый уровни реагирования, военное положение не введено. Федеральным законодательством, а именно ст. 8 ФКЗ № 1, предполагается введение специальных режимов на территориях, на которых военное положение не введено. Однако из указанной статьи следует, что применяемые в рамках такого специального режима меры не затрагивают личные и политические права граждан (за исключением права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации), в отличие от мер, введение которых будет возможным на территориях, на которых введено военное положение [3].

В свою очередь, если обратить внимание на содержание Указа № 757, то становится очевидным, что изложенные в нем меры предусматривают ограничение личных прав граждан (например, при среднем уровне реагирования может быть ограничено право на свободу передвижения) [5]; при этом перечень мер являет-

ся открытым. Соответственно, высшие должностные лица (органы исполнительной власти) субъектов РФ, расположенных на территориях со средним, повышенным и базовым уровнем реагирования, не лишены возможности принимать меры, направленные на ограничение иных личных и политических прав граждан (в том числе права на свободу публичных мероприятий). Однако вопрос о фактической обоснованности таких ограничений остается открытым.

В Указе № 757 не определены цели, для достижения которых конституционное право граждан на свободу собраний может быть ограничено в условиях режимов реагирования. Нормативное регулирование особенностей функционирования подобного административно-правового режима отсутствует, как и отсутствуют монографические исследования, посвященные данной тематике.

Между тем, как следует из содержания указов Президента РФ, режим уровней реагирования является производным от военного положения. В итоге приходим к выводу о том, что цели для ограничения прав граждан в условиях рассматриваемого режима и в условиях военного положения должны совпадать. Ввиду этого для ответа на поставленный вопрос будем исходить из целей, для достижения которых конституционные права граждан (в том числе на свободу собраний) ограничиваются при военном положении.

Кроме того, ввиду производного характера режима уровней реагирования от военного положения, ограничения, действующие в его условиях, не могут быть жестче или шире по объему, нежели ограничения, применяемые в условиях военного положения. В связи с этим нам необходимо установить, соответствуют ли запреты и ограничения на проведение публичных мероприятий в условиях военного положения Конституции РФ. Очевиден тот факт, что в случае, если подобные запреты и ограничения не соответствуют Конституции РФ при военном положении, они, как следствие, не будут соответствовать ей и в условиях режима уровней реагирования.

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к положениям Основного закона страны. Если исходить из его буквального толкования, можно заключить, что Конституция РФ не предусматривает возможности для ограничения права на проведение публичных мероприятий в условиях военного положения. Так, ни в ст. 87 Конституции РФ (в которой говорится о военном положении), ни в ст. 56 Конституции РФ (из которой следует, что отдельные ограничения прав и свобод могут быть установлены в условиях чрезвычайного положения) прямо не указано на возможность запрета или ограничения права на свободу публичных мероприятий.

Однако, по нашему мнению, к ст. 56 Конституции РФ следует применять расширительное толкование: распространять установленные ею ограничения не только на случаи чрезвычайного, но и военного положения. В ч. 3 ст. 56 Конституции РФ установлен перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению ни при каких условиях, даже при введении чрезвычайного положения. Право на свободу публичных мероприятий, предусмотренное ст. 31 Конституции РФ, в этом перечне не содержится. Соответственно, оно подлежит ограничению при чрезвычайном положении.

Анализируя содержание ч. 1 ст. 56 Конституции РФ, можно вычленил следующие условия, имеющие значение для настоящего исследования, при которых допустимо ограничение конституционных прав и свобод граждан (в том числе права на свободу публичных мероприятий) в случае введения чрезвычайного положения:

- подобные ограничения установлены в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя;

— возможность ограничения конкретных прав и свобод должна быть предусмотрена соответствующим федеральным конституционным законом.

Введение режима чрезвычайного положения регулируется Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (далее — ФКЗ № 3). Согласно ст. 3 ФКЗ № 3, режим чрезвычайного положения вводят при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни, безопасности граждан или конституционному строю РФ и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер [6]. Статьей 11 ФКЗ № 3 также предусмотрена возможность запрещения или ограничения на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий в условиях чрезвычайного положения [6]. Иными словами, возможность введения запретов и ограничений в отношении права на проведение публичных мероприятий при чрезвычайном положении полностью соответствует положениям Конституции РФ, поскольку такие запреты и ограничения предусмотрены федеральным конституционным законом и вводятся в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя.

Из положений ФКЗ № 1 следует, что режим военного положения вводят с целью создания условий для отражения или предотвращения агрессии против России (ч. 2 ст. 1 ФКЗ № 1) [3]. Полагаем верным утверждать, что агрессия против России влечет за собой непосредственную угрозу жизни, безопасности граждан и конституционному строю, а ее отражение видится невозможным без применения особых (чрезвычайных) мер. Как указано выше, п. 9 ч. 2 ст. 7 ФКЗ № 1 предусмотрена возможность ограничения и запрета права на свободу публичных мероприятий [3]. Обусловленность введения ограничений в отношении определенного круга конституционных прав и свобод при чрезвычайном и военном положении представляется тождественной по своей правовой природе. С учетом изложенного приходим к выводу о том, что запреты и ограничения на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий в условиях военного положения, установленные п. 9 ч. 2 ст. 7 ФКЗ № 1, следует признать обоснованными, поскольку такие запреты и ограничения в условиях военного положения, как и в условиях чрезвычайного положения, вводят в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя, на основании Федерального конституционного закона, что полностью соответствует требованиям ст. 56 Конституции РФ.

Возможность ограничения отдельных прав и свобод человека и граждан обусловлена и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, из которой следует, что подобные ограничения допустимы в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1]. Несомненно, ограничение права на проведение публичных мероприятий обусловлено обеспечением обороны страны и безопасности государства. Об этом речь идет в ч. 4 ст. 1 ФКЗ № 1. Все это в итоге направлено на сохранение действующего конституционного строя.

Не в меньшей степени подобные ограничения обусловлены и защитой прав и законных интересов человека, в первую очередь в целях обеспечения основополагающих прав, существование человека без которых будет невозможным (права на жизнь и здоровье). Соответственно, ограничение права на свободу публичных мероприятий при военном положении видится обоснованным и с точки зрения ст. 55 Конституции РФ, поскольку его вводят в целях защиты основополагающих прав и свобод человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Подобные выводы подтверждены и правовой позицией единственного официального толкователя Основного закона страны — Конституционного Суда РФ. Так, согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 18 мая 2012 г. № 12-П, право на свободу публичных мероприятий не является абсолютным и «может быть ограничено федеральным законом в соответствии с критериями, предопределяемыми требованиями ст. 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, на основе принципа юридического равенства и вытекающего из него принципа соразмерности, то есть в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [7].

С конституционно-правовой обоснованностью ограничений прав и свобод граждан в условиях военного положения согласны и современные ученые-исследователи. В частности, профессор А. А. Подмарев приходит к выводу о том, что «дополнительные ограничения прав и свобод личности являются необходимым элементом института военного положения... позволяют расширить полномочия государственных органов, и в этом смысле они являются одним из инструментов, позволяющих отразить агрессию и восстановить конституционный правопорядок». Но одновременно с этим такие ограничения «не должны влечь за собой какой-либо дискриминации отдельных лиц или групп населения по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также по другим обстоятельствам (ст. 19 Конституции РФ)» [8, с. 99]. Речь идет и о праве на проведение публичных мероприятий.

Итак, сформулируем цели, для достижения которых право на публичные мероприятия может быть ограничено в условиях военного положения:

- сохранение конституционного строя путем обеспечения обороны страны и безопасности государства;
- обеспечение безопасности основополагающих прав (права на жизнь и здоровье) неограниченного числа лиц.

Ввиду производного характера режима уровней реагирования от военного положения приходим к выводу о том, что введение ограничений в отношении права на публичные мероприятия в условиях уровней реагирования может быть признано фактически обоснованным исключительно в случае, если такие ограничения введены для достижения указанных выше целей. При этом особенно важно, чтобы угроза сохранению конституционного строя и обеспечению основополагающих прав граждан была непосредственной, то есть ее не избежать без ограничения права на проведение публичных мероприятий. В ином случае подобные меры в условиях режима уровней реагирования будут не соответствовать признаку разумной соразмерности и приведут к чрезмерному ограничению конституционных прав граждан в нарушение требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

На наш взгляд, ограничения на проведение публичных мероприятий могли бы быть признаны фактически обоснованными в рамках среднего уровня реагирования. Так, согласно Указу № 757, данный уровень введен в Республике Крым, Краснодарском крае, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областях и городе Севастополе [5], то есть в регионах, граничащих с субъектами, на территории которых установлен режим военного положения.

По мнению ряда исследователей, в частности О. И. Рубцова, публичным мероприятиям свойственен такой признак, как массовость [9, с. 268]. Однако при-

существование массового количества гражданских лиц в непосредственной близости друг от друга на территориях, граничащих с регионами, в которых введено военное положение, может негативно отразиться на их жизни и здоровье. Как следует из публикаций в государственных СМИ, субъекты РФ, в которых введен средний уровень реагирования, подвержены риску артиллерийских обстрелов и деятельности диверсионно-разведывательных групп. Соответственно, скопления граждан при проведении публичных мероприятий могут стать целью незаконной деятельности подобных противоправных элементов, служить ориентиром для вражеской артиллерии, что влечет за собой непосредственную угрозу для жизни и здоровья людей. В данном случае фактически обоснованным может стать ограничение на проведение не только публичных мероприятий, указанных в ст. 31 Конституции РФ, но и любых других мероприятий, отличающихся признаком массовости (например, спортивных, религиозных, иных).

Ввиду вышеуказанных объективных факторов на территориях, на которых введен средний уровень реагирования, государство не способно в полной мере выполнять принятые на себя обязательства по охране общественного порядка и обеспечению безопасности граждан при проведении публичных мероприятий. Эти факты, в свою очередь, могут привести к использованию таких методов политической борьбы, как перекрытие дорожного движения. Даже в мирное время это негативно может отразиться на жизнедеятельности общества, привести к ущемлению прав и свобод иных лиц. Например, анализируя происходившие летом 2019 г. в Москве публичные мероприятия, в ходе которых демонстранты осуществили перекрытие дорожного движения путем выхода большого количества граждан на проезжую часть основных дорог, А. Б. Хорев, В. И. Ракитин и Э. С. Рассаднев обращают внимание на то, что указанное обстоятельство «создало проблему функционирования муниципальных и экстренных служб Москвы» [10, с. 348]. Однако на территориях, на которых введен средний уровень реагирования, перекрытие дорог может иметь критическое значение, поскольку они не смогут быть оперативно использованы для передислокации войск, подвоза живой силы и боеприпасов в регионы, на которых введено военное положение. Все это, на наш взгляд, представляет угрозу как основополагающим правам человека и гражданина, так и конституционному строю в целом. Следовательно, введение ограничений на проведение публичных мероприятий в условиях среднего уровня реагирования представлялось бы фактически обоснованным.

В условиях базового и повышенного уровней реагирования установление ограничений в отношении права на свободу публичных мероприятий представляется нецелесообразным и чрезмерным. Регионы, в которых данные уровни введены, не граничат с территориями, на которых введено военное положение. В связи с этим государство способно надлежащим образом обеспечить безопасность массовых мероприятий как политического, так и иного характера, а значит, подобные мероприятия не влекут за собой непосредственную угрозу для жизни или здоровья граждан, для конституционного строя государства.

Однако не стоит забывать и о юридической стороне рассматриваемого вопроса. Как указано выше, правовой режим уровней реагирования законодательно не закреплен и фактически регулируется лишь Указом Президента РФ № 757. В свою очередь, как следует из рассмотренных нами выше положений ст. 55, 56 Конституции РФ, любое ограничение конституционных прав и свобод граждан станет возможным лишь на основании федеральных и федеральных конституционных законов.

Итак, складывается парадоксальная ситуация, при которой ограничение права на проведение публичных мероприятий в условиях среднего уровня реагиро-

вания юридически становится невозможным даже при его фактической обусловленности ввиду отсутствия соответствующего правомочия по его ограничению в федеральном законодательстве. Как справедливо утверждает В. В. Лапаева, в ст. 55 Конституции РФ «говорится о том, что в условиях нормального режима правовой регуляции, не связанного с введением чрезвычайного положения, федеральный закон может ограничивать любые права и свободы без указания временных пределов таких ограничений», а, согласно ст. 56 Конституции РФ, «отдельные ограничения прав и свобод допускаются лишь в условиях чрезвычайного положения, лишь в заданных пределах и только на определенный срок» [11, с. 14]. Как установлено нами ранее, ст. 56 Конституции РФ распространяет свое действие и на случаи военного положения, а режим уровней реагирования является производным от военного положения.

Ввиду изложенного представляется, что возможность и порядок ограничения права на проведение публичных мероприятий в условиях среднего уровня реагирования должны быть установлены именно федеральным конституционным законом (в частности ФКЗ № 1). При этом соответствующей правовой нормой должны быть предусмотрены пределы и сроки установления такого ограничения. Только при соблюдении указанного выше условия возможность ограничения рассматриваемого нами права будет обоснована не только фактически, но и юридически.

Таким образом, целесообразен вывод о том, что право на проведение публичных мероприятий может быть ограничено на территориях субъектов, на которых введен режим максимального уровня реагирования. В условиях среднего уровня реагирования ограничение данного права может быть фактически обосновано наличием непосредственной угрозы конституционному строю и основополагающим правам граждан в результате проведения подобных мероприятий. Однако в контексте действующего законодательства становится понятным, что правовые основания для подобного ограничения в настоящее время отсутствуют.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.04.2023).
2. Рамазанова Э. Т., Гасанов Г. А. Конституционное ограничение прав и свобод человека // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 34. № 2. С. 66–69. DOI: 10.21779/2224-0241-2020-34-2-66-69
3. О военном положении: федер. конст. закон РФ от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 1 июля 2017 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения: 17.04.2023).
4. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002> (дата обращения: 17.04.2023).
5. О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756: указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190003> (дата обращения: 17.04.2023).
6. О чрезвычайном положении: федер. конст. закон РФ от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 17.04.2023).

7. По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С. А. Каткова: постановление Конституционного Суда РФ № 12-П от 18 мая 2012 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130163/ (дата обращения: 17.04.2023).
8. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 96–100. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-96-100
9. Рубцов О. И. Понятие и признаки публичного мероприятия // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 268–274. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-268-274
10. Хорев А. Б., Ракутин В. И., Рассаднев Э. С. Сравнительный анализ специальных средств, применяемых правоохранительными органами различных стран при пресечении современных массовых беспорядков // Практика служебно-боевого применения войск при проведении специальных операций и мероприятий: сборник науч. ст. по материалам межвуз. конф. Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, 2021. С. 346–350.
11. Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 13–23.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the national vote on July 1, 2020. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
2. Ramazanov E.T., Hasanov G.A. Constitutional restriction of human rights and freedoms. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*. 2020;34(2):66-69. (In Russ.). DOI: 10.21779/2224-0241-2020-34-2-66-69
3. On martial law. Federal constitutional law of the Russian Federation of January 30, 2002 No. 1-FKZ (as amended on July 1, 2017). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
4. On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporozhye and Kherson regions. Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 756. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002> (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
5. On measures taken in the constituent entities of the Russian Federation in connection with Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 756. Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 757. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190003> (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
6. On the state of emergency. Federal Constitutional Law of the Russian Federation of May 30, 2001 No. 3-FKZ (as amended on July 3, 2016). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
7. On the case of checking the constitutionality of the provisions of part 2 of article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, paragraph 3 of part 4 of article 5 and paragraph 5 of part 3 of article 7 of the Federal Law "On meetings, rallies, demonstrations, processions and pickets" in connection with the complaint of citizen S.A. Katkov. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P dated May 18, 2012. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130163/ (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).

8. Podmarev A.A. The person and citizen rights and freedoms restriction in the conditions of the martial law in the Russian Federation. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* = *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*. 2018;18(1):96-100. (In Russ.). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-96-100
9. Rubtsov O.I. Concept and features of the public event. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2021;(3):268-274. (In Russ.). DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-268-274
10. Khorev A.B., Rakitin V.I., Rassadnev E.S. Comparative analysis of special means used by law enforcement agencies of various countries in the suppression of modern mass riots. In: The practice of service and combat use of troops during special operations and events. Proc. Inter-univ. conf. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation; 2021:346-350. (In Russ.).
11. Lapaeva V.V. The problem of restricting the rights and freedoms of man and citizen in the Constitution of the Russian Federation (the experience of doctrinal comprehension). *Zhurnal rossiiskogo prava* = *Journal of Russian Law*. 2005;(7):13-23. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Моисеенко — аспирант кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. Н. Жильский — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта (СПбГАСУ); 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4; профессор кафедры конституционного и международного права (СПбУТУиЭ); 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

D. A. Moiseenko — postgraduate student at the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

N. N. Zhilskiy — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport (SPbGASU); 4, 2nd Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Constitutional and International Law (UMTE); 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 342.5

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-240-246

Правовой анализ электронного правительства в Российской Федерации

Светлана Алексеевна Ямзина¹, Максим Владимирович Колмогоров^{2✉},
Степан Мхитарович Оганесян³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ svetlau72@mail.ru

² m.kolmogorov@spbacu.ru✉

³ stepan-62.11.11@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению концепции электронного правительства в Российской Федерации (РФ) и за рубежом. Авторами сделан акцент на актуальности темы ввиду того, что стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в мире и цифровизации экономики большинства стран требует оперативного внедрения проекта электронного правительства. В статье выделено несколько подходов к определению понятия «электронное государство». Авторами сформулирована главная цель реализации этой концепции в России, заключающаяся в создании тесного взаимодействия между государством и обществом, а также выделены приоритетные задачи, поставленные для достижения ранее упомянутой цели. Речь идет и о том, что формирование рассматриваемого института в России началось в 2002 г. Учитывается и зарубежный опыт формирования электронного государства. Сравнительный анализ проведен на основе отчета, составленного Департаментом экономического и социального развития ООН, который демонстрирует рейтинг стран по уровню развития электронного правительства в 2022 г. Утверждается, что в соответствии с этим рейтингом Россия заняла 42-е место, в связи с чем авторы обращают внимание на острую необходимость анализа принципов концепции электронного государства ряда стран-лидеров. Так, в статье выявлены особенности некоторых стран, входящих в топ-15 государств по уровню развития электронного правительства. В заключение указаны пробелы, создающие помехи при повышении уровня электронного правительства в России.

Ключевые слова: электронное правительство, электронное государство, информационно-коммуникационные технологии, оказание государственных услуг, органы государственной власти

Для цитирования: Ямзина С. А., Колмогоров М. В., Оганесян С. М. Правовой анализ электронного правительства в Российской Федерации // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 240–246. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-240-246>

Original article

Legal analysis of electronic government in the Russian Federation

Svetlana A. Yamzina¹, Maksim V. Kolmogorov^{2✉}, Stepan M. Oganessian³

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

© Ямзина С. А., Колмогоров М. В., Оганесян С. М., 2023

¹ svetlau72@mail.ru

² m.kolmogorov@spbacu.ru✉

³ stepan-62.11.11@mail.ru

Abstract. This article deals with the concept of electronic government in the Russian Federation and abroad. The authors focus on the relevance of the topic due to the fact that the rapid development of information and communication technologies in the world and digitalization of the economy of most countries requires rapid implementation of e-government project. The article identifies several approaches to defining the concept of “e-government”. The authors formulated the main goal of implementing this concept in Russia, which is to create close interaction between the state and society, and highlighted the priority tasks set to achieve the previously mentioned goal. It also refers to the fact that the formation of the institution in question in Russia began in 2002. Foreign experience in the formation of e-government is also taken into account. The comparative analysis is based on the report compiled by the UN Department of Economic and Social Development, which shows the rating of countries by the level of e-government development in 2022. It is stated that according to this rating Russia has taken 42nd place, in this connection the authors draw attention to the urgent need to analyze the principles of e-government concept of some leading countries. Thus, the article identifies the characteristics of some of the countries in the top 15 states by the level of e-government development. In conclusion, the gaps that create obstacles in improving the level of e-government in Russia are indicated.

Keywords: e-government, information and communication technologies, provision of public services, public authorities

For citation: Yamzina S.A., Kolmogorov M.V., Oganessian S.M. Legal analysis of electronic government in the Russian Federation. *Sociology and Law*. 2023;15(2):240-246. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-240-246>

Введение

В современном обществе значительно возросло использование информационно-коммуникационных технологий в различных сферах жизни, в том числе и в политической. Цифровизация экономики является одной из важнейших задач, установленных Указом Президента Российской Федерации (РФ) от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1] и Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2]. Цифровизация как компактное определение — это оцифровывание массива информации, направленное на снижение издержек в аспекте минимизации бумажных носителей, оптимизации поиска через информационно-телекоммуникационную среду в целом [3, с. 208].

В последние несколько лет институт электронного государства в России начал активно развиваться, поскольку Правительство РФ и органы государственной власти уделяют этому пристальное внимание, внедряя новые цифровые технологии и создавая электронные сервисы для граждан. С развитием технологий и информационных систем электронное государство стало одним из главных направлений модернизации государственного управления [4, с. 511].

Электронное государство представляет собой взаимодействие органов государственной власти с гражданами, основанное на применении современных информационных технологий. Приоритетной целью развития данного института в России служит формирование тесного взаимодействия между государством и обществом. Для достижения этой цели государство решает ряд задач.

1. Снижение нагрузки в деятельности органов государственной власти. Одним из главных достижений в области электронного государства является создание раз-

личных платформ (в том числе Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» как ключевого элемента инфраструктуры электронного государства в России [5, с. 30] и др.), которые, в свою очередь, объединяют все государственные сервисы, от получения информации об ускоренной выдаче паспорта до подачи налоговой декларации.

2. Повышение эффективности оказываемых ими услуг для граждан и субъектов предпринимательской деятельности. «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», а также другие платформы, активно функционирующие на территории РФ, предоставляют открытый доступ гражданам и субъектам предпринимательской деятельности к подробной информации о работе государственных органов, что делает оказание различных видов услуг прозрачным для общества. Кроме того, использование информационно-коммуникационных технологий, как правило, увеличивает скорость оказания государственных услуг.

Если обратиться к истории, то становится очевидным, что формирование как такового электронного государства в России началось с утверждения постановления Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65, которым принята федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 гг.). В указанный период перед государством стояла задача, заключающаяся в последовательном переходе на уровень оказания большинства государственных услуг в электронном виде.

Сегодня электронное государство в России — одно из приоритетных направлений развития, что подтверждается «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.», утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

Материалы

Сравнительный анализ концепции электронного государства, его моделей построения и формирования в различных странах следует начать с изучения рейтинга государств по уровню развития электронного правительства на основе отчета, составленного Департаментом экономического и социального развития ООН, что находит отражение в таблице 1.

Таблица 1

Рейтинг стран по уровню развития электронного правительства в 2022 г. [6]
Table 1. Ranking of countries on the level of e-government development in 2022 [6]

№	Страна	Индекс
1	Дания	0,9717
2	Финляндия	0,9533
3	Южная Корея	0,9529
4	Новая Зеландия	0,9432
5	Швеция	0,941
6	Исландия	0,941
7	Австралия	0,9405
8	Эстония	0,9393
9	Нидерланды	0,9384
10	США	0,9151
11	Великобритания	0,9138
12	Сингапур	0,9133
13	ОАЭ	0,901
14	Япония	0,9002
15	Мальта	0,8943

Настоящий рейтинг основан на оценке трех элементов, входящих в состав концепции электронного государства, таких как:

- электронные услуги;
- ИТК-инфраструктура;
- человеческий капитал.

По итогам 2022 г. Россия заняла 42-е место, что на шесть позиций ниже по сравнению с результатами 2020 г. Опыт зарубежных стран-лидеров поможет выявить слабые стороны концепции электронного государства в России, а затем сформулировать рекомендации для дальнейшего развития. Рассмотрим отдельные принципы, которых придерживаются страны-лидеры в построении электронного государства.

Лидерство Дании не вызывает сомнений, поскольку именно она была страной, которая раньше всех начала эффективно внедрять принципы электронного государства. Так, активная реализация проекта началась в 2001 г., в контексте достижения главной цели — полного перехода оказания государственных услуг в цифровой формат. В результате внедрены электронный портал, различные сервисы электронной подписи и т. п. Одна из ключевых особенностей датской системы электронного правительства — высокая степень автоматизации процессов государственного управления. Рассматриваемая система является одной из наиболее эффективных и инновационных в мире, благодаря чему государство снижает затраты на обслуживание населения и повышает качество оказываемых государственных услуг.

Интересен опыт Южной Кореи, лидера в азиатском регионе, история развития электронного правительства которого началась с принятия Закона о расширении распространения и поощрении использования информационных систем (1987), а затем Закона о развитии информатизации (1995). На современном этапе в этом государстве большое внимание уделено мобильным приложениям, так называемому мобильному электронному правительству, поскольку «в 2012 г. в Южной Корее число мобильных телефонов превысило суммарное количество ПК и ноутбуков» [7]. Электронное правительство в Южной Корее также способствует повышению уровня доверия граждан к государству. Благодаря прозрачности действий правительства и открытому доступу к информации граждане получают возможность участвовать в процессе принятия решений и контролировать работу государственных органов власти.

Такие представители англо-американской модели электронного правительства, как США и Великобритания, также входят в список лидеров по рейтингу развития электронного правительства. Наиболее важными нормативными правовыми актами, направленными на решение этой задачи, являются Закон Клингера — Коэна (1996), Закон об уменьшении бумажного документооборота (1998), Закон об электронном правительстве (2002) и различные стратегии развития, в частности «Электронное правительство — 2002» и «Цифровое государство» (принята 23 мая 2012 г.).

Так, упомянутый Закон Клингера — Коэна стал первым нормативным правовым актом, установившим необходимость активного применения информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных ведомств. Закон об уменьшении бумажного документооборота, указанный выше, в свою очередь, обязал перевести все процессы, связанные с оказанием государственных услуг органами власти, в электронный формат. Позднее Закон об электронном правительстве продолжил совершенствование государственного управления и взаимодействия между органами государственной власти и гражданами посредством дальнейшего развития различных электронных платформ и сервисов.

Особенность Сингапура состоит в том, что основная цель развития электронного правительства заключается в формировании информационно-коммуникационного образования граждан, которое обеспечивается путем обучения пользователей. Это повышает информированность и компетентность граждан рассматриваемого государства.

Несмотря на то, что Республика Казахстан не вошла в группу стран-лидеров по уровню развития электронного правительства в 2022 г., она по праву выступает лидером в Центральной Азии. Так, помимо разработки программы по внедрению электронного государства в жизнь граждан, особое внимание данное государство уделяет компьютерной грамотности. В связи с этим для решения проблем некомпетентности как среди граждан, так и среди государственных служащих принята специальная программа обучения.

Выводы

Итак, несмотря на то, что для внедрения электронного правительства и его постоянного развития в России предприняты различные меры, все-таки существует ряд проблем, которые замедляют этот процесс.

1. С учетом анализа опыта некоторых зарубежных стран можно утверждать, что главной проблемой, мешающей последовательному развитию концепции электронного государства, является преследуемая Россией цель. Как правило, проекты большинства стран, входящих в список лидеров по уровню развития электронного правительства, направлены на удовлетворение потребностей граждан и субъектов предпринимательской деятельности, которым оказывают те или иные государственные услуги. Россия ставит перед собой цель, заключающуюся в совершенствовании государственных структур посредством применения информационно-коммуникационных технологий. Иными словами, то, что зарубежные страны применяют в качестве средств достижения результата, для РФ служит конечным результатом.

2. Отсутствие компетентности, электронного образования у части граждан страны и, как следствие, недостаточное использование информационно-коммуникационных технологий для получения различных государственных услуг гражданами и субъектами предпринимательской деятельности.

3. Недостаточное финансирование и низкая степень вовлеченности государственных служащих. Финансирование в области развития информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении в России представляется недостаточным. Кроме того, необходимо выделить значительные средства на обучение и поддержание уровня компьютерной грамотности у государственных служащих.

Таким образом, развитие электронного правительства — один из ключевых процессов, направленных на совершенствование государственного управления в России. Однако для успешной реализации этой задачи следует решить целый ряд проблем. Их решение позволит повысить качество оказываемых государственных услуг и, как следствие, уровень удовлетворения соответствующих потребностей граждан.

Список источников

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (в ред. от 21.07.2020) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71937200/?ysclid=llhrq6x8jgv592553108> (дата обращения: 20.03.2023).

2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/74404210/?ysclid=lhqr8k9efo626519005> (дата обращения: 20.03.2023).
3. Кузьмин А. В., Грызунова Е. В., Смирнова Е. М. Цифровые технологии в правовой сфере // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 207–213. DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-207-213
4. Кобелева Л. С., Черных А. Б. Роль цифровой экономики в социально-экономическом развитии территории России // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства: материалы VI Междунар. науч. интернет-конф., 14–17 июня 2022 г. / отв. ред. С. В. Теребова. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2022. С. 510–516.
5. Полюгалова А. С. К вопросу о понятии «электронное государство» // Трансформация права в информационном обществе: материалы III Всерос. науч.-практ. форума молодых ученых и студентов, 26 ноября 2020 г. / отв. ред. О. А. Пучков. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 29–34.
6. Петрова В. Электронному правительству РФ не хватило онлайн // Коммерсантъ. 2022. 11 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5607129> (дата обращения: 18.04.2023).
7. Леgezо Д. Чем займется страна-лидер электронного правительства // CNews. URL: <https://clck.ru/34L2Df> (дата обращения: 24.04.2023).

References

1. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 (as amended on July 21, 2020). Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/71937200/?ysclid=lhqr6x8jgv592553108> (accessed on 20.03.2023). (In Russ.).
2. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474. Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/74404210/?ysclid=lhqr8k9efo626519005> (accessed on 20.03.2023). (In Russ.).
3. Kuzmin A.V., Gryzunova E.V., Smirnova E.M. Digital technologies in the legal sphere. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2022;14(2):207-213. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-207-213
4. Kobeleva L.S., Chernykh A.B. The role of the digital economy in the socio-economic development of the territory of Russia. In: Problems and prospects for the development of scientific and technological space. Proc. 6th Int. sci. Internet-conf. (Vologda, June 14-17, 2022). Vologda: Vologda Scientific Center RAS; 2022:510-516. (In Russ.).
5. Polygalova A.S. On the issue of the concept of “electronic state”. In: Transformation of law in the information society. Proc. 3rd All-Russ. sci.-pract. forum of young scientists and students (Ekaterinburg, November 26, 2020). Ekaterinburg: Ural State Law University; 2020:29-34. (In Russ.).
6. Petrova V. The electronic government of the Russian Federation did not have enough online. Kommersant. Oct. 11, 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5607129> (accessed on 18.04.2023). (In Russ.).
7. Legezo D. What will the country-leader of e-government do? CNews. URL: <https://clck.ru/34L2Df> (accessed on 24.04.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

С. А. Ямзина — аспирант кафедры конституционного и международного права Юридического института; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

М. В. Колмогоров — преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

С. М. Оганесян — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

S. A. Yamzina — postgraduate student at the Department of Constitutional and International Law, Law Institute; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

M. V. Kolmogorov — lecturer at the Department of Civil Law and Process, Law Institute; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

S. M. Oganessian — Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Law and Process; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 343.98

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-247-258

О структуре частной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования

Дмитрий Анатольевич Ильичев¹, Максим Анатольевич Трухин²✉

¹ Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Иркутской области, Иркутск, Россия, mvd27@mvd.gov.ru

² Алтайский институт экономики — филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия, alt-ime@mail.ru✉

Аннотация. Статья посвящена общетеоретическим основам и подходам к разделам методики и тактики. Авторами установлены их сходства и различия. Выработаны элементы частной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования. Утверждается, что в целом переустройство общества неизбежно связано с реформами в сфере образования. Взяточничество существенно затрудняет продвижение социально-экономических реформ в России, становится препятствием на пути формирования нового демократического общества. Появляются новые способы совершения указанных преступлений, которые еще не исследованы, что затрудняет их выявление и раскрытие. Практика борьбы с этим негативным явлением в сфере образования дает основание полагать, что по подозрению во взяточничестве задерживают лиц, не впервые совершающих такие преступления. Однако в процессе расследования уголовных дел им вменяется, как правило, только эпизод преступной деятельности, который задокументирован при задержании с полициным. Это указывает на необходимость совершенствования в первую очередь частной методики выявления и раскрытия взяточничества.

Ключевые слова: взяточничество в сфере образования, частная методика выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования, расследование, оперативно-розыскные мероприятия

Для цитирования: Ильичев Д. А., Трухин М. А. О структуре частной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 247–258. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-247-258>

Original article

The structure of a private methodology for detecting and disclosing bribery in the field of education

Dmitriy A. Il'ichev¹, Maksim A. Trukhin²✉

¹ Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Irkutsk Region, Irkutsk, Russia, mvd27@mvd.gov.ru

² Altai Institute of Economy — branch of St. Petersburg University of Technologies of Management and Economy, Barnaul, Russia, alt-ime@mail.ru✉

Abstract. The article presents the general theoretical foundations and approaches to the sections of methodology and tactics. The authors established their similarities and differences. Elements of a private methodology for identifying and disclosing bribery in the field of education have been developed. It is claimed that in general, the society restructuring is inevitably associated with reforms in the field of education. Bribery complicates significantly the promo-

tion of social and economic reforms in Russia, becomes an obstacle to the formation of a new democratic society. New ways of committing these crimes are emerging, that have not yet been investigated, therefore it is difficult to identify and disclose them. The practice of combating this negative phenomenon in the field of education gives reason to believe that people who have committed bribery repeatedly are detained on suspicion of this crime. However, in the process of investigating criminal cases, they are charged, as a rule, with only an episode of criminal activity, which is documented during arrest in *flagrante delicto*. This indicates the need to improve, first of all, a private methodology for detecting and disclosing bribery.

Keywords: bribery in the field of education, private methodology for detecting and disclosing bribery in the field of education, investigation, law enforcement intelligence operations

For citation: Il'ichev D.A., Trukhin M.A. The structure of a private methodology for detecting and disclosing bribery in the field of education. *Sociology and Law*. 2023;15(2): 247-258. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-247-258>

Введение

Вопросы, связанные с методами расследования противоправных деяний, по существу проанализированы наукой криминалистикой. Исходя из этого, считаем необходимым воспользоваться накопленным уникальным опытом, наложив проекцию на оперативно-розыскную теорию по раскрытию определенных видов преступлений. Разные труды научных деятелей направлены на изучение фундаментальных знаний теоретических основ ввиду конкретной оперативно-тактической ситуации по выявлению и раскрытию вида или групп противоправных деяний.

С учетом этого полагаем необходимым сформулировать исходные положения частной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования и решить следующие задачи:

1. Определить понятие частной оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования.
2. Предложить и обосновать оптимальную структуру частной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования.
3. Дать характеристику и раскрыть значение структурных элементов частной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования.
4. Установить характерные отличия оперативно-розыскной методики от тактики.

Теория

В контексте решения первой задачи исследования следует рассмотреть проблему понятий, используемых в формирующейся теории оперативно-розыскной методики.

Все учения обязаны состоять из стройной структуры положений, элементы которой взаимосвязаны между собой и представляются неразрывными компонентами [1]. Это — особенность любой науки, в том числе и оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Составной частью структуры предмета является понятийный элемент, который очень важен и называется языком практики ОРД. Надежность и четкость выражений, логическое использование понятийного аппарата в борьбе с противоправными деяниями служат залогом эффективного взаимодействия между силами и средствами органов внутренних дел [2]. Следует признать, что новейшие письменные и электронные источники в большинстве случаев лишь транслируют объективную реальность в угоду времени и обстановки, не опираясь

на ценностное происхождение явления. Поэтому целесообразно модернизировать и бесконечно шлифовать определение языка и предмета ОРД и в первую очередь ориентироваться на практику противодействия преступности [3; 4].

В ходе исследования установлено, что оперативная методика состоит из структуры и механизмов, для которых создается основа в целях выстраивания специализированных методик, исходя из задач и назначений противоборства криминальной среде. Предназначение оперативной методики состоит в проектировании на ее базе специализированных методов установления истины по уголовному преследованию лиц, совершивших противоправное деяние. Учению об оперативной методике, в котором раскрывается содержание указанного явления, посвящены исследования видных ученых, в частности И. А. Климова, Г. К. Синилова [5] и других исследователей теории ОРД. Несколько позднее Г. А. Корнилов [6] дополнил аргументацию и систематизацию основополагающих положений оперативно-розыскной методики. В обобщенном виде в теории ОРД они представлены следующим образом:

1. В целях выработки объективной и закономерной методики противодействия конкретному виду преступного поведения необходимо детально изучить и знать каждый элемент оперативно-розыскной характеристики социально опасного деяния.

2. Сочетание методов противодействия с тактическим состоянием, в котором находится сотрудник правоохранительного органа, с непосредственным видом противоправного деяния. Из этого следует необходимость обобщения накопленного практического опыта противодействия, выдвижения версий, определения тактических мер и оперативно-розыскных методов в целях оптимального поиска решений, направленных на рациональное и эффективное сопротивление возникшей ситуации.

3. При множественности уголовно наказуемых деяний, совершенных группой лиц, а иногда и преступными сообществами, значимым компонентом является постижение сотрудниками правоохранительных органов содержания и методов борьбы с указанным социально опасным явлением как таковым.

4. Индивидуальная методика установления лиц и фактов противоправной деятельности предполагает быстроту и эффективность деятельности специальных подразделений в первую очередь. В данном случае наиболее значимым видится достижение цели профилактики преступлений и правонарушений с последующим направлением соответствующих представлений об устранении причин и условий, которые нужно минимизировать.

5. Изучение и подытоживание ОРД по направлению противодействия взяточничеству служат фундаментом формируемых методических предложений. В них обычно изложены тактические наборы мер и средств, которые крайне необходимы практическим работникам, как руководство к действию.

6. Принципы теоретичности оперативно-розыскной методики, указывающие на сущность деятельности по установлению и привлечению к ответственности лиц, совершивших противоправные деяния, должны неукоснительно отвечать Конституции Российской Федерации (РФ), а также специальным законам, регламентирующим эту деятельность.

Итак, на основе сформулированных исходных научных положений нами будет разработана частная методика выявления и раскрытия фактов взяточничества в сфере образования. Частные методики — второй блок оперативно-розыскной методики как раздела теории ОРД и представляют собой методические рекомендации, которые, в свою очередь, включают в себя собственно методические рекомендации и их обоснование. Частные методики разрабатывают применительно к определенным видам преступлений.

Теоретические проблемы содержания частных методик выявления и раскрытия отдельных видов преступлений и «технологии» их построения требуют обстоятельного изучения. Основные научные труды ученых-криминалистов и специалистов в области теории ОРД, посвященные исследуемой проблематике, проанализированы в одной из работ С. И. Давыдова [7]. Предложенное им понятие частной методики раскрытия преступлений уместно взять за основу. В контексте предмета исследования предлагаем представить ее как методические рекомендации, включающие в себя систему наиболее эффективных организационно-правовых мер и оперативно-розыскных мероприятий, действий применительно к типичным ситуациям, складывающимся в процессе выявления и раскрытия данных преступлений. В качестве научного обоснования разрабатываемых рекомендаций выступает оперативно-розыскная характеристика взяточничества в сфере образования.

Разработка эффективной частной методики выявления и раскрытия анализируемых преступлений обусловлена не только определением ее понятия. Несмотря на значительное количество исследований по данной тематике, проблема структуры методических рекомендаций и их содержания в теории ОРД остается недостаточно исследованной [8; 9; 10].

Становится очевидным, что при постановке исходной задачи разработки методических рекомендаций по раскрытию преступлений их основные компоненты существенно различаются. Не прослеживается устойчивый подход к их структурному построению. Многие рекомендации носят общий характер, не выделены ситуации, на которые рассчитано их применение. На общий характер разрабатываемых рекомендаций указали 62,0 % опрошенных оперативных сотрудников. Аналогичная оценка научных разработок дана и со стороны МВД России [11].

Определенным вкладом в разработку указанной проблемы мог бы стать анализ криминалистических исследований, посвященных определению структуры частных методик расследования преступлений. Оперативно-розыскная теория и криминалистика — это взаимосвязанные по академическому и сущностному направлению науки. Они обладают общим предметом исследования: речь идет о преступной действительности, ее обнаружении, раскрытии, разоблачении. Большинство академических принципов, способов и объектов ОРД возникли в недрах науки криминалистики. Поэтому и большая часть наставлений и предложений науки криминалистики взята за основу оперативно-розыскной теории.

Результаты и обсуждение

В научных трудах, посвященных методикам расследования преступлений (частным криминалистическим методикам), приведены различные их структуры (А. Н. Васильев, В. А. Образцов, М. В. Субботин, И. А. Возгрин, С. Н. Чурилов и др.) [12; 13; 14; 15; 16]. Полагаем, что позицию Н. П. Яблокова по этому вопросу можно признать в качестве объединяющей основные точки зрения и в наибольшей степени применимой в научных разработках этих проблем в теории ОРД. По его мнению, структура специальных способов исследования должна состоять из:

- 1) уголовных особенностей криминального деяния;
- 2) стандартной криминальной обстановки, разновидностей в подходах исследования;
- 3) исходных и дальнейших методов исследования криминального деяния;
- 4) особенных принципов следственных мероприятий по направлениям выявления и раскрытия уголовного деяния;

- 5) индивидуальных познаний субъектов объективного исследования;
- 6) исходных принципов по профилактике правонарушений [17].

Следует отметить, что включение в структуру частной оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия отдельных видов преступлений тех или иных элементов требует научного обоснования и глубокой аргументации. Тем не менее проведенное нами исследование позволяет выявить ориентиры в решении этой сложной научно-практической проблемы. Думается, что в тех или иных частных оперативно-розыскных методиках могут присутствовать такие основные элементы, как:

1. Оперативно-розыскная характеристика соответствующего вида преступления.
2. Методика получения первичной информации об этих преступлениях и причастных к ним лицах.
3. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном и последующем этапах раскрытия преступлений.
4. Типовые оперативно-розыскные ситуации, возникающие на разных этапах раскрытия преступлений.
5. Меры противодействия криминальной среде в процессе выявления и раскрытия преступлений.

Представляется, что полноструктурная частная методика должна включать в себя комплекс (систему) оперативно-розыскных рекомендаций, охватывающий все схемы выявления и раскрытия преступлений определенного вида, включая как действия по принципу «от подозреваемого лица к преступлению», так и действия «от преступления к подозреваемому лицу» [7].

Думается, что структура частной методики не может восприниматься как отдельное предписание об отражении в методиках сведений обо всех без исключения ее элементах. В зависимости от вида преступления, особенностей применения оперативно-розыскных средств и методов для выявления и раскрытия частные методики могут содержать в большей степени сведения об одних элементах и в меньшей степени — о других.

Определив общие подходы к структуре частной оперативно-розыскной методики, перейдем к определению ее элементов применительно к деятельности по выявлению и раскрытию взяточничества в сфере образования. Анализ оперативно-розыскной практики позволил нам выявить трудности, с которыми сталкиваются оперативные сотрудники при выявлении и раскрытии указанных преступлений, и с учетом этого прийти к выводам о структуре и содержании частной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования.

Полагаем, она должна включать в себя ряд сведений:

- 1) об оперативно-розыскной характеристике взяточничества в сфере образования;
- 2) содержании действий, направленных на получение первичной информации о взяточничестве в сфере образования;
- 3) особенностях оперативной работы по выявлению взяточничества в сфере образования;
- 4) типовых оперативно-розыскных ситуациях, складывающихся по выявлению и раскрытию взяточничества в сфере образования;
- 5) особенностях подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и раскрытию взяточничества в сфере образования;
- 6) организации взаимодействия оперативного сотрудника и следователя при задержании с поличным преступника в момент совершения взяточничества в сфере образования.

Рассматривая возможную структуру частных оперативно-розыскных методик, необходимо определить в ней место такого элемента, как «характеристика среды совершения преступлений». На наш взгляд, это — вопрос дискуссионный, и заключается он в том, каким образом целесообразно рассматривать данную характеристику: либо как элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, либо как отдельный элемент в структуре частных методик. С нашей точки зрения, характеристику среды совершения преступления целесообразно выделить в качестве самостоятельного элемента в структуре частных методик раскрытия преступлений.

Судя по анализу структуры ряда диссертационных исследований, именно такой позиции придерживались их авторы. Так, С. Г. Мотин, разрабатывая методику выявления и раскрытия экономических преступлений на объектах воздушного транспорта, в первом параграфе первой главы своего исследования рассматривает главные факторы, влияющие на оперативную обстановку, процессы выявления и раскрытия экономических преступлений на объектах воздушного транспорта. Второй параграф первой главы работы называется «Основные черты оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых на объектах воздушного транспорта» [8].

Аналогичного подхода к построению структуры частных методик раскрытия преступлений придерживались В. М. Ганичкин, А. С. Поправко, В. В. Шишкин, Е. А. Якимович и др. [18; 19; 20; 21], отдельно рассматривая среду совершения преступления от оперативно-розыскной характеристики исследуемых преступлений.

Пояснения требует и момент, связанный с построением частной методики выявления и раскрытия взяточничества в сфере образования. Речь идет о типовых оперативно-розыскных ситуациях, применительно к которым и предполагается рассмотрение комплексов мероприятий по выявлению и раскрытию взяточничества в сфере образования. Включая характеристику типовых оперативно-розыскных ситуаций в структуру разрабатываемой частной методики, мы продвигаемся вслед за наблюдающейся в теории ОРД тенденцией новизны в исследовании.

Исследованию указанной проблематики посвятили свои труды такие известные ученые, как Г. А. Корнилов, Л. Л. Тузов и др. [6; 22]. Применительно к складывающимся типичным ситуациям Е. С. Дубоносов предлагает комплексы оперативно-розыскных мероприятий по оперативно-розыскному обеспечению государственной защиты участников уголовного судопроизводства [23]. В ряде работ рекомендации по оптимальному применению оперативно-розыскных сил, средств и методов по раскрытию отдельных видов преступлений изложены в отношении типовых ситуаций, что облегчает использование разрабатываемых методик в практической деятельности [24; 25].

Далее будет логичным охарактеризовать такую категорию ОРД, как оперативно-розыскная тактика и ее соотношение с оперативно-розыскной методикой. Изучением оперативной тактики занимались К. К. Горяинов, С. С. Овчинский, Г. К. Сенилов, В. М. Мешков, В. Л. Попов и др. [26; 27]. Чаще всего тактику определяют как совокупность (комплекс, систему) приемов и методов, с помощью которых осуществляются мероприятия, направленные на эффективное достижение целей ОРД, либо понятие тактики характеризуют как образ действия, линию поведения субъектов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, в той или иной ситуации с использованием необходимых средств и методов [28]. Оперативную тактику В. Г. Самойлов рассматривал в виде учений о теоретических наставлениях по использованию оперативно-розыскных действий и дея-

тельности субъектов ОРД [29]. Вместе с тем содержание тактики он определил как замысел оперативного сотрудника, законность его действий и рациональность такой позиции, исходя из практики противодействия преступности.

На основании изложенного можно утверждать, что элементами оперативно-розыскной тактики являются:

- отражение действительности общего замысла сотрудника оперативного подразделения, который состоит в понимании обстоятельств произошедшего, анализе своих возможностей и возможностей представителей криминальной среды;
- отражение действительности общего замысла сотрудника оперативного подразделения в целях постановки поручения для решения конкретной оперативно-тактической задачи.

Так, С. С. Овчинский в своих исследованиях определял тактику отдельным учением оперативно-розыскной науки, состоящей из правового сознания оперативного работника, исходной обстановки, в которой он находится, своих способностей для избрания образа действий в целях установления истины по совершенному противоправному деянию [26]. В. М. Мешков и В. Л. Попов предлагают понимать под термином «тактика» совокупность исходных предложений и вместе с тем указаний для совершения необходимых приемов и процедур при нахождении в той или иной оперативной обстановке, осуществлении действий в строгом соответствии с действующими законами в целях решения задач по изобличению преступников и действенному расследованию уголовных происшествий [27].

Указанная формулировка, по мнению авторов, включает в себя фундаментальные законы.

Во-первых, оперативно-розыскные действия — это комплекс процедурных ухищрений и деятельных шагов оперативного работника, которые складываются из основополагающих начал:

- посредством суммирования навыков оперативных работников с учетом их опыта противодействия криминальной среде;
- посредством выработки представителями науки своего видения решения задач противодействия. Данный способ направлен на формирование методов фиксации обычных и необычных материальных отпечатков противоправного деяния. К примеру, это характерно при выработке методики изъятия материальных следов персональных электронных носителей информации.

Сформированного навыка работы с указанными носителями недостаточно, а утрата данных в результате деятельности будет носить характер непростительных ошибок. Поэтому представителями науки рекомендовано изымать персональный носитель информации, чтобы изучали его данные профессионалы в привычных для них условиях.

Во-вторых, только после исследования складывающейся оперативно-тактической обстановки нужно использовать выверенные способы противодействия представителям криминальной среды. В противном случае это только будет вредить оперативно-розыскной практике противодействия.

В-третьих, деятельность оперативного работника должна осуществляться в правовом поле, с соблюдением правовых традиций и законов, действующих на территории нашего государства. Это относится и к нормам международного законодательства в соответствующей их части. Нельзя не учитывать, что возникают ситуации, в которых оперативно-тактическая обстановка не отражается в нормах действующего законодательства, и необходимо принимать жизненно

важные решения. Поэтому оперативному работнику приходится руководствоваться внутренним правосознанием, исходя из чести и собственного достоинства.

В-четвертых, следует понимать, что оперативно-розыскные действия направлены не только на разрешение сотрудником оперативного подразделения стоящих перед ним проблем противодействия преступности в целом, но и на возвращение деловой репутации тех или иных граждан, не по своей вине оказавшихся в непредвиденной ситуации в результате провокационных действий со стороны представителей криминальной среды либо элементарного оговора [27].

Выводы

С учетом приведенных различных точек зрения относительно определений оперативно-розыскной тактики и оперативно-розыскной методики попытаемся соотнести эти два понятия. Определения этих понятий следует разграничивать.

1. Оперативно-розыскная методика — это более широкое понятие, чем оперативно-розыскная тактика. Методика — это совокупное применение преимуществ, возможностей и приемов оперативно-розыскной практики. Тактика — набор действий в исходной оперативно-розыскной обстановке, которые необходимы для противодействия представителям криминальной среды.

2. Назначение методики — нахождение, добывание и реализация сведений, необходимых для установления лиц, совершивших преступное деяние. Для тактики назначением служит совершение оперативно-розыскных действий теми, в чью компетенцию это входит.

3. Оперативно-розыскная методика — это вскрытие уголовно наказуемого деяния, установление гражданина и человека, который его совершил. Задача тактики — предупреждение, раскрытие преступлений и розыск преступников.

Исходя из этого можно заключить, что оперативно-розыскная методика — понятие, являющееся более широким по объему целей и задач, нежели оперативно-розыскная тактика. Данная методика включает в себя:

- совокупное применение преимуществ, возможностей и приемов оперативно-розыскной практики;
- нахождение, добывание и реализацию сведений, необходимых для установления лиц, совершивших преступное деяние;
- вскрытие уголовно наказуемого деяния, установление гражданина и человека, который его совершил;
- использование передовых достижений научного прогресса и фундаментальных приоритетов.

Список источников

1. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1976. 720 с.
2. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность — необходимость и законность: монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской академии МВД РФ, 1997. 380 с.
3. Климов И. А. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как процесс познания (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Юридический институт МВД России, 1995. 47 с.
4. Синилов Г. К. О некоторых итогах развития теории оперативно-розыскной деятельности за последние 15 лет (1990–2005 гг.) и ее актуальных проблемах на ближайшую перспективу // Оперативник (сыщик). 2005. № 3. С. 9–13.
5. Климов И. А., Синилов Г. К. Предмет, система, методология, история и перспективы развития теории оперативно-розыскной деятельности: курс лекций по оперативно-розыскной деятельности. Вып. 1. М.: Юридический институт МВД России, 1995. 24 с.

6. Корнилов Г. А. Комплексные проблемы борьбы с преступными посягательствами на морские биоресурсы России. М.: Объед. науч.-техн. изд-во, 2003. 207 с.
7. Давыдов С. И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Барнаул: Изд-во Барнаульского юридического института МВД России, 2009. 264 с.
8. Мотин С. Г. Организация и тактика выявления и раскрытия экономических преступлений на объектах воздушного транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2005. 20 с.
9. Баранов П. А. Организационно-тактические особенности выявления и раскрытия преступлений, связанных с фальшивомонетничеством, совершаемых организованными преступными формированиями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2006. 20 с.
10. Серов М. Ю. Предупреждение, выявление и раскрытие преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005. 19 с.
11. Об итогах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России в 2003 году и задачах на 2004 год: директива МВД России от 23 марта 2004 года № 1 // Вестник МВД России. 2004. № 2/3. С. 67–88.
12. Васильев А. Н. О криминалистической классификации преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976). М.: Всесоюз. координац. бюро по проблемам криминалистики, 1976. С. 23–27.
13. Образцов В. А. Криминалистика. Избранные труды: сборник науч. тр. М.: Проспект, 2017. 368 с.
14. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. А. П. Резвана, М. В. Субботиной. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 232 с.
15. Возгрин И. А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 475 с.
16. Чурилов С. Н. Принципы разработки и построения частных криминалистических методик (по материалам военно-следственных органов): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. 209 с.
17. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 781 с.
18. Ганичкин В. М. Деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей и бланков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2006. 21 с.
19. Поправко А. С. Деятельность криминальной милиции по борьбе с налоговыми преступлениями в строительстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2008. 20 с.
20. Шишкин В. В. Организационно-тактические особенности деятельности по борьбе с экономическими преступлениями на предприятиях газовой промышленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007. 19 с.
21. Якимович Е. А. Выявление и документирование преступлений в сфере оборота банковских платежных карт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2004. 23 с.
22. Тузов Л. Л. Теоретические и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2003. 21 с.
23. Дубоносов Е. С. Теоретические и правовые проблемы оперативно-розыскного обеспечения государственной функции защиты участников уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2006. 27 с.

24. Методика оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию отдельных видов преступлений компетенции криминальной милиции: учеб. пособие. М.: Центр информационного и научно-методического обеспечения кадровой политики МВД России, 1999. 56 с.
25. Давыдов С. И. Проблемные вопросы теории оперативно-розыскной методики // Оперативник (сыщик). 2010. № 2 (23). С. 12–16.
26. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. М.: ИНФРА-М, 2004. 848 с.
27. Мешков В. М., Попов В. Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия: учеб.-практ. пособие. М.: Щит-М, 1999. 80 с.
28. Алексеев А. П., Сенилов Г. К. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт МВД СССР, 1973. 174 с.
29. Самойлов В. Г. Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел: учеб. пособие. М.: Изд-во Московской высшей школы милиции МВД СССР, 1984. 90 с.

References

1. Kondakov N.I. Logical dictionary-reference. 2nd ed. Moscow: Nauka; 1976. 720 p. (In Russ.).
2. Markushin A.G. Operational-investigative activity — necessity and legality. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 1997. 380 p. (In Russ.).
3. Klimov I.A. Operational-investigative activity of the internal affairs bodies as a process of cognition (problems of theory and practice). Doct. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1995. 47 p. (In Russ.).
4. Sinilov G.K. On some results of the development of the theory of operational-investigative activity over the past 15 years (1990-2005) and its topical problems in the near future. *Operativnik (syshchik) = The Field Investigator (Sleuth)*. 2005;(3):9-13. (In Russ.).
5. Klimov I.A., Sinilov G.K. Subject, system, methodology, history and prospects for the development of the theory of operational-investigative activity: A course of lectures on operational-investigative activity. Iss. 1. Moscow: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1995. 24 p. (In Russ.).
6. Kornilov G.A. Complex problems of combating criminal encroachments on Russian marine bioresources. Moscow: United Scientific and Technical Publ.; 2003. 207 p. (In Russ.).
7. Davydov S.I. Situational approach in the theory and practice of operational-investigative activities of internal affairs bodies. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2009. 264 p. (In Russ.).
8. Motin S.G. Organization and tactics of detection and disclosure of economic crimes at air transport facilities. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2005. 20 p. (In Russ.).
9. Baranov P.A. Organizational and tactical features of detection and disclosure of crimes related to counterfeiting committed by organized criminal groups. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2006. 20 p. (In Russ.).
10. Serov M.Yu. Prevention, detection and disclosure of crimes in the field of computer information. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2005. 19 p. (In Russ.).
11. On the results of the operational and official activities of the internal affairs bodies and the military service of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2003 and tasks for 2004: Directive of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 23, 2004 No. 1. *Vestnik MVD Rossii*. 2004;(2-3):67-88. (In Russ.).
12. Vasil'ev A.N. On the criminalistic classification of crimes. In: Methods of investigating crimes. General provisions. Proc. sci.-pract. conf. (Odessa, November 1976). Moscow: All-Union Coordinating Bureau for Forensic Problems; 1976:23-27. (In Russ.).
13. Obraztsov V.A. Criminalistics. Selected works: Coll. sci. pap. Moscow: Prospekt; 2017. 368 p. (In Russ.).

14. Rezvan A.P., Subbotina M.V., eds. Criminalistic methodology for investigating certain types of crimes (in 2 pts.). Pt. 2. Moscow: Information and Methodological Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2002. 232 p. (In Russ.).
15. Vozgrin I.A. Introduction to criminalistics: History, fundamentals of theory, bibliography. St. Petersburg: Law Center Press; 2003. 475 p. (In Russ.).
16. Churilov S.N. Principles for the development and construction of private criminalistic techniques (based on the materials of the military investigative authorities). Cand. legal sci. diss. Moscow; 1981. 209 p. (In Russ.).
17. Yablokov N.P., ed. Criminalistics: A textbook. 3rd ed. Moscow: Yurist; 2005. 781 p. (In Russ.).
18. Ganichkin V.M. The activities of the operational units of the internal affairs bodies to detect forgery, manufacture or sale of forged documents, state awards, stamps, seals and letterheads. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2006. 21 p. (In Russ.).
19. Popravko A.S. The activities of the criminal police to combat tax crimes in construction. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2008. 20 p. (In Russ.).
20. Shishkin V.V. Organizational and tactical features of activities to combat economic crimes at gas industry enterprises. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2007. 19 p. (In Russ.).
21. Yakimovich E.A. Detection and documentation of crimes in the sphere of circulation of bank payment cards. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2004. 23 p. (In Russ.).
22. Tuzov L.L. Theoretical and organizational-legal problems of operational-investigative support for the disclosure of crimes committed by minors. Doct. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2003. 21 p. (In Russ.).
23. Dubonosov E.S. Theoretical and legal problems of operational-investigative support of the state function of protecting participants in criminal proceedings. Doct. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2006. 27 p. (In Russ.).
24. Methods of operational-search measures for the disclosure of certain types of crimes within the competence of the criminal police. Moscow: Center for Information and Scientific and Methodological Support of the Personnel Policy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1999. 56 p. (In Russ.).
25. Davydov S.I. Problematic issues of the theory of operational-investigative methods. *Operativnik (syshchik) = The Field Investigator (Sleuth)*. 2010;(2):12-16. (In Russ.).
26. Goryainov K.K., Ovchinskii V.S., Sinilov G.K. Theory of operational-investigative activity: A textbook. Moscow: Infra-M; 2004. 848 p. (In Russ.).
27. Meshkov V.M., Popov V.L. Operational-investigative tactics and features of the legalization of information received during the preliminary investigation. Moscow: Shchit-M; 1999. 80 p. (In Russ.).
28. Alekseev A.P., Sinilov G.K. Actual problems of the theory of operational-investigative activity of internal affairs bodies. Moscow: All-Union Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1973. 174 p. (In Russ.).
29. Samoilov V.G. Operational-investigative tactics of the internal affairs bodies. Moscow: Moscow Higher Police School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1984. 90 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Ильичев — кандидат юридических наук, генерал-майор полиции, начальник; 664003, Иркутск, Литвинова ул., д. 15;

М. А. Трухин — кандидат юридических наук, доцент, директор; 656011, Барнаул, Ленина пр., д. 106е.

Information about the authors

D. A. Il'ichev — PhD in Law, Major General of Police, Head; 15 Litvinova st., Irkutsk 664003, Russia;

M. A. Trukhin — PhD in Law, Associate Professor, Director; 106e Lenin Ave., Barnaul 656011, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 16.03.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 16.03.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-259-264

Публичные и международно-правовые аспекты применения законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях

Юрий Владимирович Мишальченко¹, Давид Нугзарович Шартава^{2✉},
Мария Юрьевна Мишальченко³

^{1, 3} Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

² david.shartava@yandex.ru[✉]

³ mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

Аннотация. В настоящей статье авторами предпринята попытка рассмотрения некоторых правовых коллизий в законодательстве Российской Федерации (РФ) об административных правонарушениях. Актуальность настоящего исследования обоснована неблагоприятной статистикой о количестве совершаемых правонарушений, что свидетельствует о наличии проблем в данной области. Применение действующего законодательства РФ об административных правонарушениях сопровождается рядом проблемных вопросов, которые необходимо решать в процессе планомерной модернизации законодательства, направленной на разграничение юрисдикции административных органов, развитие оперативности и процессуальной экономии при осуществлении производства об административных правонарушениях, усиление превентивной функции публичного наказания.

Ключевые слова: правонарушения, административная ответственность, административные органы, публично-правовые нормы

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Шартава Д. Н., Мишальченко М. Ю. Публичные и международно-правовые аспекты применения законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 259–264. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-259-264>

Original article

Public and international legal aspects of application of the legislation of the Russian Federation on administrative offences

Yury V. Mishalchenko¹, David N. Shartava^{2✉}, Maria Yu. Mishalchenko³

^{1, 3} St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russia

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

² david.shartava@yandex.ru[✉]

³ mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

Abstract. In the present article the authors have attempted to consider some legal conflicts in the legislation of the Russian Federation (RF) on administrative offences. The relevance

© Мишальченко Ю. В., Шартава Д. Н., Мишальченко М. Ю., 2023

of the present study is justified by unfavourable statistics on the number of committed offences, which indicates the existence of problems in this area. Application of the current legislation on administrative offences is accompanied by a number of problematic issues, which must be resolved in the process of systematic modernization of legislation aimed at delimiting the jurisdiction of administrative authorities, development of efficiency and procedural economy in the implementation of proceedings on administrative offences, strengthening of the preventive function of public punishment.

Keywords: offences, administrative responsibility, administrative authorities, public law norms

For citation: Mishalchenko Yu.V., Shartava D.N., Mishalchenko M.Yu. Public and international legal aspects of application of the legislation of the Russian Federation on administrative offences. *Sociology and Law*. 2023;15(2):259-264. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-259-264>

Введение

Административные нарушения относятся к массовым правонарушениям на территории нашего государства. Законодательство Российской Федерации (РФ) об административных правонарушениях играет важнейшую роль в формировании правопорядка во всех сферах государственных и общественных правоотношений.

Статистика совершения административных правонарушений гражданами и юридическими лицами, приведенная в работе Т. М. Чапурко и Е. В. Ламонова, говорит о том, что с каждым годом их количество увеличивается [1, с. 565]. Указанное обстоятельство свидетельствует об актуальности настоящего исследования, направленного на выявление проблем в контексте темы статьи и формулирование предложений по их разрешению.

Тематика статьи послужила, в частности, предметом исследования для Т. М. Чапурко и Е. В. Ламонова (в работе «Некоторые предложения по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях» [1]), Г. В. Грешновой («Функции административной ответственности в системе функций юридической ответственности» [2]), Н. Г. Салищевой («Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации» [3]) и др. Однако ввиду отсутствия комплексных правовых изысканий можно утверждать, что проблематика, изложенная в настоящей статье, изучена недостаточно глубоко, а значит, представляет исследовательский интерес.

Материалы и методы

В целях исследования указанной проблематики нами использованы общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование) и специальные юридические (формально-юридический, формально-логический, методы юридического конструирования, технико-юридического анализа).

Итоги

Согласно ст. 1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), законодательство об административных правонарушениях включает в себя КоАП РФ и соответствующие законы субъектов РФ. Среди практикующих юристов, а также в юридическом научном сообществе по-

степенно складывается понимание того, что нормативно-правовая база, регулирующая правоотношения, возникающие в сфере административных правонарушений, является устаревшей и требует модернизации.

В частности, А. Г. Авдейко и Д. М. Газизов в своем исследовании пишут о том, что нормативно-правовая база, регулирующая правоотношения, возникающие в сфере административных правонарушений, подвергнута множеству изменений, которые внедрялись не планомерно, а стихийно. В результате действующий КоАП РФ оказался перегружен и противоречив [4, с. 7]. Стоит также привести в качестве примера другое суждение указанных авторов: «Необходимо констатировать, что, к сожалению, нередко вносимые в КоАП РФ изменения носят бессистемный, хаотический характер, приводят к увеличению количества составов административных правонарушений, что усложняет деятельность правоприменительных органов и негативно влияет на обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц» [4, с. 7].

М. С. Студеникина считает, что последствия множественных поправок довели состояние дел до критического предела, разрешить который станет возможным только путем полной переработки административного законодательства в сфере правонарушений [5, с. 35]. Н. Г. Салищева придерживается аналогичной позиции, полагая, что подобные стихийные поправки существенно усложнили практику применения КоАП РФ [3, с. 11].

Учитывая изложенное, можно утверждать, что действующая система нормативно-правового регулирования административно-деликтного законодательства характеризуется обширностью норм, применение которых зачастую сопровождается недостаточной правовой проработкой. В этой связи необходим правовой анализ направлений модернизации существующего КоАП РФ.

В научной среде ряд исследователей придерживаются позиции, согласно которой в настоящее время выход из сложившейся ситуации возможен лишь радикальным путем, заключающимся в отказе от предыдущего КоАП РФ и создании двух новых кодифицированных источников, регулирующих процессуальную и материальную стороны административных правонарушений. Нельзя не согласиться с доводами исследователей, придерживающихся мнения о том, что подобные изменения могли бы помочь структурировать существующую систему более качественно, чем действующий КоАП РФ [6, с. 455].

Изложенная позиция также согласовывается с общими принципами правовой системы РФ, согласно которой законодательство принято разделять на материальную и процессуальную части. Так, адепты этой концепции придерживаются мнения о том, что нормы действующего КоАП РФ можно разделить на материальные, регулирующие административную ответственность, и процессуальные, регулирующие порядок привлечения к административной ответственности [7, с. 16].

На наш взгляд, в случае применения данного формально-юридического подхода не учитывается сущность КоАП РФ и норм законодательства об административных правонарушениях, которые направлены на скорейшее разрешение указанных дел, в связи с чем указанные нормы применяются без отрыва друг от друга. Следовательно, модернизация действующего КоАП РФ должна осуществляться иными способами.

Так, необходимо уделить внимание развитию оперативности и процессуальной экономии при осуществлении производства об административных правонарушениях. В частности, данные принципы должны найти отражение в сроках рассмотрения соответствующих административных дел. Не можем не согласиться с позицией А. Г. Авдейко и Д. М. Газизова, которые полагают, что в процессе модернизации действующего КоАП РФ важно не заниматься копированием по-

ложений иных кодифицированных источников, а подстраивать каждую норму под специфику административных правоотношений [6, с. 458].

Реализации принципа оперативности при производстве по делам об административных правонарушениях может способствовать передача части административных дел на разрешение органов внутренних дел. Существует категория дел, которая относится исключительно к компетенции судебных органов. Вместе с тем отсутствие специальных знаний у судов в ряде областей зачастую не способствует справедливому рассмотрению дел. Настоящий подход позволит сократить время рассмотрения соответствующих дел, что существенно повлияет на возможность достижения целей предупреждения и пресечения административных правонарушений.

Однако ввиду загруженности сотрудников органов внутренних дел также стоит разграничить возможности совместного составления протоколов по одним и тем же нарушениям различными должностными лицами разных административных органов. Из подп. 11 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» следует, что на полицию возложены обязанности выявлять и пресекать правонарушения, осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных законодательством об административных правонарушениях к подведомственности полиции. В этой норме ключевым является указание на осуществление производства по делам об административных правонарушениях именно в пределах подведомственности полиции.

Между тем, например, исходя из подп. 1 п. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, должностные лица органов внутренних дел (полиции) уполномочены составлять протокол об административном правонарушении при осуществлении административных правонарушений, предусмотренных главой 8 КоАП РФ. Указанное согласуется с позицией ряда авторов, считающих, что в настоящее время органы внутренних дел перегружены полномочиями и работой, даже в части совершаемых правонарушений, которые по своей сути не могут относиться к их компетенции [6, с. 460].

В данной ситуации выполнение сотрудниками органов внутренних дел функций, не относящихся к их компетенции, входит в противоречие с нормами, изложенными в федеральных законах, а также необоснованно увеличивает бюджетное финансирование и не способствует надлежащему юрисдикционному производству. Представляется, что подобные правонарушения должны быть отнесены к юрисдикции иных компетентных органов.

Ключевую роль в системе производства по делам об административных правонарушениях играет понятие ответственности. А. Б. Агапов в своем исследовании выделяет такие функции административной ответственности, как превентивная, альтернативная, ограничительная, правозащитная [8, с. 12–14]. А. И. Стахов предлагает иную классификацию, согласно которой к функциям административной ответственности относятся лишь превентивная и охранительная [2, с. 181].

Учитывая обе классификации, в приведенном комплексе функций особое внимание следует обратить на превентивную функцию, основная задача которой состоит в предупреждении правонарушений как в отношении лица, совершившего правонарушение, так и относительно неопределенного круга лиц. Следовательно, можно говорить об опосредованном влиянии административной ответственности на всех граждан РФ.

В действующей правовой системе указанная функция не находит надлежащего отражения. В частности, согласно ст. 32.2 КоАП РФ, исполнение постановления о наложении административного штрафа в определенный период позволяет правонарушителю сэкономить половину стоимости штрафа. При таких обстоя-

тельствах снижение размера штрафа объективно не может способствовать предотвращению возможного нарушения. В связи с этим необходимо снизить количество составов правонарушений, которые могут быть оплачены в соответствии со ст. 32.2 КоАП РФ.

С учетом вышеизложенного можно утверждать, что применение действующего законодательства РФ об административных правонарушениях сопровождается рядом проблемных вопросов. Вместе с тем данные вопросы не должны быть решены кардинальным способом, как предлагают некоторые исследователи, то есть путем разделения КоАП РФ на материальные и процессуальные кодифицированные источники. Исследуемые проблемы следует решать на основе комплексного подхода, направленного на разграничение юрисдикции административных органов, развитие оперативности и процессуальной экономии при осуществлении производства об административных правонарушениях, усиление превентивной функции административного наказания посредством ужесточения ряда правовых норм.

Список источников

1. Чапурко Т. М., Ламонов Е. В. Некоторые предложения по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 12. С. 564–572. DOI: 10.20310/2587-9340-2019-3-12-564-572
2. Грешнова Г. В. Функции административной ответственности в системе функций юридической ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 180–185. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-1-180-185
3. Салищева Н. Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 9–22.
4. Авдейко А. Г., Газизов Д. М. Законодательство об административных правонарушениях: реформа или модернизация // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 6–14. DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-4-6-14
5. Студеникина М. С. Два законопроекта новой кодификации законодательства об административных правонарушениях: основные новеллы и их предварительная оценка // Административное право и процесс. 2017. № 9. С. 34–37.
6. Авдейко А. Г., Газизов Д. М. Реформирование законодательства об административных правонарушениях // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 454–467. DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-4-454-467
7. Стариков Ю. Н. Наступило ли время для разработки нового КоАП России? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4. С. 11–22.
8. Агапов А. Б. Административная ответственность: учебник. М.: Статут, 2000. 251 с.

References

1. Chapurko T.M., Lamonov E.V. Some proposals for improving the legislation on administrative offences. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*. 2019;3(12):564-572. (In Russ.). DOI: 10.20310/2587-9340-2019-3-12-564-572
2. Greshnova G.V. Administrative responsibility functions in the system of legal responsibility functions. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* = *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(1):180-185. (In Russ.). DOI: 10.36511/2078-5356-2020-1-180-185
3. Salisheva N.G. Problems of the legal regulation of the institute of administrative responsibility in the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative Law and Procedure*. 2014;(9):9-22. (In Russ.).

4. Avdeiko A.G., Gazizov D.M. The legislation on administrative offences: Reform or modernization. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii*. 2017;14(4):6-14. (In Russ.). DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-4-6-14
5. Studenikina M.S. Two bills of new codification of administrative offence legislation: Main novelties and preliminary assessment thereof. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*. 2017;(9):34-37. (In Russ.).
6. Avdeiko A.G., Gazizov D.M. Reforming the legislation on administrative offenses. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*. 2019;16(4):454-467. (In Russ.). DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-4-454-467
7. Starilov Yu.N. Is it time for a new code of administrative offenses of the Russian Federation? *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2014;(4):11-22. (In Russ.).
8. Agapov A.B. Administrative responsibility. Moscow: Statut; 2000. 251 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. В. Мишальченко — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и международного права СПбГМТУ; 190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3;
профессор кафедры конституционного и международного права СПбУТУиЭ; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Д. Н. Шартава — аспирант кафедры административного права и процесса СПбУТУиЭ; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

М. Ю. Мишальченко — ассистент кафедры гражданского и коммерческого права СПбГМТУ; 190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3.

Information about the authors

Yu. V. Mishalchenko — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of State and International Law of SMTU; 3 Lotsmanskaya st., St. Petersburg 190121, Russia; Professor at the Department of State and International Law of UMTE; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

D. N. Shartava — postgraduate student at the Department of Administrative Law and Process of UMTE; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

M. Yu. Mishalchenko — assistant of the Department of Civil and Commercial Law of SMTU; 3 Lotsmanskaya st., St. Petersburg 190121, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-265-273

Проблемы формирования и развития навыков будущих юристов в сфере правотворчества

Елена Михайловна Зорина¹, Андрей Владимирович Кузьмин²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ zorinaem@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9589-3678>

² ak78rus@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-5006-5705>

Аннотация. Авторами проанализированы проблемы формирования и развития навыков креативности будущих юристов в сфере правотворчества, а также представлены результаты открытого анкетирования, позволившего выявить не только знания студентов о природе правотворчества, но и их желание и умение в будущем создавать законы. В статье рассмотрены варианты правотворческой деятельности, проведен сравнительный анализ различных взглядов на этот процесс. Показаны педагогические инструменты, которые развивают креативность и могут разнообразить учебный процесс в вузе. Утверждается, что именно применение нестандартных форм и методов обучения студентов-юристов способствует достижению целей правотворчества и профессионально-личностному совершенствованию будущего профессионала. Сделан вывод о том, что развитие креативности в сфере правотворчества является актуальной проблемой современного юридического образования, которую можно решить с помощью специальных юридико-педагогических инструментов, позволяющих сделать учебный процесс более творческим и профессионально ориентированным.

Ключевые слова: законотворчество, правотворчество, нормотворчество, креативность, гибкие навыки

Для цитирования: Зорина Е. М., Кузьмин А. В. Проблемы формирования и развития навыков будущих юристов в сфере правотворчества // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 265–273. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-265-273>

Original article

Problems of formation and development of skills of future lawyers in the field of law-making

Elena M. Zorina¹, Andrey V. Kuzmin²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ zorinaem@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9589-3678>

² ak78rus@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-5006-5705>

Abstract. The authors have analyzed the problems of formation and development of law students' creativity skills in the sphere of law making and also the results of open questionnaire which allowed to reveal not only students' knowledge about the nature of law making but also their desire and ability to create laws in the future have been presented. The article deals with the options of law-making activity, a comparative analysis of different views of this process. Educational tools, which develop creativity and can diversify the educational

process in higher education institution, are shown. It is argued that it is the use of non-standard forms and methods of teaching law students contributes to the goals of law-making and professional and personal improvement of the future professional. It is concluded that the development of creativity in lawmaking is an urgent problem of modern legal education that can be solved with the help of special legal and pedagogical tools to make the learning process more creative and professionally oriented.

Keywords: lawmaking, rulemaking, creativity, flexible skills

For citation: Zorina E.M., Kuzmin A.V. Problems of formation and development of skills of future lawyers in the field of law-making. *Sociology and Law*. 2023;15(2): 265-273. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-265-273>

Введение

Современное общество нуждается в гражданах, обладающих определенным набором базовых навыков (речь идет о сотрудничестве, критическом мышлении, умении работать в режиме неопределенности и т. п.) и функциональной грамотностью, то есть готовностью применять полученные во время обучения знания, умения и навыки в повседневной жизни. При этом одним из ключевых элементов и личностным навыком (*soft skill*) является креативность — умение творчески подходить к решению разнообразных задач.

Актуальность исследования связана с тем, что студенты-юристы ввиду профессиональной направленности так или иначе будут сталкиваться в жизни с правотворчеством и правоприменением на различном уровне. Для достижения максимальной эффективности в этой сфере юридической деятельности им необходимы определенные навыки. Креативность — это практически синоним слова «творчество», которое входит в три русских термина, связанных с процессом создания законов, норм и правил, — нормотворчество, правотворчество и законотворчество. В английском языке для них существуют также три термина: *rulemaking*, *law creation*, *lawmaking*. Данный факт подтверждает и то, что при очевидном родстве указанных терминов они имеют ряд отличий, которые будут нами рассмотрены.

В условиях отсутствия законодательного регулирования правотворческой техники подобная регламентация осуществляется на внутриведомственном и корпоративном уровне. Так, «Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов» [1] утверждены исполняющим обязанности руководителя Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (РФ), и, следовательно, они не обладают юридической силой, выходящей за рамки деятельности подконтрольных российскому парламенту субъектов. Данный документ даже не имеет юридической силы постановлений Государственной Думы. Это лишь служебный документ, хотя и имеющий определенную юридическую значимость. Более того, ни в рекомендациях, ни в комментариях не приведены адресаты рекомендаций и даже не указана сфера их применения. Регламент Государственной Думы не содержит упоминания о необходимости подготовки законопроектов в соответствии с технико-юридическими нормативами.

Тем не менее любому гражданину, независимо от его профессиональной и статусной принадлежности, учитывая необходимость и желательность социально-активного поведения, в том числе и в сфере правотворческой деятельности, информация о порядке законопроектной деятельности позволит эффективно использовать возможности, предоставляемые в рамках реализации основных по-

литических прав. Прежде всего это — информация о том, как выступить с законотворческой инициативой, как ее оформить и о чем в ней писать.

Правотворческая деятельность является частью такого социального процесса, как правообразование, при котором общественные закономерности могут получить наивысшую степень реализации в виде нормативного правового акта, обеспеченного принудительной силой государства. По мнению Ю. В. Манаховой, «правотворческая деятельность есть форма государственного управления обществом, осуществляемая в строгих процедурно-правовых рамках и заключающаяся в теоретических и практических усилиях законодателя на основе познанных объективных закономерностей и согласования интересов различных слоев общества официально сформулировать правовые нормы или признать таковыми сложившиеся в обществе правила поведения для упорядочения юридически значимых общественных отношений в целях достижения положительных социальных результатов» [2, с. 64]. Существуют и другие взгляды на правотворчество: как на «процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства, формирования и принятия правовых актов уполномоченными субъектами в рамках соответствующих процедур» [3, с. 155–167]; как на «комплексный социальный институт правовой культуры, включающий механизмы формально-юридического, правоприменительного, научно-философского и социально-психологического воспроизводства права» [4, с. 123]; как на «процесс формирования системы источников права» [5, с. 13]. Однако в каждом из определений присутствует социальный фактор, отражено влияние на правотворческую деятельность общества. Именно поэтому такая деятельность должна занимать одно из ведущих мест при освоении студентами образовательных программ по направлению «юриспруденция».

Чаще всего в отечественной теоретико-правовой науке правотворчество, по сути, отождествляется с законодательной деятельностью государственных органов, реализующих законодательную функцию. Более точной оценкой соотношения данных институтов следует считать предположение о том, что законотворчество представляет собой «монополию государства, в то время как правотворчеством наряду с государственной властью могут заниматься негосударственные субъекты, обладающие соответствующими полномочиями (в качестве наиболее образного примера может рассматриваться правотворческая деятельность муниципальных образований, которые в соответствии с Конституцией не являются государственными органами, однако наделяются рядом государственных функций, к числу которых вполне можно отнести и правотворческую)» [6, с. 3].

В современной российской правотворческой сфере, наряду с нормативными правовыми актами, в качестве источников права официально признаются, формируются и наделяются юридической силой иные источники права. Действительно, «применимая норма права необязательно формулируется в нормативных актах. В России, например, она может быть выражена в постановлениях Конституционного суда РФ, международных договорах и конвенциях, правовых обычаях» [7, с. 79]. На нетипичность и вместе с тем юридическую состоятельность отдельных актов подзаконного уровня указывают ряд исследователей. Так, Я. Ю. Старцев, рассматривая поручения Президента РФ, пишет, что они не являются нормативными актами, и поэтому их нельзя отнести к правовым актам, но и к неправовым их тоже нельзя отнести. Это такой феномен, который неопределяем, а «просто существует» [8]. Ю. А. Кудрявцев указывает на нормативное значение Послания Президента РФ: «Несмотря на то, что послание адресовано Федеральному Собранию и строго юридически носит рекомендательный характер, на практике его положения подлежат практической реализации, как правило, в течение ближайшего года, а его адресатами являются также Правительство,

суды, органы государственной власти субъектов Федерации» [9, с. 85]. Кроме того, все более активное выражение получает позиция, в соответствии с которой в качестве источника следует рассматривать судебный прецедент [10; 11].

Для нашего исследования важны именно роль личности в правотворческом процессе в современном российском обществе и факторы, которые на нее влияют. По мнению В. В. Елистратовой, «культура правотворчества, будучи социально-правовым явлением, теснейшим образом связана с модернизационными процессами в обществе. Модернизацию в сфере наднационального правотворчества следует направить на создание целостной системы “работающих” законов, имеющих достаточные возможности и условия для их претворения в жизнь современного социума. А законодательская политика должна ориентироваться на правовые и нравственные ценности, которые определяют суть правового государства. Необходимо повышать общий уровень правовой культуры личности и общества» [12, с. 116]. Следовательно, проект нормы или закона должен быть ориентирован на перспективные социальные ожидания, поскольку сиюминутные цели не должны закладываться в их основу, так как приводят к «захламлению» правового материала и его частому изменению [13].

Именно законодательская инициатива личности наиболее интересна в рамках настоящего исследования, поскольку студенты еще только обучаются созданию проектов правил, норм и законов. Однако ее не следует путать с такой деятельностью лиц, как частное правотворчество, «направленное на урегулирование общественных отношений путем создания нормативных актов, распространяющих свое действие на определенную группу субъектов» [14].

В рамках существующего законодательства обычные граждане тоже могут предложить законопроект. Для этого нужно письменно обратиться к депутату Государственной Думы или сенатору, и, если предложение будет отвечать политической позиции субъекта права законодательной инициативы, законопроект может быть внесен на рассмотрение Государственной Думы. Кроме того, с 2013 г. любой гражданин может предложить закон через сайт Российской общественной инициативы (РОИ), в частности www.roi.ru. По правилам РОИ, предложение должно пройти модерацию, затем набрать более 100 тыс. голосов других граждан в течение года, и только в этом случае специальная экспертная группа решит, отправлять инициативу в Государственную Думу или отклонить ее. С момента создания сайта РОИ по 1 мая 2022 г. из 20 041 прошедших модерацию инициатив всего шесть стали законами. Еще 13 превратились в другие правовые акты [15].

Именно развитие креативности позволит в будущем увеличить число качественных проектов для правовых актов. Кроме того, креативные технологии служат основой роста интеллектуального потенциала студента, его профессионального мастерства в овладении специальностью [16].

Креативность (от англ. *creativity*) буквально означает «создание чего-то нового, не существовавшего прежде». Она «предполагает разработку нового продукта, идеи или решения проблемы, которые представляют ценность для отдельного человека и/или более широкой социальной группы» [17, с. 72]. Таким новым продуктом может стать и проект нормативного акта.

Креативность служит частью базовых навыков «4К», наряду с критическим мышлением, коммуникацией и коллаборацией. В 2020 г. на экономическом форуме представлен список десяти навыков, которыми должен владеть востребованный специалист к 2025 г.:

1. *Analytical thinking and innovation* — аналитическое мышление и инновации.
2. *Active learning and learning strategies* — активное обучение и стратегии обучения.
3. *Complex problem-solving* — комплексное решение проблем.

4. *Critical thinking and analysis* — критическое мышление и анализ.
5. *Resilience, stress tolerance, and flexibility* — жизнеспособность, стрессоустойчивость и гибкость.
6. *Creativity, originality, and initiative* — креативность, оригинальность и инициативность.
7. *Leadership and social influence* — лидерство и социальное влияние.
8. *Reasoning, problem-solving, and ideation* — рассуждение, решение проблем и воображение.
9. *Emotional intelligence* — эмоциональный интеллект.
10. *Technology design and programming* — технологии проектирования и программирования [18].

Материалы и методы

Экспериментальной площадкой исследования стал юридический факультет Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. Опрашиваемые были условно разделены на две группы: в первую группу (Г1) вошли 78 студентов 1-го и 2-го курсов, которые только начали получать знания в сфере юриспруденции; во вторую группу (Г2) — 36 магистрантов и аспирантов, трудоустроенных по юридической профессии.

Опрашиваемым предложено ответить на несколько вопросов (<https://forms.gle/bsGKYKcn92xQsHceA>):

1. Существуют ли в России методические рекомендации по оформлению законопроектов? (Варианты ответов: да, нет, не знаю.)
2. Кто может предложить законопроект? (Варианты ответов: депутат, президент, судья, любой начальник, любой человек.)
3. Каким образом вы можете представить свой законопроект? (Варианты ответов: написать президенту, разместить на специальном сайте, предложить депутату Госдумы своего округа, разместить в социальных сетях парламента.)
4. Какими навыками и знаниями должен обладать создатель законов?

Результаты

Полученные с помощью опроса экспериментальные данные проанализированы, и нами сделан ряд выводов.

Как уже упоминалось ранее, студентам необходимо изучать правила создания нормативных правовых актов, чтобы они получались более качественными. Однако полученные данные удивили. Группа Г2 разделилась: 18 уверены, что рекомендации по оформлению законопроектов существуют, а остальные 18 ответили, что не знают. При этом в группе Г1 68 студентов ответили «да» и только десять выбрали вариант «не знаю». Это, вероятно, указывает на то, что студенты цифрового поколения (именно 1-го и 2-го курсов) привыкли к тому, что для каждого сложного действия существует инструкция.

Второй вопрос посвящен знаниям о том, кто может предложить законопроект. Большинство участников из обеих групп выделили депутата и Президента РФ. О том, что законопроект может предложить любой гражданин, знали только десять опрашиваемых из группы Г2.

Третий вопрос напрямую связан со вторым и направлен на понимание того, как можно представить свой законопроект. По нашему мнению, он должен был наметнуть опрашиваемым на возможность любого гражданина участвовать в законодательной инициативе. Но, к сожалению, этого не произошло, хотя мож-

но было выбрать несколько вариантов ответа. Скорее всего, это связано с недостаточным уровнем сформированности критического мышления. Большинство опрошенных из группы Г2 предложили написать Президенту РФ, а из группы Г1 — разместить в социальных сетях. Это тоже указывает на различие в возрасте, поскольку цифровое поколение привыкло к цифровизации любых услуг. Вместе с тем обе группы сходны во мнении относительно того, что самый простой способ — предложить инициативу депутату своего округа.

На вопрос о том, какими навыками и знаниями должен обладать создатель законов, опрошенные могли предложить собственные варианты. Обе группы согласились с мнением о том, что самое главное — обладать широкими знаниями в области права и владеть юридической техникой. Следовательно, студенты-юристы считают, что правотворчество — удел «правограмотных». С одной стороны — это заблуждение, потому что люди, не имеющие специального юридического образования (как вариант — познаний в области права), могут самостоятельно развить в себе необходимые компетенции, в том числе правовую. С другой — именно юристам приходится проверять все законодательные инициативы, чтобы они не вступали в противоречие с имеющимися законами. Кроме того, группа Г2 отметила коммуникативность, ответственность, адекватность и желание помочь людям, а группа Г1 — умение искать и анализировать, применять логику, дальновидность, прагматичность и инициативность. Как ни странно, но даже минимальная разница в пять лет между группами существенно влияет на восприятие мира и себя в этом мире будущих и настоящих профессионалов.

Обсуждение

Развитие креативности студентов юридических факультетов в сфере правотворчества видится необходимым не только для профессионально-личностного развития будущего юриста, но и для создания в дальнейшем улучшенной законодательной базы. Экспериментальная часть исследования подтвердила актуальность проблемы правотворчества и формирования творческого мышления, а также живой интерес к этим областям у студентов.

Например, чтобы развивать правотворческую креативность, можно устраивать ролевые игры, моделирующие заседание Государственной Думы, судебный процесс и иные возможные варианты. Такое «командное творчество можно определить, как проистекающее из творчества отдельных членов команды или как кульминацию сложных взаимодействий внутри группы в целом» [19, с. 274]. При этом в последнее время часто креативность описывают с помощью четырех основных аспектов, выделенных В. Стейном. Американские исследователи, работающие в данном направлении, называют этот подход «4Р»: *creative product* (творческий продукт), *creative process* (творческий процесс), *creative person* (творческая личность), *creative press* (творческая среда или ситуации) [20]. Творческой средой будет имитация законотворческого процесса в рамках занятия со студентами, творческим продуктом — проект нормативного акта, творческой личностью — студент, а образовательный процесс — творческим процессом в том числе.

Общими целями задания, направленного на повышение уровня знаний в сфере правотворчества, являются:

- *дополнение научного или отраслевого опыта*, то есть определенные профессиональные организации должны дополнить свои знания. Можно с помощью кейс-метода задать студентам недоделанный проект и с помощью мозгового штурма предположить, какие организации и какие сведения должны предоставить;

- *дополнение деталей реализации*. Необходимо разработать, как возможно будет избежать санкций относительно данного проекта закона. Важно придумать их как можно больше и записать в виде «рыбьего скелета»;
- *дополнение гибкости*. Попытаться внести в готовый закон различные коррективы, отразив их на интеллект-карте;
- *поиск компромисса*. Несколько команд создают свой проект по одной социальной проблеме, а потом в дебатах ищут общее компромиссное решение.

Развитию креативности могут способствовать и такие приемы, как «облако слов», когда на специальном сайте (например, *облакослов.рф*) загружается известный закон, а затем студентам необходимо по ключевым словам разного размера (в зависимости от частотности употребления) понять, что собой представляет нормативный правовой акт или, как вариант, отрасль, подотрасль либо институт права.

Заключение

Развитие креативности в сфере правотворчества представляется актуальной проблемой современного юридического образования, которую можно решить с помощью специальных юридико-педагогических инструментов, позволяющих сделать учебный процесс более творческим и профессионально ориентированным.

Список источников

1. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/metod/> (дата обращения: 21.02.2023).
2. Манахова Ю. В. Правотворческая деятельность в современном российском обществе: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 222 с.
3. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2005. 516 с.
4. Синюков С. В. Механизм правотворчества: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 241 с.
5. Кузьмин А. В. Юридическая деятельность: проблемы единства позитивистского и естественно-правового начал. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, 2008. 144 с.
6. Бунина Ю. М. Правотворчество как вид юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 24 с.
7. Кузьмин А. В., Ушаков Н. А. Нетипичные источники в системе формально-юридических источников российского права // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 78–83. DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-78-83
8. Startsev I. Les instructions du Président de la Russie. Analyse d'un instrument d'action discrétionnaire // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2000. Vol. 31. No. 2. P. 139–158. DOI: 10.3406/reseo.2000.3028
9. Кудрявцев Ю. А. Образ демократии в посланиях Президента Федеральному Собранию: Россия на рубеже XX–XXI веков — становление конституционности и кризис государственности // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 3. С. 84–96. DOI: 10.26163/GIEF.2022.54.34.012
10. Морозова Л. А. К вопросу о судебном правотворчестве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 288–291.
11. Иванов Р. Л. Судебное правотворчество в Российской Федерации и источники российского права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 4 (25). С. 6–19.
12. Елистратова В. В. Модернизация в сфере наднационального правотворчества и культура правотворчества // Правовая культура. 2021. № 2 (45). С. 116.

13. Морозов И. Г. Правотворчество в органах исполнительной власти. Принципы правотворчества // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2. № 7 (19). С. 304–308.
14. Горшечникова Е. В., Иванова Е. А. Частное правотворчество как вид правотворчества // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 51. С. 361–367.
15. Бушин А. Как в России принимают федеральные законы. И как мы можем на это влиять // Тинькофф журнал. 2023. 16 апреля. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/law-and-order/> (дата обращения: 16.04.2023).
16. Chirkova E. I., Zorina E. M., Rezinkina L. V. Digital pedagogical cues for the development of creativity in high school // D. Bylieva, A. Nordmann, eds. Technology, innovation and creativity in digital society. Int. conf. on professional culture of the specialist of the future (PCSF 2021). Cham: Springer-Verlag, 2022. P. 858–867. (Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 345). DOI: 10.1007/978-3-030-89708-6_69
17. Hennessey B. A., Amabile T. M. Creativity // Annual Review of Psychology. 2010. Vol. 61. P. 569–598. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100416
18. The future of jobs report. Geneva: World Economic Forum, 2020. 163 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
19. Liu H.-Y., Chen N.-H., Wang I.-T. et. al. Predictors of individually perceived levels of team creativity for teams of nursing students in Taiwan: A cross-sectional study // Journal of Professional Nursing. 2021. Vol. 37. No. 2. P. 272–280. DOI: 10.1016/j.profnurs.2021.01.010
20. Щербакова Е. Е., Левичева Е. В. Феномен «Лингвистическая креативность» в современной психолого-педагогической науке // Вестник НГТУ им. П. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 4. С. 93–101.

References

1. Guidelines for the legal and technical design of bills. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/metod/> (accessed on 21.02.2023). (In Russ.).
2. Manakhova Yu.V. Law-making activity in modern Russian society: Theoretical aspect. Cand. legal sci. diss. Moscow: Russian Law Academy of the RF Ministry of Justice; 2005. 222 p. (In Russ.).
3. Kartashov V.N. Theory of the legal system of society. (In 2 vols.). Vol. 1. Yaroslavl: Yaroslavl State University; 2005. 516 p. (In Russ.).
4. Sinyukov S.V. Law-making mechanism. Cand. legal sci. diss. Saratov: Saratov State Law Academy; 2013. 241 p. (In Russ.).
5. Kuzmin A.V. Legal activity: Problems of the unity of the positivist and natural law principles. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Service and Economics; 2008. 144 p. (In Russ.).
6. Bunina Yu.M. Lawmaking as a type of legal activity. Cand. legal sci. diss. Synopsis. St. Petersburg; 2004. 24 p. (In Russ.).
7. Kuzmin A.V., Ushakov N.A. Atypical sources in the system of formal legal sources of Russian law. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2022;14(1):78-83. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-78-83
8. Startsev I. Les instructions du Président de la Russie. Analyse d'un instrument d'action discrétionnaire. *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2000;31(2):139-158. DOI: 10.3406/rece.2000.3028
9. Kudryavtsev Yu.A. The image of democracy in the messages of President to the Federal Assembly: Russia at the turn of XX-XXI centuries — the formation of constitutionality and the crisis of state. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovanii = Journal of Legal and Economic Studies*. 2022;(3):84-96. DOI: 10.26163/GIEF.2022.54.34.012
10. Morozova L.A. On the issue of judicial lawmaking. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*. 2014;(8):288-291. (In Russ.).
11. Ivanov R.L. Judicial lawmaking in Russian Federation and the source of Russian law. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*. 2010;(4):6-19. (In Russ.).

12. Elistratova V.V. Modernization in the field of supranational lawmaking and lawmaking culture. *Pravovaya kul'tura = The Legal Culture*. 2021;(2):116. (In Russ.).
13. Morozov I.G. Law-making in the executive power bodies. Principles of law-making. *Teoriya prava i mezhdgosudarstvennykh otnoshenii = Theory of Law and Interstate Relations*. 2021;2(7):304-308. (In Russ.).
14. Gorshechnikova E.V., Ivanova E.A. Private lawmaking as a type of lawmaking. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*. 2022;(51):361-367. (In Russ.).
15. Bushin A. How federal laws are passed in Russia. And how we can influence it. *Tin'koff zhurnal*. Apr. 16, 2023. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/law-and-order/> (accessed on 16.04.2023). (In Russ.).
16. Chirkova E.I., Zorina E.M., Rezinkina L.V. Digital pedagogical cues for the development of creativity in high school. In: Bylieva D., Nordmann A., eds. Technology, innovation and creativity in digital society. Int. conf. on professional culture of the specialist of the future (PCSF 2021). Cham: Springer-Verlag; 2022:858-867. (Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 345). DOI: 10.1007/978-3-030-89708-6_69
17. Hennessey B.A., Amabile T.M. Creativity. *Annual Review of Psychology*. 2010;61:569-598. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100416
18. The future of jobs report. Geneva: World Economic Forum; 2020. 163 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (accessed on 15.01.2023).
19. Liu H.-Y., Chen N.-H., Wang I.-T. et. al. Predictors of individually perceived levels of team creativity for teams of nursing students in Taiwan: A cross-sectional study. *Journal of Professional Nursing*. 2021;37(2):272-280. DOI: 10.1016/j.profnurs.2021.01.010
20. Shcherbakova E.E., Levicheva E.V. The phenomenon of "Linguistic creativity" in modern psychological and pedagogical science. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii*. 2012;(4):93-101. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. М. Зорина — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. В. Кузьмин — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. M. Zorina — PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

A. V. Kuzmin — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Process of the Law Institute; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 343.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-274-284

Достоинство личности как объект уголовно-правовой охраны

Артём Анатольевич Руденко¹, Виктор Дмитриевич Макроменко²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ 136rudenko@mail.ru

² m777vd@yandex.ru✉

Аннотация. Статья посвящена проблемам категории «достоинство личности» как объекта уголовно-правовой охраны. Авторами на основании научных методов предпринята попытка рассмотрения права на достоинство личности с позиции конституционного строя, нуждающегося во всесторонней защите. Признан факт преждевременности декриминализации деяний, предусмотренных ст. 129, 130, 297 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Показаны возможности Конституционного Суда РФ. Утверждается, что уголовно-правовая характеристика категории достоинства личности, имея широкий спектр влияния, распространяется на все сферы жизни нашего государства.

Ключевые слова: достоинство личности, право, юридическая категория, общенациональная идея, защита конституционного строя

Для цитирования: Руденко А. А., Макроменко В. Д. Достоинство личности как объект уголовно-правовой охраны // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 274–284. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-274-284>

Original article

Personal dignity as an object of criminal and legal protection

Artem A. Rudenko¹, Viktor D. Makromenko²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ 136rudenko@mail.ru

² m777vd@yandex.ru✉

Abstract. The article presents the problems of the personal dignity category as an object of criminal and legal protection. The authors, based on scientific methods, attempted to consider the right to personal dignity from the standpoint of a constitutional system, that requires comprehensive protection. The fact of anticipatory decriminalization of the acts provided for by Art. 129, 130, 297 of the Criminal Code of the Russian Federation (RF CC) is recognized. The possibilities of the Constitutional Court of the Russian Federation are presented. It is stated that the criminal and legal characteristic of the category of personal dignity, having a wide range of influence, extends to all spheres of life in Russia.

Keywords: personal dignity, law, legal category, national idea, protection of the constitutional system

© Руденко А. А., Макроменко В. Д., 2023

For citation: Rudenko A.A., Makromenko V.D. Personal dignity as an object of criminal and legal protection. *Sociology and Law. 2023;15(2):274-284.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-274-284>

Введение

Достоинство личности является значимой уголовно-правовой категорией. Изменения в отечественном уголовном законодательстве, внесенные в 2011 г., обнажили ряд проблем, связанных с указанной универсальной категорией.

Многогранность понимания данной универсальной категории прав человека, ее генезис, от античного понимания в социально-этическом смысле до средневекового духовно-антропологического и нравственно-гражданского смысла, определили в эпоху расцвета юридического позитивизма поворот к естественному праву, связанный с возрождением правового идеализма как нравственной необходимости [1]. Статья 2 Конституции Российской Федерации (РФ) гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Конституция РФ прямо защищает достоинство личности: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ст. 18 и 21). Право на достоинство личности выступает основой соблюдения иных конституционных прав посредством гарантий как условий и средств, принимаемых государством и направленных на обеспечение их осуществления, а также их охрану и защиту.

Нормы, охранявшие общественные отношения, связанные с достоинством личности, содержатся в ст. 129 «Клевета» и 130 «Оскорбление» Уголовного кодекса (УК) РФ, но утратили силу в связи с вступлением в силу Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Актуальными остаются статьи 128.1 (клевета), 298.1 (клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения РФ), 297 (неуважение к суду), 319 (оскорбление представителя власти), 336 (оскорбление военнослужащего) УК РФ.

Теория

Основу исследования составили положения общенаучного диалектического и логико-формального метода познания, а также использован комплексный и системный анализ законодательства. В числе частных методов — историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический, системно-структурный и др.

Как показывает системный анализ научной литературы, до настоящего времени не существует единого мнения относительно уголовно-правовой природы категории «достоинство личности». Этим обусловлено различное толкование, что указывает на недостаточность степени научной разработанности и является недопустимым при условии особой значимости влияния данной категории на широкий спектр сфер жизнедеятельности общества.

Достоинство как составляющая исследуемой уголовно-правовой категории — во многом лишь отражение в сознании индивида перечня принятых в социуме качеств. Достоинство связано с честью так, как связаны между собой взаимовытекающие категории. Акцент сделан на различии уровней воспитания, индивидуального развития и т. п.

Защита достоинства личности в большинстве стран определяется положениями Всеобщей декларации прав человека (1948). В ней постулируется, что достоинство

присуще каждому при неотчуждаемости и неотменяемости вытекающего из него права на свободу. Приобретенное с момента рождения достоинство признано личным нематериальным благом, и оно подлежит защите государством [2].

Декриминализация ряда преступлений (2011), связанных с нематериальными благами, в числе которых достоинство и честь, изменила первоначальные условия. С принятием поправок защита осуществляется в отношении отдельных видов деятельности (ст. 297, 319 УК РФ); социальных групп (ст. 282 УК РФ); нематериальных благ, при воздействии на них в качестве способа совершения другого преступления (ст. 133, 163, 179, 185.3, 306 УК РФ).

Законодатель также уточнил формы (пути): оскорбление (ст. 297, 282, 319 УК РФ); распространение заведомо ложных сведений (ст. 128.1 УК РФ) или порочащих (ст. 133, 163, 179, 185.3, 306 УК РФ) при наличии таких обязательных признаков, как распространение, порочность, ложность. Несоответствующими действительности признают утверждения о фактах или событиях, не имевших места в реальности либо в указываемое время. Соответствие действительности оценивает и проверяет суд. Относительно деяний, связанных с распространением негативных сведений (ст. 128.1, 298.1, 306 УК РФ), а также негативных сведений, в которых присутствует неконкретизированная угроза и/или шантаж (ст. 163, 179 УК РФ), признано обоснованным разделять все угрозы на угрозы-обещания и угрозы-опасность [3, с. 19]. Остается актуальной проблема диффамации (от лат. *Diffamatio*, что означает «порочить»), то есть распространения сведений в связи с защитой нематериальных благ, степень разработанности которой остается недостаточной.

Клевета как преступление, известное со времен Соборного уложения, связана с бесчестьем. В отношении данного понятия в более поздний период представлен широкий спектр взглядов. В аспекте деятельности публичного лица отметим, что клевету следует отличать от конструктивной критики. На это нацеливает суды Верховный Суд РФ в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Мы также разделяем мнение о бессмысленности выделения публичных лиц в отдельную категорию [4].

Произведенная законодателем декриминализация деяний (ст. 129, 130, 298 УК РФ), появление новых норм (ст. 128.1 и 298.1 УК РФ) с поправками (ст. 282, 297, 306, 319 УК РФ) нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении. В ряде государств право на достоинство личности не имеет текстового оформления, однако рассматривается как общее правило защиты конституционного строя. Конституция РФ прямо закрепляет право на достоинство личности, определяя его не субъективным правом отдельного индивида, а общенациональным характером формирования государственной политики и устройства общественной жизни.

Выделение исключительных особенностей правового статуса достоинства личности учитывает Конституционный Суд РФ. Как высший судебный орган конституционного контроля, он посредством конституционного судопроизводства обеспечивает защиту конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, что отражено в ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

Конституцией РФ также закреплено наличие специальных органов государства. Они, в свою очередь, наделены полномочиями, при помощи которых становится возможной реализация предусмотренных Конституцией РФ прав и сво-

бод человека и гражданина, что предполагает наличие нормативной правовой базы, регламентирующей их деятельность.

Результаты и обсуждение

Правовой оценке посягательств на достоинство личности с различных сторон посвящены исследования Т. Ю. Вавилычевой, Ю. В. Ганжа, С. А. Елец, В. Б. Поезжалова, Т. Ю. Савеличевой, К. А. Шахманаева и др. В научной литературе также отмечаются попытки отождествления категории «достоинство личности» с национальной идеей [5].

Права и свободы человека и гражданина остаются высшей ценностью, а обязанность их соблюдения и защиты — обязанностью государства. Указанная система защиты основных прав и свобод служит основным критерием правового демократического государства, который закреплен Конституцией РФ (ст. 2).

Принцип справедливости, выступая механизмом сохранения человеческого достоинства, недопустимости его унижения, является одним из ключевых элементов правовой природы права на достоинство личности. Это, в свою очередь, дает возможность наблюдать четкую взаимосвязь указанных принципов с достоинством личности, формируя тем самым единую систему, позволяющую государству гарантировать право на достоинство личности. Принцип равноправия как конститутивный признак справедливости остается основной и важнейшей стороной демократического государства [6].

Рассмотрение природы достоинства личности отдельные исследователи связывают и с его правоприменением, что особенно заметно в действующем гражданском законодательстве, где прослеживается четкое регулирование в аспекте защиты неимущественных прав. В частности, ст. 152 Гражданского кодекса (ГК) РФ устанавливает право любого субъекта гражданского оборота на защиту своей чести и деловой репутации. Законодательно указанные термины существуют в едином сочетании, без разграничения. При этом следует иметь в виду, что честь, выступая в качестве объекта защиты, является положительной социальной оценкой конкретного субъекта. Достоинство — правовая категория, определяющая общее равенство всех людей в определенном моральном отношении. Тем самым становится понятным, что различие между понятиями чести и достоинства выражено в наличии в структурной составляющей чести множества неправовых компонентов. Они не могут быть применены при защите того или иного права, то есть остаются без правового регулирования. Достоинство же, наоборот, имеет четко определенные границы правового регулирования [7, с. 59].

Актуальность проблемы диффамации обусловлена характером распространения сведений, как правдивых (О. А. Дюжева, Е. А. Михно, А. М. Эрделевский, Д. А. Самородов), так и только правдивых (С. Н. Андрианов, М. А. Ковалев, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Резник). Дискуссионность определения уголовно-правовой природы достоинства личности связана с тем, что определенная часть научного сообщества исходит из того, что достоинство личности выступает в виде определенной совокупности ценностей, присущих отдельному человеку, которые выражены в его морально-нравственных качествах, сформулированных исходя из потребностей окружающего его общества [8]. Однако и относительного этого тезиса нет единства мнений.

Например, И. Н. Штанько считает, что достоинство личности формируется исходя из общечеловеческих и индивидуальных свойств личности, регламентированных нормами права и морали. При этом данная категория включает в себя

не только внутреннее самоуважение индивида, но и выражает отношение к такому человеку со стороны других лиц, общества в целом [9].

Для изложенного подхода характерны широкие формулировки природы достоинства личности, излишнее выделение совокупности нравственно-религиозных и социально-культурных элементов. При этом не отражены важная составляющая факта приобретения и естественность характера достоинства личности относительно гарантий, то есть условий и средств, принимаемых государством и направленных на обеспечение их осуществления, а также их охрану и защиту.

Другая часть научного сообщества (их оппоненты), занимая диаметрально противоположную позицию, утверждает, что достоинство личности ни в каком виде не имеет связи с характерными особенностями индивида как части социума. Достоинство личности в первую очередь связано с верой человека в себя и его осознанием личных качеств. При этом оно не имеет прямого отношения к праву, так как защита достоинства личности и без того строго регламентирована на законодательном уровне [10, с. 22].

В данном случае, на наш взгляд, исследователи отдают предпочтение индивиду, не включая иные значимые аспекты природы достоинства личности.

В контексте вопроса о правовой конструкции достоинства личности следует обратить внимание на аспект достоинства личности, связанный с внутренним миром индивида, его убеждениями, социальными привычками, то есть тем, что находится в прямой взаимосвязи с общепризнанными моральными устоями общества.

Нуждается в более пристальном внимании и законодательная регламентация признания человека как наивысшей ценности для государства и общества. Не следует забывать об отнесении достоинства личности к числу первого поколения прав человека, которое включает в себя публично-правовые отношения между индивидом и государством по охране указанного права, фактически корреспондирующую обязанность государства в разработке и совершенствовании механизмов реализации естественных прав, иными словами, гарантий как условий и средств, принимаемых государством и направленных на обеспечение их осуществления, а также их охрану и защиту [11]. Неотъемлемое звено — детальная регламентация деятельности механизмов защиты основополагающих прав, а также наличие обязанности иных участников публичных отношений не совершать действия, способные нарушить или умалить достоинство других лиц.

Важно иметь в виду, что достоинство личности выступает уже как правовой институт, регламентирующий однородную группу публично-правовых отношений по реализации и защите права на достоинство личности. Специфика правового института достоинства личности выражена через комплексный характер его реализации, поскольку реализация достоинства личности имеет непосредственное отношение как к личным правам индивида, так и к политическим, экономическим, социально-культурным правам. В связи с этим составные элементы достоинства личности отражены в иных, помимо уголовного законодательства, отраслевых сферах регулирования общественных отношений.

Значимым представляется и вопрос о понимании достоинства личности как социального феномена, выступающего в качестве одного из основообразующих элементов системы конституционно гарантируемых и защищаемых прав и свобод человека и гражданина, со своей структурой, выраженной, в том числе, и в ценностно-мировоззренческих взглядах индивида. Следует помнить и о двойственности правовой природы достоинства личности, которая одновременно выступает и в качестве элемента регулирования публичных отношений, и как элемент среды личной жизни человека, в которой формируется понимание социальной

значимости достоинства личности каждого человека через призму принятия его как личной ценности.

В связи с тем, что Конституцией РФ права и свободы человека провозглашены наивысшей ценностью, гарантия их защиты является не менее важным элементом правового и демократического государства. Исходя из этого, взяв на себя обязательство по защите основополагающих прав, государство обязано соблюдать их конституционно-правовой смысл при разработке правовой базы. Указанное правило распространяется и на соблюдение конституционного права на достоинство личности, поскольку действующая правовая система, начиная от регулирования различных правоотношений и завершая функционированием государственных органов, базируется на императивности обеспечения «достоинства личности» — основном принципе правовой системы как нравственно-правовой ценности государства [12].

Нельзя не учитывать и то, что в конституционно-правовом смысле достоинство личности рассматривается, в том числе, и в виде отношения государства к правовому статусу того или иного субъекта как высшей социальной ценности. В связи с тем, что правовой статус определяют основы право- и дееспособности субъекта правоотношений, достоинство личности является необходимым элементом соблюдения и гарантии иных фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Ряд исследователей обращают внимание на то, что достоинство личности не выступает основным элементом сохранения вышеуказанных прав и свобод, поскольку право на жизнь служит первичным условием гарантии права на достоинство личности. В ином случае его реализация будет невозможной [10, с. 22].

Изложенное в контексте защиты основополагающих прав и свобод человека и гражданина, в особенности достоинства личности, влечет необходимость разграничения категорий «охрана» и «защита». Тем более что правовые гарантии охраны достоинства личности являются отличными от правовых гарантий защиты достоинства личности, но лишь в той части, в какой «защита» включает в себя элементы «охраны», только в наиболее ограниченном виде [13].

Уголовно-правовой аспект защиты достоинства личности предполагает рассмотрение совокупности правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения для реализации права на человеческое достоинство. Такая группа общественных отношений и создает правовые основы, гарантии и механизмы, позволяющие государству признать достоинство личности как наивысшее право любого человека, а также необходимость защиты, развития и компенсации в случае нарушения.

Сделан акцент и на том, что под гарантией и реализацией достоинства личности следует понимать наличие у того или иного субъекта внутренних механизмов защиты достоинства своей личности, которое подкреплено социальной значимостью и признанием со стороны государства данного права в виде высшей ценности. Это, в свою очередь, предполагает необходимость исследования ее структурной конструкции со всеми правами и свободами в целом, а не отдельно права на достоинство личности. Конституция РФ (ст. 1) констатирует, что Россия есть демократическое государство, а значит, защита прав и свобод человека и гражданина — цель функционирования, и, как следствие, обязанностью государства служит признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2).

Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в России гарантируется (ч. 1 ст. 45) и предполагает целенаправленную деятельность всех ветвей государственной власти. Каждая из этих ветвей власти должна самостоятельно стремиться к тому, чтобы предоставленные государством права и свободы

были закреплены не только на бумаге, а были защищены и реализованы в действительности, включая деятельность органов государственной власти и их должностных лиц [14].

Достоинство личности — основополагающее право любого человека с момента его рождения. Государство берет на себя обязательство защищать и гарантировать реализацию указанного права при помощи уголовно-правовых механизмов, наряду с признанием человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), а народа — носителем суверенитета и единственным источником власти (ст. 3 Конституции РФ), что составляет основу конституционного строя, нуждающегося в разносторонней защите.

С учетом того, что право на достоинство личности в системе основных прав и свобод человека и гражданина порождает дискуссию относительно критериев, необходимых для обеспечения исполнения и реализации указанного права, закрепленного Конституцией РФ (ст. 21), особая значимая роль в толковании отведена Конституционному Суду РФ. Его деятельность регламентирована упомянутым ранее Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Конституционный Суд РФ выступает прямым инструментом защиты основных прав и свобод человека и гражданина. Он выполняет функцию регулирования правильного применения, гарантии конституционных прав и свобод.

Современное общество находится в постоянном движении, в связи с чем законодательная база должна постоянно адаптироваться в условиях происходящих изменений. Поэтому проверка на соответствие Конституции РФ тех или иных нормативно-правовых актов либо их отдельных положений, осуществляемая Конституционным Судом РФ при рассмотрении дела, должна постоянно учитывать особенности национального общественного сознания и понимания контекста достоинства личности как определенной основы создания условий, в которых человек сможет достигнуть приемлемого статуса в жизни.

Вместе с тем существенные различия могут заключаться в объеме и характеристике конституционно-правового статуса достоинства личности, средствах достижения их гарантии и защиты и др. Особая значимость достоинства личности выражена не только в прямом запрете его исключения и умаления, но и в невозможности его ограничения, о чем свидетельствует ч. 3 ст. 56 Конституции РФ. Наличие взаимосвязи между конституционно-правовыми характеристиками категории достоинства личности и правовыми позициями Конституционного Суда РФ позволяет согласиться с исследователями, которые считают, что категория достоинства личности соединяет в себе уникальные принципы взаимосвязи и отношений каждой личности с обществом и государством [14].

Особую роль в гарантировании основополагающих прав выполняет не столько текст (буква закона), закрепленный в Конституции РФ, сколько дух закона, при определении достоинства личности в качестве высшей конституционной ценности. Этот факт проявляется в том, что сам по себе текст ст. 21 Конституции РФ предлагает абстрактную формулировку, регламентирующую, скорее, запретительно-охранительную форму. Однако поскольку достоинство личности находится в тесном взаимодействии с другими конституционными нормами, то конкретизация достоинства личности выражена через установление соответствующих запретов и совершение иных действий, которые прямым или косвенным способом могут умалить достоинство человека.

Ключевая особенность отечественного понимания правовой природы достоинства личности, которая должна быть учтена при рассмотрении дел и соответствующем толковании в Конституционном Суде РФ, состоит в особых свойствах

достоинства человека как универсальной категории. Их раскрытие тесно связано с нравственно-этическими традициями нашего общества.

Таким образом, при рассмотрении тех или иных дел в процессе осуществления конституционного контроля Конституционный Суд РФ дает конституционно-правовую оценку толкованию норм закона в отношении конкретного и безусловного права человека в соответствии с определенными временными рамками развития общества. Например, в 2021 г. Конституционным Судом РФ принято постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского», которым признано, что ч. 1 ст. 151 ГК РФ не в полной мере соответствует конституционному праву на достоинство личности. В основу решения Конституционный Суд РФ выделил элементы права на достоинство личности через реализацию механизма компенсации морального вреда в случае посягательства на неимущественные права конкретного субъекта.

Критерием соблюдения принципа динамизма конституционного статуса достоинства личности выступает необходимость движения от негативных особенностей статуса достоинства личности в направлении позитивного усиления нормативного регулирования данной категории. Иными словами, к целям Конституционного Суда РФ относится выявление сфер общественной жизни, в которых присутствует правовой пробел, прямым или косвенным образом ущемляющий основополагающие права. Тем самым постепенно возрастает степень защиты основополагающего права на достоинство личности. Процесс формирования позитивного подхода расширения и усиления защиты основополагающих прав Конституционный Суд РФ, на наш взгляд, может и должен содержать несколько этапов.

На первоначальном этапе необходима максимальная проработка функций механизма гарантий соблюдения достоинства личности в том объеме, который исключает наличие излишнего участия государства. Иными словами, речь идет о сокращении масштабов вмешательства государства в сферу жизни личности, а достоинство человека должно все больше приобретать статус неприкосновенности и недопустимости излишнего вмешательства. В дальнейшем требуется конституционно-правовое обоснование категории достоинства личности как основы всех прав и свобод человека и гражданина. И только затем дефиниции данной категории следует использовать в уголовно-правовой сфере с учетом происходящих процессов в современном обществе.

Выводы

Результаты исследования, связанного с проблемами достоинства личности как объекта уголовно-правовой охраны, привели к следующим выводам. Отсутствует единство мнений о правовой природе достоинства личности как объекта уголовно-правовой охраны. Выявлено, что часть авторов трактуют структурную составляющую природы достоинства личности слишком узко. Одни, например, выделяют наличие соответствующих регламентированных запретов, другие, наоборот, уделяют слишком большое внимание индивидуальному пониманию человеком своих личных качеств, которые в полной мере отвечают его запросу на реализацию достоинства личности.

В процессе рассмотрения вопроса относительно международного признания права на достоинство личности сделан вывод о наличии в международном сегменте большого количества нормативных правовых актов, разъясняющих возможности защиты, а также детализирующих актов о составных элементах

достоинства личности. В законодательной деятельности государство должно учитывать историческую, культурную, социально-религиозную сторону развития нашего общества и, исходя из этого, принимать решение об общепринятом понимании достоинства личности.

При рассмотрении категории достоинства личности сделан вывод о тесной взаимосвязи указанного права с правовыми принципами равенства и справедливости. Они являются ориентирами, не только позволяющими гарантировать равное количество прав и обязанностей, но и устанавливающими общий запрет на наличие какой-либо дискриминации. Речь идет и об основном ориентире, определяющем главные допустимые нормы поведения, не выходящие за рамки, которые могли бы позволить ущемить кого-либо в его правах.

При рассмотрении механизмов защиты и гарантии права на достоинство личности нами выделена особая значимость Конституционного Суда РФ, осуществляющего конституционный контроль. Конституционный Суд РФ, хотя и ставит перед собой задачу защиты и охраны основополагающих прав и свобод человека и гражданина, призван обеспечивать и динамизм путем позитивного обогащения конституционного статуса достоинства личности, защищая конституционный строй.

Указано на преждевременность декриминализации деяний (ст. 129, 130, 297 УК РФ). Акценты с уголовно-правовой защиты переместились в гражданско-правовую сферу.

Представляется допустимым использование законодательства советского периода в аспекте положительного правоприменения норм, регулирующих ответственность за распространение в СМИ недостоверных сведений в отношении должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей. Нуждается в уточнении норма ст. 306 УК РФ об использовании служебного положения, расширяющего сферу клеветнических измышлений, что должно быть учтено законодателем при правовой оценке поведения виновного.

Таким образом, вышеизложенное позволяет констатировать, что уголовно-правовая характеристика достоинства личности в системе прав и свобод человека и гражданина не ограничена конкретным субъектом или конкретными правоотношениями. Она имеет более широкий спектр влияния, распространяясь на все сферы жизни нашего государства.

Список источников

1. *Новгородцев П. И.* Нравственный идеализм в философии права (к вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 236–296.
2. *Вавильчева Т. Ю.* Современные проблемы защиты чести и достоинства личности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.
3. *Елец С. А.* Преступления, связанные с распространением порочащих измышлений: проблемы криминализации и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 26 с.
4. *Кудрявцев В. Н.* Механизмы социальной деформации // Вопросы философии. 1989. № 11. С. 3–13.
5. *Фоминская М. Д.* Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 29 с.
6. *Глухарева Л. И.* Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М.: Юристъ, 2003. 304 с.
7. *Сафаров А. К.* К вопросу о соотношении понятий «честь» и «достоинство» // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 58–61.

8. Савчук Е. Л. Честь и достоинство личности как объекты уголовно-процессуальных отношений // Российский следователь. 2008. № 17. С. 8–9.
9. Штанько И. Н. Достоинство личности как правовое явление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 24 с.
10. Блажевич Н. В. Профессиональная честь и достоинство полицейского как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 22–27.
11. Максименко А. В., Новопавловская Е. Е. Охрана достоинства личности в деятельности Конституционного суда Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 3. С. 140–147.
12. Колоколов Н. А. Теория судебных систем: монография. М.: Статус, 2014. 306 с.
13. Хашем Т. А. Конституционно-правовой смысл признания, охраны и защиты человеческого достоинства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2011. № 3. С. 42–47.
14. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М.: Эксмо, 2010. 1056 с.

References

1. Novgorodtsev P.I. Moral idealism in the philosophy of law (to the issue of the revival of natural law). In: Problems of idealism. Moscow: Moscow Psychological Society; 1902:236–296. (In Russ.).
2. Vavilycheva T.Yu. Modern problems of protecting the honor and dignity of the individual: Criminal law and criminological aspects. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: RUDN University; 2012. 26 p. (In Russ.).
3. Elels S.A. Crimes related to the dissemination of defamatory fabrications: Problems of criminalization and differentiation of responsibility. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Krasnodar: KubSAU; 2021. 26 p. (In Russ.).
4. Kudryavtsev V.N. Mechanisms of social deformation. *Voprosy filosofii*. 1989;(11):3-13. (In Russ.).
5. Fominskaya M.D. The idea of personal dignity and human rights in Christian legal thought. Doct. legal sci. diss. Synopsis. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021. 29 p. (In Russ.).
6. Glukhareva L.I. Human rights in the modern world (social and philosophical foundations and state-legal regulation). Moscow: Yurist; 2003. 304 p. (In Russ.).
7. Safarov A.K. To a question on a parity of concepts “honor” and “dignity”. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(1):58-61. (In Russ.).
8. Savchuk E.L. Honor and dignity of a person as objects of criminal proceeding relations. *Rossiiskii sledovatel'*. 2008;(17):8-9. (In Russ.).
9. Shtan'ko I.N. Personal dignity as a legal phenomenon. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service; 2006. 24 p. (In Russ.).
10. Blazhevich N.V. Professional honour and dignity of law enforcement officer as a methodological problem. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2015;(1):22-27. (In Russ.).
11. Maksimenko A.V., Novopavlovskaya E.E. Dignity of the person under the protection of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(3):140-147. (In Russ.).
12. Kolokolov N.A. Theory of judicial systems. Moscow: Status; 2014. 306 p. (In Russ.).
13. Khashem T.A. Constitutionally-legal sense of recognition, defense and protection of human dignity. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*. 2011;(3):42-47. (In Russ.).
14. Zor'kin V.D., Lazarev L.V., eds. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Eksmo; 2010. 1056 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Руденко — магистр частного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

В. Д. Макроменко — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

A. A. Rudenko — Master of Private Law; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

V. D. Makromenko — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 15.03.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 349.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-285-293

Оценка эффективности правовой деятельности профсоюзов на современном этапе

Елена Васильевна Проценко¹, Антонина Борисовна Черных²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ elenaprotsenko1999@gmail.com

² antonina_komar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4909-5672>

Аннотация. Статья посвящена регламентации деятельности профсоюзов. Отражены их несостоятельность в настоящее время, снижение их роли как института трудового права в современной России по сравнению с этапом становления их в СССР. Авторами кратко раскрыта проблематика их незначительной самостоятельности, независимости от работодателя и политики государства, а также изложен путь становления законодательной базы в области профсоюзных организаций. В качестве правового механизма рассмотрен один из основных инструментов защиты прав с помощью забастовки. Приведены примеры забастовок в СССР и современной России. Сделан вывод о необходимости реформирования законодательства в области деятельности профсоюзов с целью повышения их самостоятельности и независимости от работодателя и государственного аппарата.

Ключевые слова: профессиональный союз, права работников, профсоюзы СССР, трудовое право, забастовка, история профсоюзного движения

Для цитирования: Проценко Е. В., Черных А. Б. Оценка эффективности правовой деятельности профсоюзов на современном этапе // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 285–293. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-285-293>

Original article

Assessment of the effectiveness of legal activities of trade unions at the present stage

Elena V. Protsenko¹, Antonina B. Chernykh²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ elenaprotsenko1999@gmail.com

² antonina_komar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4909-5672>

Abstract. The article is devoted to the regulation of trade unions. It reflects their failure at the present time, the reduction of their role as an institute of labor law in modern Russia in comparison with the stage of their formation in the USSR. The authors briefly disclose the problems of their insignificant independence, independence from the employer and the state policy, as well as the way of formation of the legislative framework in the field of trade union organizations. As a legal mechanism, one of the main tools for protection of rights with the help of a strike is considered. Examples of strikes in the USSR and modern Russia are given. The conclusion about the need to reform legislation in the field of trade unions in order to increase their independence and autonomy from the employer and the state apparatus.

Keywords: trade union, workers' rights, trade unions of the USSR, labor law, strike, the history of the trade union movement

For citation: Protsenko E.V., Chernykh A.B. Assessment of the effectiveness of legal activities of trade unions at the present stage. *Sociology and Law*. 2023;15(2):285-293. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-285-293>

Введение

Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», действующий в настоящее время, принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. [1] С момента его принятия фактически не изменялись и не совершенствовались, а скорее, наоборот, сужены полномочия профсоюзных организаций. Можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время они находятся в непростом состоянии. Это связано с затянувшимся социально-экономическим кризисом в стране, несовершенством законодательства в области деятельности профсоюзов и трудового права.

К примеру, ст. 374 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) должна не допускать возможность увольнения по инициативе работодателя руководителей (их заместителей) выборных коллегиальных органов с предварительного согласия соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа. Данная норма должна максимально гарантировать защиту профсоюзному лидеру. В действительности судебные органы относятся к этому запрету неоднозначно. Профсоюзный лидер не защищен от увольнения по причине сокращения штата. Этим с успехом пользуются работодатели. Кроме того, законодательство не содержит требования о невозможности увольнения до вступления в силу решения суда, удовлетворяющего требование работодателя о признании необоснованным отказа профсоюзного органа. Следовательно, если на дату увольнения решение суда еще не вынесено, но впоследствии суд его примет (решение об отказе признается необоснованным с момента принятия), сокращение профлидера будет законным.

Теория

Для того чтобы составить полную картину правовой регламентации профсоюзных объединений, необходимо проанализировать процесс их возникновения в нашей стране.

Историческим событием стоит назвать состоявшуюся впервые конференцию профсоюзов России. Событие проходило с 24 сентября по 7 октября 1905 г. А уже 4 марта 1906 г. издан Закон о профсоюзах, получивший название «Временные правила о профессиональных обществах». Это — первый правовой документ, который регулировал деятельность профсоюзов [2]. Впоследствии появилась Организационная комиссия по созыву Всероссийской конференции профсоюзов.

Временный Всероссийский центральный совет профессиональных союзов, избранный в июне 1917 г., сохранял полномочия до первого съезда профсоюзов. Избрание состава Временного совета состоялось из участников Исполнительного комитета профсоюзного движения. В. П. Гриневич, выступавший как теоретик меньшевиков и сторонник нейтралитета профсоюзов по отношению к политике, избран председателем Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Впоследствии он подал в отставку. Его решение напрямую связано с состоявшейся Октябрьской социалистической революцией, и оно было

знаком протеста против силового захвата власти большевиками. VI съезд профсоюзов, проходивший в середине ноября 1924 г., утвердил переименование Всероссийского профсоюза в более значимый по масштабу и силе ВЦСПС.

Советские профсоюзы получили наибольший расцвет с 1960 по 1980 г. Это связано с потребностью решать задачи экономического, социального, культурного характера. Устав профсоюзов служил актом, управляющим строением профсоюзов, он также регулировал компетенцию их органов, законные права и обязанности его членов.

В уставе было закреплено, что профсоюзы СССР обладают правом законодательной инициативы (в лице своих общесоюзных и республиканских органов), строятся на основах демократического централизма и организуются по производственному принципу. Уставом определены структура и функции профсоюзных органов. Основой профсоюза являлись первичные профсоюзные организации, объединяющие членов профсоюза, работающих в одной организации либо обучающихся в одном учебном заведении, при наличии не менее пяти членов профсоюза. Высший руководящий орган первичной организации — общее собрание членов профсоюза.

В СССР на предприятиях было несколько уровней социального влияния. Часто сотрудники являлись членами партии, руководителями и передовиками. Молодые рабочие практически все состояли в комсомоле, в том числе работники были под надзором профсоюзов. Профсоюз действовал через материальное стимулирование, по сути, он занимался распределением благ. Помимо стимулирования при профсоюзах существовали товарищеские суды. Товарищеские суды как выполняли защитные функции в отношении работников, так и могли порицать за поступки или недобросовестный труд. В современной России товарищеские суды — редкость, и существуют они лишь в уставах некоторых территориальных общественных самоуправлений.

Кроме того, при профсоюзах на предприятиях создавали советы молодых специалистов, ветеранов и других социальных страт работников, которые решали насущные проблемы коллектива. Профсоюзы также занимались развитием культуры, организацией кружков, библиотек, красных уголков, стимулировали развитие самодеятельности, активно развивали туристические кружки, вели спортивные направления.

Коренные законодательные инициативы позволили масштабно увеличить функциональные возможности и права профсоюзов. В 1958 г. принято Положение о постоянно действующем производственном совещании на промышленном предприятии, стройке, в совхозе и положение «О правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза». В 1970 г. законодательно закреплены положения, которыми профсоюзы пользовались ранее. Речь прежде всего идет о праве законодательной инициативы ВЦСПС, а также республиканских советов. При участии республиканских советов приняты фундаментальный пенсионный закон и закон о сокращении трудового времени [3]. Одним из важнейших инициатив профсоюзов стало принятие порядка рассмотрения трудовых споров. Указанный порядок показал сполна эффективность в советский период. Не менее значимы постановления о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим, о коллективном садоводстве и огородничестве рабочих и служащих [3]. В 1971 г. принято новое Положение о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза. В 1973 г. Совет министров и ВЦСПС утвердили Положение о постоянно действующем производственном совещании. В 1974 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР утверждено Положение о порядке рассмотрения трудовых споров [4].

Далее судьба профсоюзов коренным образом изменилась, что прежде всего связано с распадом СССР. Профсоюзы исключили не только из политического процесса, их роль и на предприятиях зачастую стала ослабевать.

11 июля 1989 г. впервые трудящиеся горных предприятий (шахтеры) провели забастовку. 9 октября 1989 г. принят Закон СССР № 580-1 «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)», в котором впервые в истории СССР и России на законодательном уровне признано право работников на забастовку. В СССР первостепенной задачей было удовлетворение в полной мере всех ценностей трудящегося общества. Материальные, духовные, культурные запросы трудящихся должны были обеспечить эффективный труд.

Мотиваций для подобного рода акций не было. Под контролем профсоюзов права трудящихся были защищены. Предприятие могло нарушить права рабочего, то есть сократить сотрудника без уведомления и согласия профсоюза. Гражданин обращался в судебные инстанции, и его чаще всего восстанавливали на том же месте и на том же предприятии, даже если увольнение было не обоснованным [5].

Без прямого участия профсоюзов в Советском Союзе не рассматривали к принятию ни один закон или решение, которые могли быть связаны с трудовыми отношениями. До этого момента забастовки имели единичный характер. Самым ярким можно назвать случай, произошедший с рыбаками крупного траулера «Чернышевский», занимавшегося добычей краба в Охотском море [6, с. 108].

События начались 31 мая 1961 г. 70 рыбаков отказались заниматься добычей. Основной задачей для них было донести требование о необходимости повышения заработной платы. Снижение стоимости сделок по сравнению с предыдущими периодами повлияло на доходы моряков. Одним из зачинщиков высказана позиция о необходимости продолжения недовольства до тех пор, пока требование по повышению заработной платы не будет выполнено в полном объеме. Уникальность данного случая состоит в том, что ни участники событий, ни руководство в разговорах не использовали термин «забастовка», стараясь его избегать. Это продиктовано нежеланием связывать советскую власть с неприятным термином «капитализм», а затеявших забастовку связывали с противниками коммунизма, врагами народа и противниками партии. Капитан рыболовного траулера заявил: «Те, кто отказываются выполнять распоряжения и работать, могут увольняться» [6, с. 107].

Еще один случай произошел в г. Новочеркасске Ростовской области. Город считался периферийным, и отношение к нему было второстепенным. Продовольственная нехватка стала ярким тому подтверждением. Цены на рынке были необоснованными, часто завышенными в несколько раз. Прилавки магазинов пустовали, отсутствовали мясные и молочные продукты. Даже картофель отсутствовал в городе, а очереди за ним формировались с глубокой ночи [7].

В городе располагался завод. 1 июня 1962 г., к началу рабочего дня, более 200 рабочих цеха по производству наотрез отказались выполнять трудовые обязанности, вышли к комбинату и начали активно высказываться о происходящей ситуации. Руководство завода не смогло успокоить работников. Часть из них объявили забастовку, другие вышли на улицу. Первый секретарь Ростовского обкома не смог изменить ситуацию. Ближе к ночи в город приехали солдаты на военной технике. Законодательство не предусматривало порядка действий и принцип использования Вооруженных сил в случае массового протеста и беспорядков. Тем не менее и о запрете на использование военной силы не говорилось. Позднее данные события власти оценили как антисоветское поведение отдельных элементов общества и несознательных работников завода. Действия армии признаны в этой ситуации законными.

В настоящее время право работников на забастовку гарантировано ст. 37 Конституции РФ, а порядок ее организации и проведения регламентирован положениями ТК РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

В 1990-е гг. профсоюзы исключены из политического процесса. Принят Закон СССР от 10 декабря 1990 г. № 1818-I «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности». Статья 3 провозгласила независимость в своей деятельности от органов государственного управления, хозяйственных органов, политических и других общественных организаций, которым профсоюзы неподотчетны и неподконтрольны. Запрещено было всякое вмешательство, способное ограничить права профсоюзов или воспрепятствовать их осуществлению, если иное не предусмотрено законом. Сложный для страны период, связанный с комплексными преобразованиями с 1990 по 1992 г., отмечен стремительным темпом роста забастовок.

В производственной, добывающей и промышленной сферах пиком стал 1991 г. Угольная отрасль была «флагманом» забастовок и особенно чувствительно своим протестным настроением отразилась на государственной политике.

Результаты и обсуждение

Резкое снижение доходов, скачки цен, безработица не могли не сказаться на обстановке внутри страны. 1992 г. запомнился забастовками бюджетников, учителей и врачей.

К 1993–1994 гг. статистика показала снижение числа забастовок. Более того, в 1993 г. в бюджетных организациях их не происходило. Тем не менее это не является свидетельством снижения общей социальной напряженности, а связано прежде всего с тем, что в указанный период профсоюзы бюджетников вынуждены были использовать радикальные формы протеста: пикеты, шествия, митинги, поскольку забастовки не приносили желаемого результата [8]. 23 ноября 1995 г. Президентом РФ Б. Н. Ельциным принят Закон № 175-ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров». В ст. 14 данного Закона установлен порядок профсоюзов принимать решение об объявлении забастовок. Однако указанная статья ограничивает возможность объявления забастовки без необходимого кворума: не менее двух третей от общего числа работников, членов профсоюзной организации (делегатов конференции). В ст. 22 предусмотрено, что забастовка профсоюза может быть признана незаконной.

Недействующий в настоящее время Закон воплотил свои нормы в главе 61 ТК РФ. В указанной главе установлены не только порядок и разрешение коллективных трудовых споров, но и органы, которые рассматривают такие конфликты.

Новая череда забастовок приходится на 1995–1997 гг. При этом 1997 г. стал пиком, насчитывалось около 17 тыс. забастовок. В этот период апогеем стали забастовки бюджетников, несмотря на существенное количество недовольных в промышленности. В образовании их количество превысилось в три раза, что связано в первую очередь с задержками и невыплатами заработной платы учителям и педагогам [9, с. 97].

В 2000-х гг. профсоюзы ослаблены еще сильнее, так как, согласно предыдущему сформировавшемуся порядку, если главенствующий профсоюзный орган не изъявит волю на увольнение профсоюзного лидера, то уволить лидера профсоюзной организации будет невозможным. Это основное отличие статуса лидера от рядового участника профсоюзного органа, если согласие вышестоящей организации получать необязательно, а требуется лишь мнение лидера профсоюзной организации.

Очередной съезд Федерации независимых профсоюзов состоялся в Москве в ноябре 2001 г. IV съезд и его решения дали надежду на перемены в области профсоюзного права [10].

Однако уже в 2002 г. вступил в силу ТК РФ, в котором существенно ограничено право на забастовку. Внесенные изменения многократно усложнили процесс выхода на забастовку, тем самым работники начали бастовать без выполнения требований закона либо организовывать иные протестные действия. В любом случае эти мероприятия нельзя было считать забастовками.

В 2004–2005 гг. наблюдается новый период забастовочного движения. В эти годы общее число бастующих возросло в 23 раза, а порой и в 35 раз, по сравнению с 2003 г. Прежде всего рост связан с принятием Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, а равно и неотъемлемых с ним факторов бюджетного преобразования, спровоцировавших ряд протестов [11]. Малозащищенные слои населения и другие льготники протестовали в связи с урезанием льгот в рамках процесса, получившего название «монетизация». Последняя, по их мнению, коренным образом затрагивала права таких слоев. Работники бюджетных учреждений ощущали острое материальное неблагополучие, к которому привели возросшие тарифы на оплату услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства [12].

В последующие годы забастовки рабочих практически прекратились, профсоюзы были вынуждены адаптироваться к новым условиям. Роль профсоюзов стала угасать. Профсоюзы стали говорить о том, что их отодвинули на задний план. Конституция РФ дает право трудящимся организовывать и проводить забастовки. ТК РФ, в свою очередь, должен подробнее раскрывать процедуру их объявления и проведения. Но практика свидетельствует о том, что процесс невыполним. Связано это с длительностью и многозадачностью согласования документов, которые требуют должного оформления. Остается высоким и влияние работодателя, который способен сорвать процедуру по своему желанию [13].

С этого момента профсоюзы лишь приспосабливаются к современным реалиям, находясь строго ограниченными в своих возможностях. Профсоюзные лидеры знают о том, что они ограничены в правовом поле, и часто не готовы идти на конфликт с работодателями.

В 2012 г. по инициативе Федерации независимых профсоюзов России создана новая политическая партия «Союз труда». Одной из ее главных задач стало усиление роли профсоюзов в России. Задачи партии тесно переплетаются с уставами отраслевых профсоюзов. Эта попытка возложить на российские профсоюзы политическую функцию, которой они лишены с периода распада СССР.

В 2020 г. партия «Союз труда» ликвидирована решением Верховного Суда РФ. Истцом по делу о ликвидации партии выступило Министерство юстиции РФ. Партия не смогла реализовать поставленные задачи, не участвовала в выборах. В итоге Минюст, опираясь на данные Центризбиркома, обратился в Верховный Суд РФ с административным иском. Лидеры отраслевых профсоюзов и территориальных профобъединений не поддержали идею о возрождении партии. Это еще раз наглядно демонстрирует слабость профсоюзных объединений, их несамостоятельность и удаленность от политической жизни страны [14].

2020 г. стал очень сложным для профсоюзов, свой «вклад» в это внесла пандемия COVID-19. В Федерации независимых профсоюзов России начал работу оперативный штаб по борьбе с угрозой распространения коронавирусной инфекции. Оказалось, что профсоюзы не готовы выполнять возложенную на них функцию. Задачи помогать работникам и их организациям формировать политику реагирования на COVID-19, защищать социальную справедливость и права трудящихся шли в противовес интересам руководства организаций. Практически

сразу стало понятным, что профсоюзы срочно нуждаются в разработке новых стратегий для решения проблем восстановления занятости, укрепления систем безопасности и гигиены труда, а также достижения всеобщей социальной защиты. Одним из наиболее громких примеров послужило отсутствие механизма влияния профсоюза работников здравоохранения на сложившуюся ситуацию, связанную с компенсационными выплатами медицинскому персоналу, работающему с больными *COVID-19*.

Профсоюзы оказались бессильны и при защите прав работающих удаленно сотрудников, связанных с компенсацией расходов на организацию труда. Согласно ст. 312.6 ТК РФ, работодатель обязан обеспечить работника требующимися инвентарем и оборудованием для дистанционного выполнения должностных обязанностей, в том числе компьютерными, техническими. Организации должны позаботиться и о безопасности данных, обеспечив персональную защиту сведений. По-видимому, реализовать защиту прав сотрудника, работающего удаленно, профсоюзу не под силу ввиду слабой законодательной и правовой базы. Профсоюз и работник, трудящийся на дому, фактически не взаимодействуют, а устав профсоюзной ячейки не содержит механизма, позволяющего гарантировать интересы сотрудника.

2021–2022 гг. показали тенденцию к сокращению профсоюзных организаций и еще большую потерю их значимости. Обеспечение достойной жизни адвокатов России стояло во главе складывающегося общественного союза. В этом же году Московский городской суд ликвидировал общественную организацию «Профсоюз журналистов и работников СМИ», созданную в 2016 г. [15; 16].

Выводы

Профсоюзы все больше вытесняют из большой политики. Несомненно, им необходимо участвовать в выработке современных трудовых отношений. В России существует высокий спрос на защиту прав работников, но сегодня профсоюзы с этим не справляются. Целесообразно реформировать законодательство как в области деятельности профсоюзов, так и относительно положений ТК РФ. Расширять их права и давать им больше свободы, иначе к определенному моменту понятие «профессиональный союз» останется лишь на бумаге.

Список источников

1. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федер. закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ (последняя редакция) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения: 15.04.2023).
2. О временных правилах об обществах и союзах: Именной Высочайший указ от 4 марта 1906 г. // Собрание узаконений. 1906. 7 марта. Отд. I. Ст. 308.
3. Профессиональные союзы СССР // Вологодская областная универсальная научная библиотека: офиц. сайт. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/981.htm> (дата обращения: 15.04.2023).
4. Профессиональные союзы СССР // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969-1986. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/13851/professionalnye-soyuzy-sssr.htm?ysclid=ljpssx86vv470667910> (дата обращения: 15.04.2023).
5. 9 октября 1989 года в СССР признано право работников на забастовку // ФинКалендарь. URL: <https://finkalendar.ru/articles/v-sssr-priznano-pravo-rabotnikov-na-zabastovku> (дата обращения: 16.04.2023).
6. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2010. 462 с.

7. Новочеркасск: энциклопедия / сост., ред. Ю. П. Белоусов, Н. В. Белоусова. Новочеркасск: Novoprint, 2005. 719 с.
8. Герасимова Е. С. Коллективные трудовые споры, забастовки и протесты в России: влияние законодательства и правоприменительной практики на их распространенность и применение // Журнал российского права. 2016. № 9 (237). С. 55–65. DOI: 10.12737/21221
9. Бондарев В. Г., Моор А. Социальное партнерство и трудовой конфликт в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 4. С. 89–101.
10. Шершуков А. Профсоюзам нужна санация // Солидарность. 2021. 26 сентября.
11. О внесении изменений в законодательные акты РФ и признании утратившими силу некоторых законодательных актов РФ в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»: федер. закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (последняя редакция) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025/ (дата обращения: 15.04.2023).
12. Козина И. М. Индустриальные конфликты в современной России // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 3. С. 16–32. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204980/ecsoc_t10_n3.pdf (дата обращения: 10.02.2023).
13. Бизюков П. Почему беспомощны профсоюзы в России? // Реальное время: интернет-газета. 2020. 24 мая. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/175603-pochemu-besposm-schny-profsoyuzu-v-rossii?ysclid=ljfn2r7y66292626166> (дата обращения: 16.04.2023).
14. Кляшторин А. Верховный суд ликвидировал политическую партию «Союз труда» // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». 2020. 2 марта. URL: <https://www.solidarnost.org/news/verhovnyy-sud-likvidiroval-politicheskuyu-partiyu-soyuz-truda.html> (дата обращения: 15.04.2023).
15. Мосгорсуд ликвидировал Профсоюз журналистов и работников СМИ // Коммерсантъ. 2022. 14 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5560042> (дата обращения: 16.04.2023).
16. ВС РФ принял решение о ликвидации профсоюза адвокатов России // Гарант.ру: информационно-правовой портал. 2022. 14 июля. URL: <https://www.garant.ru/news/1554361> (дата обращения: 10.04.2023).

References

1. On trade unions, their rights and guarantees of activity. Federal law of January 12, 1996 No. 10-FZ (as amended). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (accessed on 15.04.2023). (In Russ.).
2. On temporary rules on societies and unions. Nominal Supreme Decree of March 4, 1906. Sobranie zakonov. Mar. 07, 1906. Dep. I. Art. 308. (In Russ.).
3. Trade unions of the USSR. Official website of Vologda Regional Universal Scientific Library. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/981.htm> (accessed on 15.04.2023). (In Russ.).
4. Trade unions of the USSR. Great Soviet Encyclopedia (in 30 vols.). 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1969-1986. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/13851/professionalnye-soyuzu-sssr.htm?ysclid=ljpssx86vv470667910> (accessed on 15.04.2023). (In Russ.).
5. On October 9, 1989, the right of workers to strike was recognized in the USSR. FinKalendar'. URL: <https://finkalendar.ru/articles/v-sssr-priznano-pravo-rabotnikov-na-zabastovku> (accessed on 16.04.2023). (In Russ.).
6. Kozlov V.A. Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2010. 462 p. (In Russ.).
7. Belousov Yu.P., Belousova N.V., eds. Novocherkassk: Encyclopedia. Novocherkassk: Novoprint; 2005. 719 p. (In Russ.).

8. Gerasimova E.S. Collective labor disputes, strikes and protests in Russia: Relevant laws and practices. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2016;(9):55-65. (In Russ.). DOI: 10.12737/21221
9. Bondarev V.G., Moor A. Social partnership and labour conflict in contemporary Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2008;(4):89-101. (In Russ.).
10. Shershukov A. Trade unions need to be rehabilitated. *Solidarnost'*. Sep. 26, 2021. (In Russ.).
11. On amending the legislative acts of the Russian Federation and recognizing some legislative acts of the Russian Federation as invalid in connection with the adoption of Federal laws "On amendments and additions to the Federal law "On the general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation" and "On general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation". Federal law of August 22, 2004 No. 122-FZ (as amended). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025/ (accessed on 15.04.2023). (In Russ.).
12. Kozina I. Industrial conflicts in modern Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2009;10(3):16-32. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204980/ecsoc_t10_n3.pdf (accessed on 10.02.2023). (In Russ.).
13. Bizyukov P. Why are trade unions helpless in Russia? *Real'noe vremya*. May 24, 2020. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/175603-pochemu-besposomozhny-profsoyuzu-v-rossii?ysclid=ljfn2r7y66292626166> (accessed on 16.04.2023). (In Russ.).
14. Klyashtorin A. The Supreme Court liquidated the political party "Soyuz truda". *Solidarnost'*. Mar. 02, 2020. URL: <https://www.solidarnost.org/news/verhovnyy-sud-likvidiroval-politicheskuyu-partiyu-soyuz-truda.html> (accessed on 15.04.2023). (In Russ.).
15. Moscow City Court liquidated the Trade Union of Journalists and Media Workers. *Kommersant*. Sep. 14, 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5560042> (accessed on 16.04.2023). (In Russ.).
16. The Supreme Court of the Russian Federation decided to liquidate the Trade Union of Lawyers of Russia. *Garant.ru*. Jul. 14, 2022. URL: <https://www.garant.ru/news/1554361> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Проценко — практикующий юрист (Новосибирск), студент Юридического института; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. Б. Черных — кандидат социологических наук, доцент кафедры трудового права и социального обеспечения; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. V. Protsenko — practicing lawyer (Novosibirsk), student of the Law Institute; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

A. B. Chernykh — PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of Labor Law and Social Security; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 342(574)

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-294-301

Национальная система правовой регламентации бухгалтерского учета Республики Казахстан

Илья Иванович Кузнецов^{1✉}, Алена Алексеевна Кузнецова²

¹ Алтайский институт экономики (филиал) Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

² Алтайский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Барнаул, Россия

¹ anarki2006_66@rambler.ru✉

² aln.kuznetsova@mail.ru

Аннотация. В статье проведен глубокий анализ действующего законодательства Республики Казахстан, рассмотрены отдельные положения Конституции Республики Казахстан, а также ряд других нормативно-правовых актов. Наряду с этим раскрыты особенности реализации такого принципа деятельности, как экономическое развитие на благо народа, закрепленного в ст. 2 действующей Конституции Республики Казахстан. Национальная система регламентации бухгалтерского учета Республики Казахстан определена как движущая сила совершенствования ее экономики. Система, характеризующаяся определенной структурой и особой иерархией, представлена правовым механизмом регламентации бухгалтерского учета с едиными учетными требованиями. В национальной системе учетной регламентации отражена специфика взаимодействия нормативных правовых актов на основе их принадлежности к одному из уровней описанной системы. В процессе исследования выявлены некоторые особенности национальной системы учетной регламентации Республики Казахстан. Особое внимание уделено правовым и методологическим основам ведения учета в отношении экономического субъекта. Освещен вопрос о роли Президента Республики Казахстан и Министерства финансов Республики Казахстан в становлении национальной системы учетной регламентации.

Ключевые слова: Конституция Республики Казахстан, конституционное право, конституционное законодательство Республики Казахстан, экономическое развитие, система регламентации бухгалтерского учета

Для цитирования: Кузнецов И. И., Кузнецова А. А. Национальная система правовой регламентации бухгалтерского учета Республики Казахстан // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 294–301. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-294-301>

Original article

National system of judicial accounting of accounting of the Republic of Kazakhstan

Ilya I. Kuznetsov^{1✉}, Alyona A. Kuznetsova²

¹ Altai Institute of Economics (Branch) St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Barnaul, Russia

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

© Кузнецов И. И., Кузнецова А. А., 2023

² Altai Branch of Financial university under the Government of the Russian Federation, Barnaul, Russia

¹ anarki2006_66@rambler.ru✉

² aln.kuznetsova@mail.ru

Abstract. The article provides an in-depth analysis of the current legislation of the Republic of Kazakhstan, examines certain provisions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, as well as a number of other normative legal acts. Along with it the features of realization of such principle of activity as economic development for the good of the people, fixed in article 2 of the acting Constitution of the Republic of Kazakhstan, are opened. The national system of accounting regulations of the Republic of Kazakhstan is defined as a driving force of improvement of its economy. The system, characterized by a certain structure and special hierarchy, is represented by the legal mechanism of accounting regulations with unified accounting requirements. The national system of accounting regulations reflects the specifics of interaction of normative legal acts on the basis of their belonging to one of the levels of the described system. In the process of research some features of the national system of accounting regulations of the Republic of Kazakhstan were revealed. Particular attention is paid to the legal and methodological bases of accounting in relation to the economic entity. The question of the role of the President of the Republic of Kazakhstan and the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan in the formation of a national system of accounting regulations is highlighted.

Keywords: Constitution of the Republic of Kazakhstan, constitutional law, constitutional legislation of the Republic of Kazakhstan, economic development, system of accounting regulations

For citation: Kuznetsov I.I., Kuznetsova A.A. National system of judicial accounting of accounting of the Republic of Kazakhstan. *Sociology and Law*. 2023;15(2):294-301. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-294-301>

Введение

Республика Казахстан является демократическим, правовым и социальным государством, согласно действующей Конституции Республики Казахстан. В качестве одного из основных принципов деятельности, согласно ст. 2 Конституции Республики Казахстан, государство выделяет экономическое развитие на благо народа [1]. Трактовка данного принципа многогранна. Представляется, что само по себе экономическое развитие на благо всего народа невозможно, так как, наряду с этим, необходимы важные политические решения и, в свою очередь, качественное осуществление уполномоченными органами функций исполнительной власти.

В ст. 26 указанной Конституции установлено, что у каждого существует право свободы предпринимательской деятельности, свободного использования своего имущества в целях осуществления любой законной предпринимательской деятельности. Из этого положения вытекает правило свободы предпринимательской деятельности. Экономический субъект свободен в выборе направления деятельности, но необходимо соблюдать определенные правила и законы для ее реализации. В свою очередь, законодатель создал условия, требования и правила ведения предпринимательской деятельности. Одним из важных и эффективных решений, на наш взгляд, является действующая система регламентации национального бухгалтерского учета. Министерство финансов Республики Казахстан (далее — МФ РК) внесло существенный вклад в становление системы учетной регламентации на территории исследуемого государства.

Теория

В Республике Казахстан действует национальная система бухгалтерского учета, сформированная исходя из специфики экономических отношений и государственных традиций. Национальная система бухгалтерского учета способствует решению задач совершенствования экономики Республики Казахстан посредством установления гармонизирующей законодательной базы и регламентации учетной системы. Так, системой национальной регламентации бухгалтерского учета и финансовой отчетности государства утверждается база правового и методологического характера в целях ведения бухгалтерского учета субъектов предпринимательской деятельности, а также государственных учреждений.

Над регулированием системы бухгалтерского учета и финансовой отчетности на уровне государства работают Президент Республики Казахстан; Правительство Республики Казахстан; уполномоченный орган, формирующий и реализующий государственную политику в области бухгалтерского учета и финансовой отчетности. Реализация ведения бухгалтерского учета осуществляется в соответствии с нормативно-правовыми актами различного статуса и зафиксированными в них основами правового и методологического характера в отношении организации и ведения учета, как видно на рисунке 1.

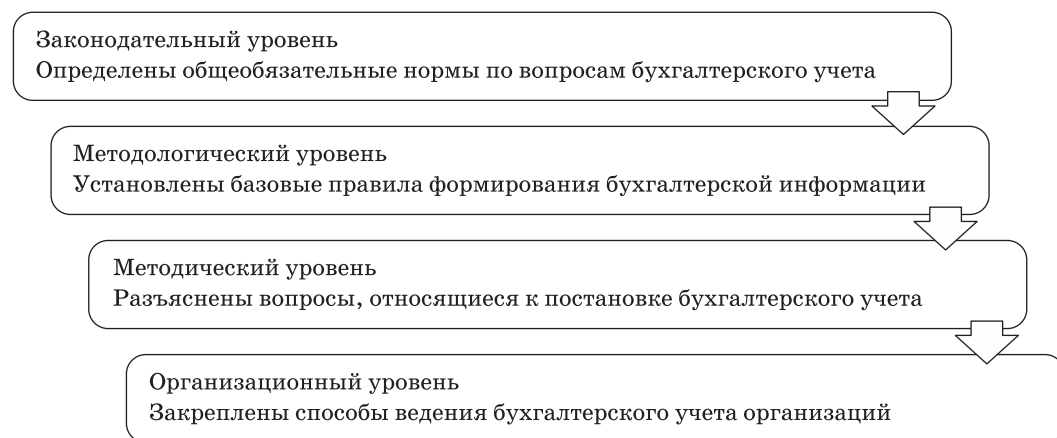

Рис. 1. Система учетной регламентации Республики Казахстан
Fig. 1. System of accounting regulations of the Republic of Kazakhstan

Статус документа определяет обязательность его применения. В приведенной выше четырехуровневой системе регламентации бухгалтерского учета на первом уровне закреплены нормы, применение которых является обязательным для экономического субъекта, а на последующих уровнях возникает необходимость учета непротиворечивости в отношении предыдущего уровня системы. Разработка нормативных правовых актов обязательного и разъясняющего статуса входит в компетенцию органов исполнительной власти.

Отдельные учетные аспекты регулируются Гражданским кодексом Республики Казахстан, Бюджетным кодексом Республики Казахстан, Предпринимательским кодексом Республики Казахстан и другими ее законами. Однако центральную позицию в приведенной системе принимает Закон Республики Казахстан от 28 февраля 2007 г. № 234 «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности» [2], определяющий фундаментальные правила в отношении бухгалтерского учета. В ст. 6 данного Закона понятие бухгалтерского учета определено как упорядо-

ченная система сбора, регистрации и обобщения информации об операциях и событиях индивидуальных предпринимателей и организаций, регламентированная законодательством о бухгалтерском учете и финансовой отчетности, а также учетной политикой.

На следующем уровне приведенной системы бухгалтерский учет в Республике Казахстан регламентирован уполномоченным государственным органом — МФ РК, осуществляющим методологическое руководство в области бухгалтерского учета посредством структурного подразделения, в частности Департамента методологии бухгалтерского учета, аудита и оценки МФ РК, как показано на рисунке 2.

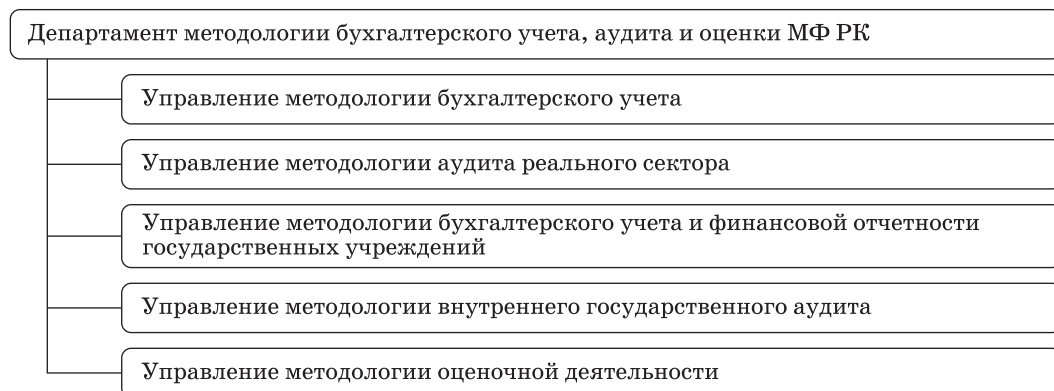

Рис. 2. Структура Департамента методологии бухгалтерского учета, аудита и оценки МФ РК

Fig. 2. Structure of the Department of accounting methodology, audit and evaluation of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan

В соответствии с положением о Департаменте методологии бухгалтерского учета, аудита и оценки МФ РК [7] на Управление методологии бухгалтерского учета возложены функции разработки нормативных правовых актов в области бухгалтерского учета и финансовой отчетности: разработка порядка ведения бухгалтерского учета, национальных стандартов финансовой отчетности, форм первичных документов бухгалтерского учета и др.

Так, приказами МФ РК утверждены следующие источники регулирования бухгалтерского учета методологического характера: Национальный стандарт финансовой отчетности, устанавливающий принципы ведения бухгалтерского учета и составления финансовой отчетности для субъектов предпринимательской деятельности [3]; Правила ведения бухгалтерского учета, отвечающие за установление порядка ведения бухгалтерского учета субъектами предпринимательства [4]; Правила ведения бухгалтерского учета в государственных учреждениях, определяющие порядок ведения бухгалтерского учета в государственных учреждениях, содержащихся за счет республиканских и местных бюджетов [5]; Типовой план счетов бухгалтерского учета, предназначенный для группировки и текущего отражения элементов финансовой отчетности в стоимостном выражении [6], и др.

На третьем уровне учетной регламентации Республики Казахстан действуют методические рекомендации к стандартам, инструкции и указания государственных органов, уточняющих положения стандартов. К рекомендациям, инструкциям и указаниям методического уровня обращаются в целях верного трактования и применения учетных стандартов.

Четвертый уровень системы учетной регламентации Республики Казахстан представлен стандартами экономического субъекта, закрепляющими способы ведения бухгалтерского учета субъекта предпринимательской деятельности. Этот уровень регламентации возникает исходя из самостоятельного определения организацией своей учетной политики и распорядительных документов, разработанных организацией и фиксирующих применяемые ей учетные методы. При разработке обязательным становится учет законодательных и методологических основ регламентации учета, однако организация может учитывать рекомендации методического уровня. Как следствие, представляя совокупность принципов, основ, положений, правил и практики, применяемых при составлении финансовой отчетности, учетная политика включает в себе методики и практические установки, не противоречащие учетной системе нормативно-правового регулирования Республики Казахстан. Учетная политика экономического субъекта выступает инструментом обеспечения непрерывности деятельности организации, что имеет большое значение в контексте экономического развития. Необходима демонстрация экономическими субъектами ответственного подхода к контролю согласованности элементов учетной политики с законодательством Республики Казахстан.

Таким образом, сформированная в Республике Казахстан система нормативной регламентации бухгалтерского учета служит правовой и методологической основой для осуществления экономическими субъектами (субъектами предпринимательства) их деятельности и устанавливает определенные требования к бизнесу. Но, по данным МФ РК, не все требования регуляторных актов в системе регламентации бухгалтерского учета соответствуют условиям их формирования, некоторые из требований охарактеризованы как избыточные. В десяти регуляторных актах, проанализированных Рабочей группой в области бухгалтерского учета, 7,5 % учетных требований не соответствуют базовым условиям, а значит, необходимым является их изменение (внесение дополнений); 0,5 % — необходимо отменить [8]. На основании представленной информации можно судить о том, что функции, возложенные на Департамент методологии бухгалтерского учета, аудита и оценки МФ РК в целом и Управление методологии бухгалтерского учета в частности, нередко выполняются с неудовлетворительной результативностью.

Результаты

В становлении национальной системы учетной регламентации в Республике Казахстан роль МФ РК можно охарактеризовать как ключевую. Устанавливая основополагающие требования к деятельности субъектов предпринимательства, МФ РК оказывает непосредственное влияние на их функционирование в рамках национальной экономики Республики Казахстан, в том числе и на качественные характеристики представляемой субъектами предпринимательства экономической (финансовой) информации.

Во избежание противоречий, связанных с законодательством Республики Казахстан (в аспекте бухгалтерского учета и финансовой отчетности), в том числе избыточных требований к субъектам предпринимательства, в дальнейшей нормотворческой деятельности МФ РК можно рекомендовать реформирование структуры Департамента методологии бухгалтерского учета, аудита и оценки МФ РК. Речь идет о дополнении Департамента новым структурным подразделением, наделенным функциями проведения экспертизы разработанных в Департаменте методологии бухгалтерского учета, аудита и оценки МФ РК нормативных

правовых актов в целях непротиворечия последних законодательству Республики Казахстан в области бухгалтерского учета и финансовой отчетности, аудита, внутреннего государственного аудита и финансового контроля, оценочной деятельности. Представляется, что предложенные изменения с положительной стороны подействуют на качество нормотворческой деятельности МФ РК.

Выводы

Таким образом, современное состояние общественных отношений в сфере бухгалтерского учета Республики Казахстан регулируется изложенной национальной системой учетной регламентации, характеризующейся своеобразной структурой и иерархией, представленной многосложным правовым механизмом регулирования бухгалтерского учета для государственных и коммерческих организаций. Существенная роль в становлении этой системы в качестве нормотворческого органа принадлежит МФ РК. Наряду с этим необходимым представляется реформирование органов исполнительной власти в целях: 1) повышения эффективности функционирования государственных органов, в частности внутреннего взаимодействия управлений Департамента методологии бухгалтерского учета, аудита и оценки МФ РК; 2) доработки (изменения) действующих нормативно-правовых актов в данной сфере в целях соответствия условиям их формирования; 3) повышения качества вновь созданных нормативных правовых актов и эффективности их реализации.

Список источников

1. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. (с изм. и доп. по состоянию на 23 марта 2019 г.) // Офиц. сайт Президента РК. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 09.09.2022).
2. О бухгалтерском учете и финансовой отчетности: закон Республики Казахстан от 28 февраля 2007 г. № 234 (в ред. от 12 сентября 2022 г.) // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. URL: https://www.gov.kz/legalacts/details/Z070000234_?lang=ru (дата обращения: 09.09.2022).
3. Об утверждении Национального стандарта финансовой отчетности: приказ Министерства финансов РК от 31 января 2013 г. № 50 (в ред. от 22 октября 2021 г.) // Министерство финансов РК: офиц. сайт. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/adilet/V1300008328?lang=ru> (дата обращения: 09.09.2022).
4. Об утверждении Правил ведения бухгалтерского учета: приказ Министерства финансов РК от 31 марта 2015 г. № 241 (в ред. от 22 октября 2021 г.) // Министерство финансов РК: офиц. сайт. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/adilet/V1500010954?lang=ru> (дата обращения: 09.09.2022).
5. Об утверждении Правил ведения бухгалтерского учета в государственных учреждениях: приказ Министра финансов РК от 3 августа 2010 г. № 393 (в ред. от 6 января 2022 г.) // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. URL: https://www.gov.kz/legalacts/details/V100006443_?lang=ru#z1 (дата обращения: 09.09.2022).
6. Об утверждении Типового плана счетов бухгалтерского учета: приказ Министерства финансов РК от 23 мая 2007 г. № 185 (в ред. от 4 июля 2019 г.) // Министерство финансов РК: офиц. сайт. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/adilet/V070004771_?lang=ru (дата обращения: 09.09.2022).
7. Положение о Департаменте методологии бухгалтерского учета, аудита и оценки Министерства финансов Республики Казахстан: приказ ответственного секретаря Министерства финансов РК от 13 декабря 2019 г. // Министерство финансов РК: офиц. сайт. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/3892?lang=ru> (дата обращения: 10.03.2023).

8. Справка по выработке мер по формированию Реестра обязательных требований в сфере предпринимательства для проведения анализа (пересмотра) регуляторных актов // Министерство финансов РК: офиц. сайт. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/410417?lang=ru> (дата обращения: 10.03.2023).

References

1. Constitution of the Republic of Kazakhstan. Adopted at the republican referendum on August 30, 1995 (with amendments and additions as of March 23, 2019). Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.akorda.kz/en/official_documents/constitution (accessed on 09.09.2022).
2. On accounting and financial reporting. The Law of the Republic of Kazakhstan dated 28 February, 2007 No. 234 (as amended on September 12, 2022). Unified Platform of Internet Resources of State Bodies. URL: <https://www.gov.kz/legalacts/details/Z070000234?lang=en> (accessed on 09.09.2022).
3. On approval of the National financial reporting standard. Order of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan dated January 31, 2013 No. 50 (as amended on October 22, 2021). Official website of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/adilet/V1300008328?lang=ru> (accessed on 09.09.2022). (In Russ.).
4. On approval of the Accounting rules. Order of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan dated March 31, 2015 No. 241 (as amended on October 22, 2021). Official website of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/adilet/V1500010954?lang=ru> (accessed on 09.09.2022). (In Russ.).
5. On approval of the Rules for maintaining accounting in public institutions. Order of the Minister of Finance of the Republic of Kazakhstan dated August 3, 2010 No. 393 (as amended on January 6, 2022). Unified Platform of Internet Resources of State Bodies. URL: <https://www.gov.kz/legalacts/details/V100006443?lang=ru#z1> (accessed on 09.09.2022). (In Russ.).
6. On approval of the Model chart of accounts. Order of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan dated May 23, 2007 No. 185 (as amended on July 4, 20). Official website of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/adilet/V070004771?lang=ru> (accessed on 09.09.2022). (In Russ.).
7. Regulations on the Department of Accounting, Audit and Evaluation Methodology of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. Order of the Executive Secretary of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan dated December 13, 2019. Official website of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/3892?lang=ru> (accessed on 10.03.2023). (In Russ.).
8. Information on the development of measures for the formation of the Register of mandatory requirements in the field of entrepreneurship for the analysis (revision) of regulatory acts. Official website of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/410417?lang=ru> (accessed on 10.03.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

И. И. Кузнецов — старший преподаватель кафедры правовых дисциплин; 656011, Барнаул, Ленина пр., д. 106е; соискатель кафедры конституционного и муниципального права МГЮА имени О. Е. Кутафина; 125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9;

А. А. Кузнецова — магистрант 3-го курса направления подготовки «Экономика»; 656038, Барнаул, Ленина пр., д. 54.

Information about the authors

I. I. Kuznetsov — senior lecturer at the Department of Legal Disciplines; 106E Lenina Ave., Barnaul 656011, Russia; degree seeker at the Constitutional and Municipal Law Department of MSAL; 9 Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow 125993, Russia;

A. A. Kuznetsova — 3th year master's degree student of the faculty of Economics; 54 Lenina Ave., Barnaul 656038, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья

УДК 327

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-302-310

Историко-правовой анализ значения и последствий торгового договора между Россией и Германией 1894 г.

Алексей Александрович Кулаков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, alexey_kulakov@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу текста торгового договора между Россией и Германией 1894 г. Автором подробно проанализированы условия и структура торгового договора, его историко-правовое значение. На основе проведенного исследования обосновано предположение о том, что заключение торгового договора не привело к окончанию Русско-германской таможенной войны, начавшейся в 1892 г. В статье дана оценка последствиям заключения торгового договора для взаимной торговли двух стран и дальнейших событий в мировой истории.

Ключевые слова: торговый договор 1894 г., торговый трактат, таможенная война, тарифная война, конвенционный тариф, режим наибольшего благоприятствования, таможенные пошлины, Российская империя, Германская империя

Для цитирования: Кулаков А. А. Историко-правовой анализ значения и последствий торгового договора между Россией и Германией 1894 г. // Социология и право. 2023. Т. 15. № 3. С. 302–310. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-302-310>

Original article

Historical and legal analysis of the meaning and consequences of the trade treaty between Russia and Germany in 1894

Aleksey A. Kulakov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
alexey_kulakov@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the text of the trade agreement between Russia and Germany of 1894. The author has analyzed in detail the conditions and structure of the trade agreement, its historical and legal significance. On the basis of the conducted research the supposition is grounded that conclusion of the trading agreement has not resulted in termination of the Russian-German customs war which began in 1892. The article gives the evaluation of the consequences of the trading agreement for mutual trade of two countries and further events in the world history.

Keywords: 1894 trade treaty, trade treaty, customs war, tariff war, convention tariff, most-favored-nation treatment, customs duties, Russian Empire, German Empire

For citation: Kulakov A.A. Historical and legal analysis of the meaning and consequences of the trade treaty between Russia and Germany in 1894. *Sociology and Law*. 2023;15(2): 302-310. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-302-310>

Введение

1 февраля 1892 г. началась Русско-германская таможенная война. Ее начало обусловлено вступлением в силу торговых договоров Германской империи с целым рядом европейских государств: Австро-Венгрией, Румынией, Италией, Швейцарией и Бельгией. По условиям этих соглашений, стороны фиксировали ставки таможенных пошлин применительно к товарам, которые нельзя было изменить в одностороннем порядке. Германия со своей стороны допускала понижение таможенных пошлин на сельскохозяйственную продукцию в обмен на эквивалентное снижение торговым партнером пределов на продукты фабрично-заводской промышленности.

Помимо договаривающихся сторон, эти понижения автоматически распространялись и на третьи страны, которым в соответствии с ранее заключенными торговыми трактатами был предоставлен режим наиболее благоприятствуемой нации. В результате выгодами от конвенционных тарифов Германии со средне-европейскими странами пользовались также США, южноамериканские государства, балканские страны и т. д., являвшиеся основными торговыми конкурентами России. При этом русский экспорт тарифными преференциями не пользовался вследствие того, что письменные договоренности с рейхом отсутствовали. С. Ю. Витте в мемуарах писал: «Россия не имела торгового договора с Германией и по традиционной дружбе, основанной главным образом на династическом родстве, они всегда трактовали друг друга по принципу наибольшего благоприятствования. Но уже к этому времени отношения России к Германии существенно изменились» [1, с. 435].

Переход Германии на систему конвенционных тарифов привел к тому, что ставки таможенных пошлин на российские товары практически по всем позициям товарной номенклатуры возросли на 15–30 %. Режим наибольшего благоприятствования перестал действовать в отношении русского экспорта.

Наиболее острая фаза таможенной войны пришлось на июль — август 1893 г.: обе империи ввели «боевые» пошлины, что привело к фактической остановке взаимной торговли. В результате уже 17 августа 1893 г. в бундесрате прозвучало, что германская торговля не может «выдержать таможенной войны с Россией» [2, с. 151]. Спустя неделю после введения заградительных пошлин в рейхсканцелярию стали поступать многочисленные заявления от торговых представительств и союзов промышленников: 7 августа 1893 г. — от купечества Кенигсберга, 25 августа 1893 г. — от Торговой палаты Билефельда, 29 августа 1893 г. — из Эльбинга и от Объединения камвольно-прядаильных фабрик, 31 августа 1893 г. — из Данцига и от магистрата Бромберга, 15 сентября 1893 г. — из Штольберга. Поэтому уже 19 сентября 1893 г. в Берлине открылась таможенная конференция с участием германской и российской делегаций, призванная найти взаимоприемлемое решение и урегулировать имеющиеся торговые разногласия путем заключения торгового договора.

Результатом работы берлинской конференции, продолжавшейся четыре с половиной месяца, стало подписание сторонами Договора о торговле и мореплавании между Россией и Германией, заключенного 29 января (10 февраля) 1894 г. [3]. В отечественной историографии этот документ известен и как «торговый трактат» или «торговый договор 1894 г.», реже упоминается как «таможенный договор» [4]. В отличие от предыдущих раундов, переговоры, начавшиеся в сентябре 1893 г., проходили в конструктивном ключе, что свидетельствует о заинтересованности обеих сторон в скорейшем завершении тарифной войны и готовности к компромиссам. На них возлагали огромные надежды. Так, М. Казин

указывал, что «на предстоящей берлинской конференции будет решаться вопрос не только достоинства, но и благосостояния России» [5, с. 44]. В. Витчевский писал, что неудовольствие даже такими сжатыми сроками переговоров «доказывало достаточно, что продолжение таможенной войны ощущалось в высшей степени тягостно. Многочисленные изъявления благодарности и симпатии, выраженные русскому министру финансов после заключения договора, могут служить показателем того, что в благоразумных кругах общества договор рассматривали с русской точки зрения как спасительный акт» [6, с. 149].

Материалы и методы

Выработанная на конференции формула торгового договора, если кратко, сводилась к следующему: Германия предоставляла России режим наибольшего благоприятствования и, соответственно, распространяла на сельскохозяйственную продукцию и сырьевые товары действие конвенционного тарифа взамен существенного понижения пошлин на германскую промышленную продукцию.

Торговый договор заключен в Берлине: с германской стороны его подписали рейхсканцлер Л. ф. Каприви и прусский посланник в Гамбурге, доктор И. А. Тилеман; с российской — граф П. А. Шувалов, чрезвычайный и полномочный посол России в Берлине. Договор вступил в силу после обмена сторонами ратификационными грамотами 8 марта (20 марта) 1894 г.

Документ состоял из четырех частей: основного текста договора, конвенционных тарифов России (приложения А) и Германии (приложения Б), а также заключительного протокола, содержавшего разъяснения ряда положений договора [7]. Основной текст включал в себя преамбулу и 20 статей. В преамбуле была указана цель заключения трактата: укрепление благоприятных отношений между Россией и Германией путем распространения и развития сношений между ними, а также зафиксированы полномочия подписывающих лиц.

Статьи 1–4 уравнивали граждан в правах с коренными жителями в аспекте торговли и совершения деловых операций, предусматривали положения о взаимном распространении режима наибольшего благоприятствования. Статья 4 впоследствии неоднократно подвергалась критике из-за того, что способствовала иностранному закабалению российской экономики. Норма наделяла германские акционерные общества и товарищества равными правами с русскими предприятиями в случае создания филиалов и представительств в России, что позволяло немецкому капиталу беспрепятственно преодолевать таможенные барьеры.

Статья 5 обязывала договаривающиеся стороны воздерживаться от запретов на экспорт и импорт в целом и разрешать транзитные перевозки по одним и тем же открытым маршрутам. Исключения из этих положений допускали только для предметов государственной монополии, а также в интересах здравоохранения и ветеринарной полиции, общественной безопасности или по другим значимым причинам. Фактически данная норма ограничивала немотивированное введение нетарифных ограничений во взаимной торговле.

Статьи 6–7 устанавливали гарантии действия режима наибольшего благоприятствования при помещении товаров под разные таможенные режимы, в том числе при осуществлении реэкспорта и транзита. Статьи 8–12 ограничивали свободу косвенного налогообложения ввозимых товаров и запрещали устанавливать дифференцированные ставки для иностранной продукции. Помимо таможенных пошлин, эти нормы применяли и в отношении акцизов и различных сборов: размер взимаемых платежей не мог быть выше установленного для товаров местного происхождения.

Статьи 13–18 включали в себя вопросы торгового мореплавания и уравнивали суда в правах при заходах в порты одной из договаривающихся сторон. Из режима наибольшего благоприятствования сделано исключение в отношении рыболовства: иностранные рыбаки могли иметь меньше прав по сравнению с коренным населением. Статья 19 оставляет за обоими государствами неограниченную свободу устанавливать собственные тарифы на железнодорожные перевозки. Однако существующие тарифы должны быть применены одинаково к членам обоих государств. Наконец, статья 20 определяла срок действия торгового договора, который составлял почти десять лет: трактат действовал по 31 декабря 1903 г. О денонсации или выходе из соглашения стороны должны были уведомить друг друга заблаговременно (за год).

Именно эта норма, на наш взгляд, и не позволяет говорить об окончании таможенной войны со вступлением договора в силу. В данном случае уместно провести аналогию с международным правом, согласно нормам которого вооруженный конфликт считается завершенным в случае заключения мирного договора, имеющего бессрочный характер. Поскольку торговый договор предусматривал срок действия, его нельзя считать документом, поставившим точку в таможенной войне; он лишь приостановил «боевые действия» и ограничил сторону в применяемых «орудиях и средствах». Истечение срока действия конвенционного тарифа автоматически означало переход в состояние таможенной войны, в ее активную фазу.

Подтверждают эту точку зрения и слова немецкого экономиста и историка В. Зомбарта о том, что «торговые договоры означали своего рода перемирие во время длительной борьбы, которая становилась все более ожесточенной, передышку, предоставление друг другу времени для собирания и концентрации сил после периода беспокойства и волнений в области торговой политики» [8, с. 269]. Как указано выше, торговый договор содержал два таможенных тарифа — русский и германский. В них фиксировали ставки таможенных пошлин на наиболее чувствительные группы товаров, имевшие значение для взаимной торговли. Это означало, что в отношении товаров, по которым соглашение не было достигнуто, продолжали действовать общий таможенный тариф, принимаемый сторонами самостоятельно.

Уступки в области таможенного обложения — ключевой вопрос для оценки значения торгового договора 1894 г. Текстуальный анализ договора показывает, что Германия, больше проигравшая от тарифной войны, чем Россия, сумела обратить тарифные переговоры в свою пользу и заключить соглашение на более выгодных условиях, чем свойственно побежденной стороне. И. М. Кулишер, описывая настроения в немецком обществе того времени, указывал, что «Германия называла это (торговый договор 1894 г. — *Прим. авт.*) открыто победой — “период с начала 90-х гг. открывается крупной победой Германии над Россией”» [8, с. 266]. Согласно обзору «Русской мысли», в договоре нашла закрепление «большая часть ставок германского пониженного (конвенционного) тарифа» [9].

Следует признать, что и текст договора разработан в большей степени германской стороной, поскольку у России был скудный опыт в применении конвенционных пошлин. На момент заключения соглашения с рейхом у России был лишь один подобный договор (с Францией), и текстуально они не совпадают, в то время как у Германии — 22.

О победе заявляла и российская сторона. С. Ю. Витте, внося проект договора на рассмотрение в Государственный совет, объяснял, что «уступки, сделанные Германии по русскому конвенционному тарифу, лишь в незначительной мере превышают те уменьшения тарифных ставок, которые в свое время были пред-

ложены при предварительном обсуждении договора в русской комиссии... и что уменьшение тарифа, на который согласилась Германия, в общем касаются русского вывоза в сумме 210 млн руб. и сокращают таможенные сборы с русских товаров на 6 200 000 руб., в то время как русские уступки относятся только к ввозу в 49 млн руб. и повлекут за собой уменьшение таможенного дохода не более чем на 2 600 000 руб.» [6, с. 146–147]. При этом исследователи расходятся во мнении относительно количества уступок, сделанных германской стороне. Так, по данным «Русской мысли», Россия снизила ставки на 135 товарных позиций, предусмотренных общим тарифом 1891 г. [9], а по мнению И. М. Кулишера — лишь на 71 [8, с. 266].

Вместе с тем каким бы не было соотношение уступок и выгод по конвенционным тарифам, заключение торгового договора 1894 г. имело важное последствие для его сторон: продолжение тарифной войны в период действия договора становилось практически невозможным. И у России, и у Германии оставался ограниченный арсенал средств ведения таможенной войны. Он в основном исчерпывался мерами нетарифного регулирования в установленных договором пределах.

Особого внимания заслуживает заключительный протокол к договору. Эта часть документа, помимо разъяснения отдельных положений договора, содержала особые пограничные и таможенные правила, в существенной степени ограничивавшие свободу таможенной политики, проводимой обеими странами. В частности, в протоколе указан перечень таможенных учреждений, расположенных на сухопутной границе между Россией и Германией с информацией о режиме работы, их классе и, соответственно, полномочиях, установлено равенство компетенций противолежащих таможен, определен перечень пунктов пропуска, через которые возможен провоз транзитных товаров. Предусмотрены и компетентные органы, имевшие право консульского сношения по возникающим спорным вопросам: при наличии таковых в России обращаться надлежало в Департамент таможенных сборов Министерства финансов, в Германии — в таможенные дирекции провинций.

Помимо организационных и инфраструктурных вопросов, протокол закреплял валютный курс, по которому должны были быть оплачены таможенные платежи, устанавливал тождество декларации и транспортных накладных для целей налогообложения, а в отдельных случаях предписывал правила определения стоимости конкретного товара и исчисления пошлин. Такие допущения сделаны, например, в отношении русского керосина и германского угля. Пошлину на керосин предписано определять не по весу, а в зависимости от объема, чем созданы более выгодные условия для его экспорта в Германию; стоимость ввозимого в Россию каменного угля должна была быть определена на основе транспортных накладных [7]. Ю. Г. Кисловский справедливо утверждал, что «Россия, заключив договор с Германией, потеряла автономию в таможенной политике и в конечном счете независимость в определении ее стратегии. По мнению Н. Н. Шапошникова, введение конвенционного тарифа привело к тому, что Россия свернула с магистрального экономического пути развития, а это лишало ее самостоятельности в развитии национальной экономики» [10, с. 206]. Автономию в вопросах таможенной политики утрачивала и Германия, но в ее случае это не имело такого значения, как для России.

Помимо договора, важную юридическую роль играли сопроводительные документы. Так, перед подписанием торгового трактата стороны обменялись особыми нотами, в которых изложена позиция относительно тарифа Великого княжества Финляндского, представлявшего особую таможенную территорию. Германская делегация настаивала на том, чтобы отдельным приложением к дого-

вору были предусмотрены конвенционные пошлины Финляндии. Однако Россия на это условие не согласилась, обосновав это тем, что планирует в ближайшем будущем объединить оба тарифа (в таком случае финские ставки возрастали на 75 %), о чем немецкая сторона будет проинформирована заблаговременно (не менее чем за год). Финляндский таможенный тариф оставался одной из острых тем последующих российско-германских переговоров.

В особых нотах отражено также обязательство Германии по обеспечению беспрепятственной работы смешанных транзитных складов в крупных немецких городах. Эти склады использовались для временного хранения иностранного зерна, преимущественно пшеницы. Использование подобных хранилищ было выгодно одновременно и России, и Германии. Русским экспортерам при помещении зерна на такой склад предоставляли отсрочку от уплаты таможенных пошлин. Условием беспошлинного ввоза в Германию русского хлеба был вывоз эквивалентного количества германского. Кроме того, транзитные склады использовали для очистки и смешения с местным зерном. Так, русская пшеница, богатая клейковиной, при помоле образовывала крепкую муку, которая не находила спроса на западноевропейских рынках. Смешение ее с германским зерном, содержащим более высокий уровень крахмала, позволяло повысить экспорт. С одной стороны, тем самым были обеспечены интересы России, связанные со сбытом зерна, с другой — частично удовлетворены чаяния аграриев Германии по увеличению поставок хлеба за рубеж.

Еще один важный документ — секретное Соглашение 1894 г. между Россией и Германией, согласно которому русские ценные бумаги снова могли беспрепятственно размещать на немецких биржах. Министерство финансов Российской империи официально заявляло, что «практическое значение этой меры не велико, так как русские бумаги никогда не помещались в названные кредитные учреждения в значительном количестве», но отмечало «моральное значение этого акта дружелюбия» [6, с. 150].

Выводы

Несмотря на то, что договор 1894 г. не позволил окончательно завершить таможенную войну, он имел важное значение как для двусторонних отношений России и Германии, так и для мира в целом. Отчасти его заключение позволило отсрочить начало Первой мировой войны. С. Ю. Витте в своих воспоминаниях писал, что в 1893 г. «многие ожидали, что вспыхнет настоящая война» [1, с. 439], а В. Витчевский называл торговый трактат «залогом мира», «в то время как таможенная война представляла опасность и даже являлась прямым преддверием враждебных действий» [6, с. 149]. Велика роль договора и в ограничении возможностей ведения таможенной войны, прежде всего за счет невозможности использования «боевых» тарифов. На определенное время обеим странам удалось нормализовать добрососедские отношения.

Политические и экономические последствия заключенного договора оценить сложнее. Германии он позволил восстановить прежнее положение на российском рынке. В конечном итоге рейх достиг того, к чему стремился, начиная таможенную войну, то есть письменно урегулировать с Россией торговые отношения, добиться приемлемых условий для своих промышленных изделий, обуздать и ограничить огульное повышение царским правительством таможенных пошлин. Во внутривосточной повестке договор 1894 г. представлял собой «торжество германской промышленности за счет ослабления охраны сельского хозяйства» [9] и позволил подорвать влияние юнкерства. Для России договор тоже был

«спасительным актом» [6, с. 148], поскольку позволял выйти из торговой изоляции, обусловленной господством конвенционных тарифов, возобновить поставки зерна на мировой рынок и пополнить царскую казну. За счет того, что заключение договора восстанавливало режим наибольшего благоприятствования в России и других странах-участниках аналогичных соглашений с Германией, это открывало возможность для нормализации коммерческих отношений и более выгодного обмена с третьими странами. Передышку, обусловленную прекращением тарифного противостояния, русское правительство рассчитывало использовать для стабилизации финансовой системы (организации биржевого, монетного и кредитного дела), развития индустриальных сил, расширения транспортной системы. Экономические выгоды соглашения усматривались для обоих договаривающихся государств: в упрочении торговых сношений на десять лет и облегчении торгового оборота и таможенной процедуры.

Вместе с тем существовали нюансы. Германии не удалось в полной мере обеспечить свои экономические интересы, далеко не по всем вопросам удалось договориться с российской стороной. Сохранялась напряженность в отношениях с представителями аграрных партий и съездов, ослабление протекционистской политики привело к подрыву продовольственной безопасности и внутривнутриполитической нестабильности. В России против торгового договора выступали представители крупной промышленности, лишавшиеся традиционной охранительной поддержки от государства. Это давало основания для резких, зачастую эмоциональных оценок заключенного договора. В периодической печати времен Первой мировой войны речь шла о том, что, «заключая трактат в 1894 г., немцы взяли с нас “вексель” сроком по конец 1904 г.» [11, с. 44], а современный исследователь Е. Жирнов называет торговый договор «идеалом торговых сношений между колонией и метрополией» [12, с. 60]. Таможенная политика переставала быть автономной, ее приходилось координировать с торговыми партнерами, учитывая имеющиеся договорные обязательства.

Список источников

1. Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары: в 3 т. Т. 1. 2-е изд. Мн.: Харвест, 2017. 767 с.
2. Хальгартен Г. Империализм до 1914 года: социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 695 с.
3. Договор о торговле и мореплавании между Россией и Германией. М.: Губернская типография, 1894. 53 с.
4. Промышленность и торговля, январь—июнь 1915. о.16N 20 // Электронный архив Государственной публичной научно-технической библиотеки России. URL: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/230-promyshlennost-i-torgovlya-1915-o-16n-20> (дата обращения: 05.05.2023).
5. Кази М. И. По поводу таможенной войны с Германией: доклад Общему Собранию Высочайше утвержденного общества для содействия русской промышленности и торговле. 1 сент. 1893 г. СПб.: типо-лит. С. Ф. Яздовского и К°, 1893. 67 с.
6. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней / пер. с нем. А. В. Брауде. СПб.: Издание Д. А. Казицына и Ю. Д. Филиппова, 1909. 362 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 7. Д. 20.
8. Кулишер И. М. Основные вопросы международной торговой политики. 4-е изд. Челябинск: Социум, 2002. 479 с.
9. Русская мысль. 1912. Апрель // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000303782?page=7&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 05.05.2023).

10. Кисловский Ю. Г. История таможенного дела и таможенной политики России: учебник. М.: Русина-пресс, 2004. 585 с.
11. Вопросы внешней торговой политики в российской повременной печати. Петроград: тип. В. О. Киришбаума, 1916. 285 с.
12. Журнов Е. Идеал торговых сношений между «колонией» и «метрополией» // Коммерсантъ Власть. 2006. 18 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/705468> (дата обращения: 05.05.2023).

References

1. Witte S.Yu. Memories (in 3 vols.). Vol. 1. 2nd ed. Minsk: Harvest; 2017. 767 p. (In Russ.).
2. Hallgarten G.W.F. Imperialismus vor 1914. Soziologische Darstellung der Deutschen Aussenpolitik bis zum Ersten Weltkrieg. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung; 1951. 493 p. (Russ. ed.: Hallgarten G. Imperializm do 1914 goda: Sotsiologicheskoe issledovanie germanskoi vneshnei politiki do Pervoi mirovoi voiny. Moscow: Foreign Literature Publ.; 1961. 695 p.).
3. Treaty on trade and navigation between Russia and Germany. Moscow: Provincial Print.; 1894. 53 p. (In Russ.).
4. Industry and trade, January-June 1915. Invent. 16N 20. Electronic archive of the State Public Scientific and Technical Library of Russia. URL: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/230-promyshlennost-i-torgovlya-1915-o-16n-20> (accessed on 05.05.2023). (In Russ.).
5. Kazi M.I. Concerning the customs war with Germany: Report to the General Assembly of the Highly Approved Society for the Promotion of Russian Industry and Trade. 1 Sept. 1893. St. Petersburg: S.F. Yazdovsky & Co. Print.-Lithogr.; 1893. 67 p. (In Russ.).
6. Wittschewsky V. Russlands Handels-Zoll-und Industriepolitik: Von Peter dem Grossen bis auf die Gegenwart. Berlin: E.S. Mittler & Sohn; 1905. 392 p. (Russ. ed.: Wittschewsky V. Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii so vremen Petra Velikogo do nashikh dnei. St. Petersburg: D.A. Kazitsyn and Yu.D. Filippov Publ.; 1909. 362 p.).
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 20. Invent. 7. File 20. (In Russ.).
8. Kulisher I.M. Basic issues of international trade policy. 4th ed. Chelyabinsk: Sotsium; 2002. 479 p. (In Russ.).
9. Russkaya mysl'. 1912. April. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000303782?page=7&rotate=0&theme=white> (accessed on 05.05.2023). (In Russ.).
10. Kislovskii Yu.G. History of customs and customs policy in Russia. Moscow: Rusina-Press; 2004. 585 p. (In Russ.).
11. Issues of foreign trade policy in Russian periodical press. Petrograd: V.O. Kirshbaum Print.; 1916. 285 p. (In Russ.).
12. Zhirnov E. The ideal of trade relations between the “colony” and the “mother country”. Kommersant Vlast'. Sep. 18, 2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/705468> (accessed on 05.05.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Кулаков — руководитель центра правовых экспертиз и сопровождения образовательной деятельности Дирекции по правовым вопросам; 109028, Москва, Покровский б-р, д. 11.

Information about the author

A. A. Kulakov — Head of the Center for Legal Expertise and Support of Educational Activities of the Directorate for Legal Affairs; 11 Pokrovskiy blvd., Moscow 109028, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.

1.2. Название статьи на русском и английском языках.

1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.

1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.

1.5. Библиографический индекс УДК.

1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежутки страниц приводятся через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indentation — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.